LA DÉFINITION

DE LA

PHILOSOPHIE

PAR

ERNEST NAVILLE

Docteur en Philosophie de l'Université de Zurich,
Professeur honoraire de l'Université de Genève,
Associé étranger de l'Institut de France et de l'Académie de Palerme,
Membre honoraire de l'Académie de Rovereto,
Correspondant de l'Académie de Savoie et de l'Athénée de Venise.

PARIS
ANCIENNE LIBRAIRIE GERMER BAILLIÈRE ET Cie
FÉLIX ALCAN, ÉDITEUR
GENÈVE ET BALE : GEORG & Cie
1894

ЧТО ТАКОЕ
ФИЛОСОФИЯ
(ОПРЕДЕЛЕНИЕ ФИЛОСОФИИ)

ЭРНЕСТ НАВИЛЬ

Доктор философии Цюрихского университета,
Почётный профессор Женевского университета,
Иностранный член Института Франции и Академии Палермо,
Почётный член Академии в Роверето,
Корреспондент Академии Савойи и Афинэума Венеции.

ПАРИЖ
1894

Перевод 2025 г. - Школа Христианской Мудрости
School Christian Wisdom www.scwi.top

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ — стр. 6

ВВЕДЕНИЕ — стр. 10
1. Определение философии как науки требует определения понятия науки вообще и специфических черт философии.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ. НАУКА — стр. 10
2. Наука — это состояние мысли, обладающее истиной.
3. Научный поиск обусловлен духом исследования или философским сомнением.
4. Научный поиск частично результат особой склонности человеческого разума.
5. Истина — это качество суждений.
6. Истинные суждения характеризуются объективностью, навязывающейся индивидуальному мышлению.
7. Истинные суждения выражают либо разумные истины с необходимостью, либо фактические истины с вероятностью.
8. Чтобы полно понять науку, надо уточнить её природу, метод, ценность и постулаты.

ПРИРОДА НАУКИ — стр. 16
9. Объект науки — реальность.
10. Непосредственно познаваемые реальности выявляются опытом.
11. Непосредственно познаваемые реальности бывают материальными, духовными или идейными.
12. Истинные суждения — лишь элементы науки, которая состоит из взаимосвязанных суждений.

13. Цель науки — объяснить факты или оправдать опыт.
14. Полная наука требует: 1) согласия личного мышления с опытом, 2) согласия личного мышления с разумом, 3) открытия идей, благодаря которым устанавливается согласие опыта и разума.
15. Чисто рациональные науки стремятся к согласию личного мышления с разумом.
16. Чисто рациональные науки не объясняют фактов, а априори устанавливают истины, являющиеся средствами объяснения.
17. Чисто эмпирические науки стремятся к согласию личного мышления с фактами.
18. Полная наука экспериментальна и рациональна, так как она объяснительна.
19. Научные объяснения строятся через дедукции, связанные с идеями класса, закона, причины и цели.

ОБЪЯСНЕНИЕ ЧЕРЕЗ ИДЕЮ КЛАССА — стр. 21
20. Объяснение через идею класса основывается на принципе: что истинно для рода, истинно и для вида и индивида.
21. Обобщение, создающее классы, — условие научного мышления.
22. Объяснение через класс предполагает наличие сходных элементов в множестве разнообразных существ.
23. Общие элементы существ одного класса составляют их сущность.
24. В фактических науках сущность предполагает субстанцию.
25. Наука стремится определить первичные классы или простые субстанции, из которых состоят существа.

ОБЪЯСНЕНИЕ ЧЕРЕЗ ИДЕЮ ЗАКОНА — стр. 25
26. Законы — формулы, выражающие отношение причины к следствию.
27. Наука предполагает, что законы обладают постоянством.
28. Законы природы всегда реализуются.
29. Логические и моральные законы выражают то, что должно быть.
30. Психические законы изменяются в применении волей.
31. Законы предполагают причины.

ОБЪЯСНЕНИЕ ЧЕРЕЗ ИДЕЮ ПРИЧИНЫ — стр. 28
32. Причина — производящая факт сила.
33. Причинность — не простая последовательность.
34. Причины — субстанции, то есть существа.
35. Причины бывают трёх видов: материальные, спонтанные, свободные.
36. Свободная причина частично ответственна за свои действия.

ОБЪЯСНЕНИЕ ЧЕРЕЗ ИДЕЮ ЦЕЛИ — стр. 31
37. Познание цели объясняет, показывая связь между целью и средствами её достижения.
38. Добровольные действия объясняются через волю и преследуемую ею цель.
39. Рассмотрение конечной причины важно в биологии.
40. Рассмотрение цели не применяется в физике как частной науке.
41. Идея целенаправленности применяется к физическим явлениям при рассмотрении их в связи с целым мира.
42. Запрет на конечные причины проистекает из двух путаниц: между конечными и эффективными причинами, и между тотальными и реальными целями.
43. Применение способов объяснения варьируется в разных науках.

МЕТОД НАУКИ — стр. 35
44. Рационализм и эмпиризм — две ложные методики.
45. Метод состоит из трёх мыслительных операций: констатации, предположения, проверки.

КОНСТАТАЦИЯ — стр. 36
46. Констатация — результат простого наблюдения или эксперимента.
47. Наблюдение бывает чувственным, психическим или рациональным.
48. Научное наблюдение неразрывно связано с индукцией.
49. Свидетельство обязательно для констатации.
50. Ценность свидетельства меняется от вероятности до уверенности.
51. Отрицание возможности факта не может законно опровергнуть достоверные свидетельства.

ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ — стр. 41
52. Гипотеза — генеративный принцип науки.
53. Гипотеза — элемент априорный, но в другом смысле, чем априор у разума.
54. Поиск единства — руководящий принцип научных гипотез.
55. Стремление к единству без контроля опытом — главная причина научных ошибок.
56. Оценка гипотез делается предварительным выбором и последующей более полной проверкой.
57. Происхождение гипотезы не должно влиять на её оценку.

ПРОВЕРКА — стр. 45
58. Способы проверки зависят от природы наук.
59. Проверка рациональной гипотезы основывается на логической связи с ранее установленными истинами.
60. Чисто экспериментальная гипотеза может быть немедленно подтверждена с уверенностью.
61. Проверка объяснительной гипотезы требует дедукции последствий и сравнения их с фактами.
62. Гипотеза проверяема, если её последствия контролируемы наблюдением.
63. Непроверяемая сегодня гипотеза может стать проверяемой позже.
64. Объяснительные гипотезы имеют разные степени вероятности и могут достичь уверенности.
65. Проверенные объяснительные гипотезы никогда не имеют необходимости данных разума.

ЦЕННОСТЬ НАУКИ — стр. 48
66. Человеческая наука всегда будет неполной.
67. Человеческая наука относительна.
68. Относительность науки не уничтожает её ценности.
69. Скептицизм древних сменился позитивизмом современных.

ПОСТУЛАТЫ НАУКИ стр. 50
70. Наука в целом имеет ряд постулатов.
71. Наука предполагает в человеке элемент свободы.
72. Наука предполагает различие субъекта познания и объекта.
73. Наука предполагает гармонию фактов и разума.
74. Наука предполагает реальность универсального порядка.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ. ФИЛОСОФИЯ — стр. 53
75. Философия может быть определена экспериментально.
76. Чтобы уточнить идею философии, последовательно изучим её предмет, объект, метод, постулаты, программу и перспективы.

ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФИИ — стр. 54
77. Философия по своему предмету имеет неограниченный масштаб.

78. Философская культура развивает дух обобщения.
79. Слово в целом выражает полный предмет философии.
80. Изучение языков должно быть главным инструментом развития интеллекта.
81. Создание международного языка — необходимость нашего времени.
82. Философия — не сумма частных наук.

ОБЪЕКТ ФИЛОСОФИИ — стр. 57
83. Философия — поиск принципа, который в своём единстве объясняет всю полноту опыта.
84. Философия — изучение универсальной проблемы.
85. Философская система — попытка объяснения вселенной.
86. Создание частных наук не уничтожает объект философии.
87. Философия возможна, потому что результаты частных наук упрощаются с их прогрессом.
88. Философия развивается параллельно с частными науками, поскольку существуют объекты универсального опыта.
89. Философия — естественное продолжение исследований частных наук.
90. Реакция частных наук против философии возникла из путаницы между априорными принципами построения и руководящими принципами мысли.
91. Разделение наук и философии — явление недавнее и исчезающее.
92. Практический вопрос мудрости связан с теоретическим вопросом принципа вселенной.
93. Курс философии должен занимать своё естественное место в конце специального обучения.

МЕТОД ФИЛОСОФИИ — стр. 66
94. Философия должна быть бескорыстной наукой.
95. Философия не должна подчиняться политическим целям.
96. Философия не должна развиваться в национальных интересах.
97. Философские исследования должны освобождаться от предубеждений, вызванных старостью или новизной идей.
98. Философия не должна подчиняться теологическому априори.
99. Философия отличается от церковной теологии методом и содержанием.
100. Религиозные догматы содержат доктрины, которые для философии — гипотезы для исследования.
101. Метод философии тот же, что и у всех полных наук.
102. Результаты частных наук — предмет философского наблюдения.
103. Основная гипотеза философии — определение первого принципа.
104. Характер философской дедукции зависит от принятой гипотезы о принципе вселенной.
105. Реалии всех порядков служат проверкой философской гипотезы.
106. Философия должна учитывать природные тенденции человеческого сердца.
107. Философия должна учитывать данные морального сознания.
108. Практические последствия философских систем — важный элемент их оценки.

ПОСТУЛАТЫ ФИЛОСОФИИ — стр. 76
109. Идея первого принципа — постулат философского поиска.
110. Реальность первого принципа — постулат философских систем.
111. Трансцендентные понятия разума содержатся в постулате философии.

ПРОГРАММА ФИЛОСОФИИ — стр. 78
112. Полная философия состоит из трёх частей: анализа, гипотезы и синтеза.
113. Цель философского анализа — различить элементы, из которых состоит мир.
114. Выбор философской гипотезы требует краткого изучения истории философии.
115. Философский синтез — попытка объяснения данных анализа.
116. Философский синтез должен объяснять не только то, что есть, но и определять, что должно быть.

117. Философский поиск естественен для человеческого духа.
118. Вопрос о ценности философии — это вопрос о ценности разума.
119. Противодействие философскому поиску всегда сменяется реакцией в его поддержку.
120. Противники философии почти всегда движимы разумом, выдвигающим тезисы неосознанной философии.
121. Философская система может быть построена только, проходя через ступени возрастающей вероятности.
122. Общее принятие философской системы зависит от прогресса человеческого разума.

ПРЕДИСЛОВИЕ

1 января 1700 года Лейбниц писал Малбраншу: «Если бы люди давали определения (понятиям), споры вскоре бы прекратились». Это утверждение, если отбросить его чрезмерный оптимизм, несомненно, содержит в себе значительную долю истины и оправдывает объём сочинения, которое ограничивается лишь одной целью — дать определение философии.

Чтобы правильно понять характер и цель этой работы, необходимо знать её происхождение. Философские занятия, продолжавшиеся более пятидесяти лет, привели меня к результатам, некоторые из которых, по крайней мере, отличаются от самых распространённых идей нашего времени. Я изложу важнейшие из них в форме кратких тезисов:

1. Идея философии, как она вытекает из истории, противопоставляется частным наукам, ограничивающим свои исследования определённым классом явлений, и представляет собой исследование универсальной проблемы*. Чтобы удовлетворить потребность в единстве — одну из основных характеристик разума — решение этой универсальной проблемы должно заключаться в определении первого принципа, из которого мышление могло бы, насколько возможно, объяснить совокупность данных опыта.

**Прим. Ред. Под «универсальной проблемой» в данном контексте Эрнест Навиль (и вообще классическая философия) понимает вопрос об общем основании бытия и познания — то есть проблему, которая охватывает всё сущее и само мышление как таковое.*
Это может включать:

- *Что есть бытие? (онтологический вопрос)*
- *Как мы познаём? (гносеологический вопрос)*
- *Что есть истина?*
- *Что есть добро и свобода?*
- *Есть ли первый принцип, из которого вытекает всё остальное?*

*В отличие от частных наук, каждая из которых отвечает на вопросы в своей области (физика — о материи, биология — о жизни и т. д.), философия, по Навилю, должна решать всеобъемлющий вопрос: **Каков основной принцип, позволяющий объяснить всё многообразие опыта?** Эту универсальную проблему можно также назвать вопросом о принципе единства в многообразии опыта или поиском основания всего сущего и всех форм знания.*

2. Такая философия должна быть отличена от наук, которые можно справедливо назвать философскими, но которые, тем не менее, остаются частными науками, несмотря на то, что их часто путают с философией в образовательных программах. Истинная философия должна принимать во внимание результаты математики, физики, биологии, истории, а также психологии, логики и морали.

3. Поскольку философия предполагает знание обобщённых результатов всех частных наук, она должна занимать законное место в завершении учёбы и входить в программу итоговых экзаменов всех факультетов.

4. Научный метод включает в себя три операции мышления: наблюдение, то есть установление фактов, подлежащих объяснению; предположение объясняющего принципа; проверку этого принципа путём выведения из него следствий и сравнения их с наблюдаемыми данными. Этот метод включает элементы истины, как из эмпиризма, так и из рационализма, и освобождает их от ошибок, присущих этим неполным подходам.

5. В процедурах установления фактов часто упускают из виду роль и значение свидетельства, которое не только дополняет личные наблюдения, но и придаёт ценность чувственному восприятию и даже рациональным функциям интеллекта.

6. Многие трактаты о методе не указывают роль гипотезы, или, по крайней мере, не подчеркивают её важность, в то время как именно гипотеза — это основной двигатель прогресса науки, ибо она неизбежно встаёт между наблюдением фактов и попыткой объяснить их разумом.

7. Метод философии такой же, как и у всех наук. Часто утверждаемое противопоставление между частными науками, якобы основанными на опыте, и философией, якобы строящей свои доктрины априори, — грубая ошибка. Претензия строить науку априори является следствием идеализма, но идеализм — ложная система. Метод, к которому он приводит, справедливо отвергается учёными; но дискредитировать философию как таковую из-за ложности одной теории — нелегитимно.

8. Философия отличается от частных наук не противоположностью, а общностью своего предмета. Наоборот, между частными науками и подлинной философией существует полное согласие. Общая наука становится серьёзной только тогда, когда учитывает результаты частных наук, которые являются материалом её наблюдений, а частные науки получают от философии направляющие принципы для рационального объяснения данных опыта — не сами данные.

9. Устоявшееся мнение, что науки родились в разрыве с философскими представлениями, опровергается историей. Особенно это касается современной физики — самой продвинутой из экспериментальных наук, — которая возникла под прямым влиянием определённых философских представлений.

10. Из применения подлинного метода следует, что завершённая философия состоит из трёх частей:

- Анализа, цель которого — распознать, путём сбора общих данных, полученных из частных наук, какие элементы действительно различимы в той части вселенной, которая доступна нашему наблюдению;
- Гипотезы, то есть выбора решения для универсальной проблемы, при этом выбор предполагает краткий обзор истории философии, чтобы ознакомиться с уже предложенными решениями и их последствиями;
- Синтеза, то есть рационального выведения последствий из предложенного решения и сопоставления этих последствий с данными, собранными на этапе анализа.

11. Философский анализ, после того как он установит субъективные элементы знания — законы разума и идеи рассудка, — распознаёт в объектах, к которым обращено мышление с целью их объяснения, три различных элемента: материю, жизнь, дух. Всякий монизм, стремящийся свести к единству объекты непосредственного познания, является систематической концепцией, противоречащей данным опыта.

12. Основное понятие материи — сопротивление в пространстве. Все её другие свойства — это отношения между движениями тел и существами, способными воспринимать и чувствовать. Наука о материи, рассматриваемая вне её связи с духом, сводится к законам механики, которые предполагают инертность её объекта.
13. Простая жизнь, лишённая всякого психического элемента и проявляющаяся в изолированной форме в растительном царстве, характеризуется особой координацией движений материи. Хотя явления простой жизни сами являются лишь движениями, и теоретически не являются необратимо отличными от механических законов, в современном состоянии знания они могут быть объяснены только посредством существования в живых существах особых бессознательных сил.

14. Психические явления, в которых проявляется дух, абсолютно не сводимы к законам механики. Это объясняется тем, как они познаются — они не являются объектами чувственного восприятия — а также наличием элемента свободной воли, который отделяет их от чисто материального мира, в котором царит закон инерции.

15. Философское исследование в стремлении определить первоначальный принцип, который составляет его цель, может привести к отрицанию, сомнению или утверждению. Отрицание и сомнение сами по себе образуют философские позиции; но название системы должно быть оставлено лишь за положительными решениями универсальной проблемы.

16. В истории спекулятивной мысли существует лишь три основные философские системы, борьба и взаимопроникновение которых составляют её основу: материализм, идеализм и спиритуализм. Каждая из них соотносится с одним из трёх фундаментальных элементов бытия, выделенных аналитически: материализм — с материей, идеализм — с простой (бессознательной) жизнью, а спиритуализм — с духом.

17. Доктрина эволюции, которая занимает своё законное место в рамках частных наук — особенно в истории природы и человечества — не представляет собой самостоятельной философской системы. Когда её предлагают в качестве решения универсальной проблемы, она приобретает характер материализма или идеализма и часто представляет собой смесь этих двух систем в неясной форме.

18. Материализм ищет объяснение всего в объектах чувств и законах механики. Чтобы показать его недостаточность, достаточно указать, что наука о материи предполагает наличие духа. Материалист — это человек, который забывает самого себя; он забывает, что взгляд разума абсолютно отличен от объектов, на которые он направлен.

19. Идеализм понимает вселенную как необходимое развертывание неосознанного начала, аналогичного простому живому началу. Важно не путать его, как это часто бывает, со спиритуализмом. Эти две системы объединяются в борьбе против материалистической доктрины, но их представления о природе всеобщего начала и о моральных явлениях находятся в прямом противоречии.

20. Спиритуализм (духовный подход) ставит в начало мира свободный и суверенный акт духа, воли. Посредством признания абсолютной и творящей причины он устанавливает единственно возможный монизм, совместимый с философским различением элементов вселенной. Именно он один разрешает проблему сосуществования единого и множественного, конечного и бесконечного.

21. Великая современная борьба происходит между абсолютным детерминизмом всех явлений — общим свойством материализма и идеализма, — и философией свободы, которая является характерной чертой спиритуализма. Последняя — единственная доктрина,

которая, утверждая свободу как принцип мира, способна дать место свободной воле человека, являющейся постулатом нравственного порядка.

22. Подобно тому, как научный метод принимает долю истины в эмпиризме и рационализме, очищая их от ошибок, связанных с их неполнотой, так и спиритуализм принимает истинные элементы материализма и идеализма, освобождая их от заблуждений двух систем, которые, пренебрегая важнейшими фактами, становятся ложными по причине своего эксклюзивизма. Спиритуализм соединяет разрозненные части истины — не в эклектике, лишённой принципов отбора, а в синтезе, основанном на чётком взгляде на истину.

23. Часто утверждаемое противостояние между философией и религией устраняется правильным пониманием роли гипотезы в формировании науки. Те положения, которые содержатся в религиозной традиции и отвечают на великие вопросы, поставленные человеческим разумом, входят в науку по праву — как гипотезы, подлежащие проверке. Если результат этой проверки положителен — устанавливается гармония между наукой и религией; если же отрицателен — устанавливается противопоставление, но оно касается не философии вообще, а лишь той философии, которая оказалась несовместимой с религиозной верой.

24. История философии обнаруживает общий ход мысли, который, несмотря на колебания и отступления, направляется в сторону спиритуализма — подлинной философии, в которой согласуются как великие доктринальные традиции христианского мира, так и свободные поиски мысли.

Таковы, вкратце изложенные, основные результаты моих исследований. Те, кто знаком с историей человеческой мысли и с текущими дискуссиями, смогут судить, насколько утверждения, изложенные в предыдущих тезисах, отклоняются от наиболее распространённых взглядов. Большинство этих утверждений уже содержатся в моих предыдущих работах и на страницах, следующих за этим предисловием; но, чтобы они обрели всю свою возможную ценность, их следовало бы включить в систематическое произведение, которое бы их связало, дополнительно развило и показало их связь с предлагаемым определением философии.

Однажды я уже пытался создать такой труд, пусть и в весьма элементарной форме. В 1870 году, по просьбе женевского правительства, я посвятил десять публичных лекций изложению природы и метода философии, различных систем, к которым она привела, и их связи с науками, общественным развитием и религией. Эти лекции, записанные после устного изложения и впоследствии многократно переработанные, исправленные и использованные для журнальных статей, находятся в состоянии, пригодном для публикации. Но это курс, предназначенный широкой аудитории, и он не рассматривает вопросы с той глубиной, которая требуется для строго научного изложения.

У меня был замысел создать труд иного рода: полный курс философии, воплощающий мой взгляд на «царицу наук». Том, который сейчас в руках читателя, является лишь вступлением к этому большому труду. Это, так сказать, фасад и парадный вход интеллектуального здания. Для строительства этого здания я собрал немало материалов, но возраст и угасание сил дают мне понять, что, вероятно, я не смогу их использовать для осуществления задуманного проекта. Раз уж введение завершено, я решил его опубликовать — в надежде, что, если не смогу сделать больше, эти страницы дадут читателю точное представление о философии в том виде, в каком я её понимаю, и, быть может, пробудят в каком-нибудь более молодом мыслителе, разделяющем мои взгляды, желание осуществить замысел, который я лелеял.

Метод изложения, применённый в этом томе, тот же, что и в моём исследовании о свободной воле. Развёрнутое изложение каждой доктринальной позиции предваряется кратким резюме её содержания, а цифры в скобках отсылают к статьям, которые следует прочесть для понимания утверждений, к которым они прикреплены.

Женева, 15 января 1894 года. Эрнест Навиль

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. Чтобы определить философию как науку, необходимо установить, во-первых, понятие науки вообще, а во-вторых, специфические черты, отличающие философию от других форм духовного исследования.
Слово «философия» имеет два значения, которые не противоречат друг другу и не лишены связи между собой (см. § 92), но тем не менее различны: это практическое значение и теоретическое значение. В своём практическом смысле, который наиболее близок к этимологическому значению слова (любовь к мудрости), философия относится к поведению человека и настрою души. Согласно определению Словаря Французской Академии, это «определённая твёрдость и возвышенность духа, благодаря которым человек поднимается над превратностями жизни».

В своём теоретическом смысле философия — это наука.

Чтобы её определить, нужно, прежде всего, установить ближайший род, то есть природу науки в целом, а затем — видовое различие, то есть признаки, отличающие философию от других форм познания.

Все науки имеют один и тот же инструмент — мышление. Декарт писал: «Все науки, взятые вместе, представляют собой не что иное, как человеческий разум, который остаётся всегда единым и всегда тем же, каким бы разнообразием ни отличались предметы, к которым он обращён; и разум меняется не больше, чем солнечный свет меняется от тех предметов, которые он освещает» (Правила для руководства ума, Правило первое).

Если ограничиться только этим соображением, можно прийти к мысли, что все науки в своей совокупности — это просто сознание духа о самом себе. Именно так и возникла гегелевская теория, согласно которой вселенная — это развитие логической системы: она явилась из картезианства естественным, но неправомерным путём, если учитывать всё творчество Декарта.

Да, все науки сводимы к единству, если рассматривать только их общий субъект — разум; но их многообразие обусловлено различием объектов, к которым этот разум обращён. Солнечный свет — один и тот же, но он разнообразно преломляется в зависимости от предметов, его отражающих. Точно так же человеческая мысль всегда одна и та же в своих основных элементах, но её проявления различны, поскольку она направлена на разные объекты.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ. НАУКА

§ 2. Наука — это состояние мысли, обладающей истиной.
Знание — это действие мыслящего субъекта; а действительное знание, истинное выражение которого — настоящая наука, — есть обладание истиной. Радость — это состояние сердца, добродетель — состояние воли, наука — состояние мысли. Эти различные проявления духа никогда не бывают полностью отделены друг от друга. Наука, действительно, предполагает желание её приобретения, которое является функцией

сердца, если понимать этот термин широко, как орган всех желаний, а также всех радостей и страданий; она также предполагает труд, который есть усилие воли; однако предмет желания и цель усилия — это состояние мысли, в то время как для практики жизни мысль может быть поставлена в служение желаниям, указывая путь к их осуществлению, или в служение воле, просвещая её относительно ценности и мотивов её решений.

§ 3. Научный поиск обусловлен духом критики или философским сомнением.
Собственно научная работа, то есть обдуманное и добровольное изучение, начинается не с абсолютного невежества — такого не бывает у человеческого ума, когда он начинает размышлять, — а с набора мыслей, который образует мнение. Простое мнение отличается от научной идеи, истинной или ложной, тем, что это утверждение, не подвергнутое рациональному анализу. Мнения формируются по-разному. Некоторые из них — естественный результат восприятия явлений. Так, естественно думать, что солнце движется вокруг земли, и что движущиеся тела останавливаются, потому что имеют стремление к покою.

К таким мнениям, основанным на видимом, добавляются традиционные идеи, которые каждый получает из окружающей среды, в которой находится. Эти традиционные идеи порой являются народными вымыслами, например, историческими легендами. Иногда же — это научные предрассудки, рожденные школами. Отвращение природы к пустоте долгое время фигурировало в объяснениях физических явлений; и для многих умов совокупность утверждений, составляющих науку их времени, является авторитетом, который не подвергается сомнению. Современная наука становится идолом, перед которым они преклоняются, не проверяя её оснований.

Для того чтобы мысль прогрессировала, необходимо, чтобы мнение постоянно подвергалось проверке; нужно, чтобы видимое интерпретировалось разумом; утверждения фактов подвергались разумной критике; и, наконец, чтобы принятые теории оставлялись, как только доказано, что они не дают удовлетворительного объяснения данных опыта. Сомнение, направленное на мнение, — главный фактор прогресса; без него человеческая мысль застыла бы, и науки не было бы. Такое расположение духа может иметь две не только различные, но и прямо противоположные последствия: скептицизм и дух критики.

Скептицизм — это утверждение, что человеческий ум не может достигнуть истины. Дух критики, или философское сомнение, представители которого у древних — Сократ, у новейших — Декарт, предполагает признание существования истины и уверенность, что человеческий ум может достичь её в определённой мере. Скептик, убеждённый, что истина не может быть обнаружена, не имеет мотива для проверки утверждений, ни одно из которых не может иметь для него значения; его учёба и исследования — бессмыслица, и эта бессмыслица — лучшее опровержение его учения.

Природа философского сомнения была уточнена Декартом в следующих строках, относящихся к возражениям одного из его оппонентов, которого он обвинял в непонимании его истинной мысли: «Если вдруг у кого-то была бы корзина, полная яблок, и он опасался бы, что некоторые из них испорчены, и захотел бы их убрать, чтобы они не испортили остальные, как бы он поступил? Разве он не начал бы с того, что опустошил бы свою корзину; и затем, глядя на каждое яблоко по отдельности, не выбрал бы только те, которые увидит неповреждёнными; а остальные, оставив в стороне, не положил бы обратно в корзину? Точно так же те, кто никогда серьёзно не философствовал, имеют в уме разные мнения, которые начали накапливать с детства; и, разумно опасаясь, что большинство из них неверны, они стараются отделить их друг от друга, чтобы их смешение не сделало все сомнительными. И чтобы не ошибиться, они не могут поступить лучше, чем отвергнуть все

сразу, так же как если бы они все были сомнительными; затем, рассматривая по очереди каждое, взять обратно только те, которые признают истинными и несомненными».

Человек, твёрдо убеждённый, что все яблоки в корзине испорчены, точно не станет тратить время на их сортировку, отделяя хорошие; и это была бы позиция настоящего скептика. Выбор между мыслями, чтобы отделить истинные от ложных (это цель философского сомнения), явно предполагает веру в существование истины.

Упрямое прилипание к мнениям, которые не подвергаются проверке, — это доверчивость, порождаемая либо пассивностью мысли, либо гордыней. Пассивность мысли рождает лень, останавливающую изучение; гордыня не допускает сомнения в принятых мнениях. Последняя болезнь довольно распространена среди философов и под влиянием корпоративного духа иногда проявляется в научных обществах.

§ 4. Научный поиск отчасти результат особого склада ума человека.

Что побуждает человека к поиску знания? Часть мотива — практическая выгода. Зачем молодые люди учатся в колледжах и университетах? Чаще всего чтобы получить профессию, обеспечивающую заработок. Говорят, что геометрия возникла у египтян из необходимости восстановить границы полей после разливов Нила, халдейцы-кочевники занимались астрономией, чтобы ориентироваться в управлении стадом, а торговые народы развивали арифметику, нужную для ведения счёта. Несомненно, в истоках науки есть заинтересованный элемент. Человек хочет знать, чтобы действовать, либо ради временных нужд, либо в более высоком порядке чувств — ради духовных интересов; но это не всё.

«Люди по природе желают знать» — эта фраза, написанная Аристотелем в начале его метафизики, выражает неоспоримый психический факт. Познание — не конечная цель человека, а желание познавать и наслаждение от удовлетворения этого желания — первичные элементы человеческой природы. Любовь к науке может быть уничтожена другими наклонностями. Много людей предпочитают чувственные удовольствия всему знанию мира; но когда естественные желания интеллекта полностью заглушены страстями тела, мы говорим, что человек одурманен. Этот термин имеет глубокий смысл. Вероятно, животные не испытывают желания интеллектуального порядка, и именно поэтому они не достигают науки и цивилизации, без которых наука невозможна.

Без бескорыстных занятий, совершённых людьми, движимыми чистым желанием знать, человеческие интересы, даже материального порядка, серьёзно страдали бы. Формулы высшей математики — ценная помощь инженерам; но в целом не идея возможных применений вызвала труд гениев, открывших эти формулы, а чистая любовь к науке. Если бы физики ждали, чтобы изучать электричество, предвидя его применения, у нас не было бы ни телеграфа, ни телефона, ни электрического освещения. Учёные, работающие под властью желания знать, без прямой пользы, тем самым приносят большую пользу своим собратьям.

Говорят, что когда Лавуазье отправляли на эшафот, один из тех, кто тогда имел власть, сказал: «Франции не нужны химики». Чтобы такое слово было произнесено, правительство Франции должно было оказаться в руках «таких же глупых, как и свирепых», — таковы слова астронома Лаланда, говоря о смерти Лавуазье. Всё более удивительный прогресс современной научной промышленности лучше показывает практическую ценность умственных исследований; но слишком утилитарный подход к наукам может поставить под угрозу интересы, которым хотят служить. Прекратить бескорыстные исследования — значит иссушить один из главных источников прогресса цивилизации. Таким образом, наука отчасти результат первичного склада человеческого ума. Её предмет — истина, что приводит к вопросу римского прокуратора Понтия Пилата: «Что есть истина?»

§ 5. Истина — это свойство суждений.
Истина или ошибка возможны только в суждениях. Отдельные слова выражают лишь образы в сфере чувственного восприятия или чистые понятия в сфере абстрактных понятий. Если я говорю: «солнце», «душа», «дом», «линия», «треугольник», «причина», «добродетель» — не утверждая ничего, то здесь нет места для категорий «истинное» или «ложное». Суждение утверждает признак о предмете, и утверждение бывает истинным или ложным в зависимости от того, соответствует ли оно реальным связям между вещами.

- «У океана нет границ» — ложное суждение, потому что земной шар нам известен, и океан везде упирается в берега.
- «Звук возникает от колебаний атмосферы» — суждение истинное, потому что утверждение о причине явления подтверждается опытом.
- «Бонапарт был скромным человеком» — ложное суждение; об этом ясно свидетельствует чтение Мемориала с острова Святой Елены.
- «Вашингтон был бескорыстным человеком» — суждение, истинность которого подтверждается биографией этого выдающегося генерала.

Следовательно, истина — это качество суждений. Если употреблять этот термин в объективном смысле, то есть если под истиной понимать объект суждений, то этот термин становится синонимом реальности. Оставаясь в субъективном смысле термина, мы скажем: обладать истиной — значит формулировать истинные суждения, что приводит к вопросу о признаках, по которым можно распознать такие суждения.

§ 6. Истинные суждения характеризуются объективностью, которая навязывается индивидуальной мысли.
Мы можем познавать только через нашу личную мысль, которая и является субъектом всякого знания; но наша мысль бывает то свободной, то принуждённой. Я слышу шум; предполагаю, что этот шум вызван дождём, и формулирую утверждение: идёт дождь. Это утверждение — результат свободной игры моей индивидуальной мысли. Я выхожу из комнаты, где сделал такое предположение, и убеждаюсь, что дождя нет, а шум вызван ветром, качающим листья деревьев. Ложному утверждению, основанному на свободном предположении, противопоставляется результат восприятия, который принуждает меня изменить мнение.

Размышляя о задачах элементарной геометрии, мне приходит в голову, что если одна прямая вдвое длиннее другой, то квадрат, построенный на первой, будет вдвое больше квадрата, построенного на второй. Это ложное утверждение, результат рассеянной личной мысли, будет немедленно опровергнуто простым рассмотрением чертежа, который покажет, что квадрат на линии вдвое большей длины — в четыре раза больше квадрата на половине этой линии.

Существуют, следовательно, наряду с произвольными суждениями моей личной мысли, имеющими чисто субъективный характер, другие суждения, которые навязываются мне и исправляют мои ошибки. Известный русский хирург Пирогов, который в конце жизни был попечителем народного просвещения в Киеве, рассказывает в своих мемуарах, что были молодые люди, которые не могли вынести мысли о каком-либо ограничении свободы мысли и говорили: «Я приму математическую аксиому, если захочу; если не захочу — не приму». Он справедливо замечает, что такое расстройство мышления может легко привести в дом умалишённых. То, что навязывается непосредственно, — это очевидность. Суждение очевидно, когда невозможно серьёзно в нём сомневаться, и когда его невозможно доказать, потому что оно имеет первичный характер. Очевидность бывает чувственной — когда она проистекает из восприятий чувств, и рациональной — когда она выражает необходимые

представления и законы мышления. С первичными суждениями связаны другие — через доказательство. Если доказательство верно, оно придаёт выводам такую же силу, как и начальным посылкам.

Речь идёт либо об опыте, либо о разуме — всякое суждение, которое навязывается, истинно. В противном случае истины не существовало бы вообще, потому что вне действительной очевидности и действительного доказательства мышление не может найти никакой опоры. Следует лишь избегать путаницы между первичными или корректно доказанными суждениями и мнениями, которые лишь принимают ложный вид очевидности, являясь на самом деле укоренившимися предрассудками, ошибочно приписываемыми разуму. Единственная трудность, которую можно здесь выдвинуть, возникает в случаях галлюцинации и безумия, когда навязывается не истина, а ошибка. Эти случаи будут рассмотрены позже (см. §49).

§ 7. Истинные суждения выражают либо разумные истины, носящие характер необходимости, либо фактические истины, носящие характер случайности.
Речь здесь идёт не о метафизической необходимости в абсолютном смысле, а о необходимости для нашего мышления — необходимости, вытекающей из вышеупомянутого принуждения. Легко заметить, что все утверждения о фактах, касающиеся природы или человечества, носят характер случайности: то есть, утверждая, что всё есть так, мы представляем себе, что оно могло бы быть иначе. Я представляю себе, что материальные явления могли бы подчиняться иным законам, чем те, которые мы наблюдаем; я представляю себе, что человечество могло бы иметь иную судьбу, нежели ту, которую раскрывает его история.

Речь сейчас не о том, могли ли вещи быть другими в абсолютном смысле, и является ли идея случайности иллюзией; вопрос заключается в следующем: когда мы утверждаем факты, имеем ли мы мысль о том, что то, что есть, могло бы быть иным? Такая мысль у нас есть — это невозможно отрицать.

Но если я говорю: «Две прямые не могут образовать замкнутое пространство» или «Отношение предполагает существование сущностей, между которыми это отношение установлено», — я утверждаю не просто, что так и есть, а что я не могу даже представить себе иначе. Я сталкиваюсь с суждениями, которые для меня обладают универсальной ценностью, охватывают все места и все времена, потому что они представляются мне с характером необходимости.

Существуют, таким образом, разумные истины, которые очень чётко отличаются от фактических истин. Случайные истины — это выражение опыта; разумные истины — это проявление законов и понятий, которые дух носит в самом себе. Один биографический факт может осветить это различие и запечатлеть его в памяти. Молодой Паскаль, оставленный один в комнате, открыл значительное количество теорем геометрии. Всё, что он мог открыть таким образом с помощью чистого акта размышления, относится к области необходимых истин; всё, что он не смог бы открыть, относится к области случайных истин. Допустим, у него был бы ещё более великий гений и бесконечное время на исследования, — он мог бы открыть всю чистую математику и всю собственно метафизику; но ни один факт из области физики, химии, истории или географии не мог бы стать результатом даже самых смелых умственных изысканий. В школе Гегеля пытались построить историю природы и человечества исключительно с помощью рациональных процедур, но результаты этих попыток ясно продемонстрировали их бесплодность.

Суждения разума называются a priori — то есть предшествующими опыту, а суждения факта — a posteriori, то есть следующими за опытом. Эти термины не следует понимать так, будто

суждения разума могут формулироваться без всякого опыта. Чтобы мыслить, надо жить, а жизнь, даже в своих самых элементарных проявлениях, содержит основные данные опыта; но опыт, будучи условием развития мышления в целом и, следовательно, проявления a priori-элемента, не является его порождающей силой. Очень важно не путать — как это часто делают — два очень разных понятия: возникновение явления и условия, при которых оно может проявиться.

Различие между универсальными и необходимыми разумными истинами и всегда случайными утверждениями факта не может быть серьёзно оспорено. Мы пока не рассматриваем гипотезу, согласно которой необходимость некоторых суждений якобы не является изначальной, а является результатом привычки и наследственности. Эта гипотеза уже предполагает реальное различие между необходимыми и случайными суждениями; и именно этот факт нам пока и нужно зафиксировать. Как бы это ни объяснялось — сам факт остаётся.

8. Чтобы получить полное представление о науке, необходимо уточнить её природу, метод, ценность и постулаты.

Уточнить природу науки — значит определить её объект и точку зрения, с которой этот объект рассматривается. Следующий вопрос — это вопрос о пути, которым следует идти к поставленной цели, то есть вопрос метода. Определение ценности науки должно привести к оправданию её притязаний в их легитимной части и удержанию этих притязаний в разумных пределах.

Постулат — это утверждение, которое предполагается другим утверждением и, следовательно, содержится в нём. В этом смысле Кант утверждает, что свобода есть постулат долга. Если признана реальность долга, то тем самым доказывается и моральная свобода, ибо долг невозможен без свободы. Постулат выявляется путём анализа содержащего его высказывания. Если A содержится в B, то, доказав B, я доказал и A.

Чтобы установить ценность постулата, необходимо:

- Показать, что он логически обоснован, то есть что одно утверждение действительно содержится в другом;
- Оценить природу утверждения, которое содержит постулат. Если это утверждение истинно, то и постулат истинен; если оно ложно — постулат как таковой не имеет ценности. Однако из этого не следует, что сам постулат ложен. Ошибочный силлогизм может завершиться утверждением, которое само по себе истинно, но не является легитимным как вывод. Точно так же ложность утверждения не обязательно означает ложность содержащихся в нём постулатов.

Например, тезис об эффективности гомеопатических средств содержит два постулата: первый — что вещество, вызывающее определённую болезнь, способно её излечить (similia similibus curantur); второй — что чрезвычайно малые дозы могут оказывать значительное действие. Предположим (что я не утверждаю), что идея эффективности гомеопатических средств ошибочна, — из этого ещё не следует, что первый из указанных постулатов ложен, так как ошибка может быть вызвана вторым. Постулаты науки в общем виде — это утверждения, которые предполагаются всяким научным исследованием и которые можно извлечь путём анализа.

§ 9. Объект науки — реальность.
Знать — значит согласовать личное мышление с истинными суждениями. Суждение не существует само по себе; оно существует лишь в мышлении, которое его формулирует. Но мышление имеет объект, отличный от самого себя. Если бы не существовало объектов, отличных от мышления, не было бы ни ошибки, ни истины, поскольку и то и другое предполагают наличие двух элементов. Истинные суждения являются результатом личной работы духа и являются истинными, если выражают реальные отношения между вещами, а не фантазии воображения или ошибки рассудка. Вещи, которые существуют, — это реальности. Но как мы их узнаём?

§ 10. Реальности, непосредственно познаваемые нами, открываются через опыт.
Опыт удостоверяет действия, совершаемые или испытываемые. Я осознаю свои волевые акты, поскольку они исходят от меня. Мои чувства, которые находятся во мне как формы моего собственного бытия, не происходят от моей воли. Я их испытываю, то есть они проявляются как действия, на которые я могу реагировать, но по отношению к которым, изначально я пассивен. Внешние объекты открываются мне через сопротивление, которое они оказывают моим усилиям, и через действие, которое они оказывают на меня посредством моей чувствительности. Без осознания своих поступков и ощущений, без отношений, одной стороной которых я являюсь, и которые проявляются во мне через переживаемые впечатления, я не имел бы никакого знания. Может существовать неограниченное количество реальных объектов, которые, не оказывая на меня никакого воздействия, могут остаться мне навсегда неизвестными.

Всякое действие предполагает деятеля. Деятели могут существовать лишь в потенциальном состоянии, но они могут проявляться только через свои действия. Основа всякого знания — это факт, и слово факт происходит от глагола делать. Термин реальность, по-видимому, имеет то же происхождение, ведь réalité происходит от res, а латинское res имеет тот же корень, что и греческий глагол πράττω (prattō), обозначающий действие. Таково, по крайней мере, одно из мнений, высказанных этимологами.

Всякая реальность, непосредственно познаваемая, есть результат опыта. Но из этого не следует, что данные опыта являются пределами наших допустимых утверждений. В этом случае наше знание было бы крайне ограниченным. Мы утверждаем реальности, которые не являются объектом непосредственного познания, но которые открываются мысли как необходимое объяснение и основание фактов, известных нам напрямую.

§ 11. Непосредственно познаваемые реальности могут быть материальными, духовными или идеальными.
Реальности, которые проявляются как принуждение по отношению к личному мышлению, могут быть чувственными, психическими или рациональными.

Внешний чувственный опыт происходит из функций наших органов. Наше тело связано с внешними телами, которые мы воспринимаем и которые вызывают в нас различные ощущения. Так мы приобретаем знание материальных реальностей.

Внутренний опыт раскрывает нам акты и состояния нашего собственного духа и тем самым удостоверяет психические реальности. Мы непосредственно знаем лишь те психические факты, которые происходят в нас самих; но посредством индукции, заставляющей нас признать существование разумов, подобных нашему, и благодаря доверию к свидетельствам, мы констатируем психические реальности, отличные от тех, которые мы непосредственно осознаём в себе: это духовные реальности.

Данные разума, которые навязываются нам, имеют ценность, независимую от индивидуального мышления, которое их постигает. Эти данные разума обладают реальностью, которую можно назвать идеальной. Слово idéelle — это неологизм, но, по-видимому, оправданный, так как слово idéal в обыденной речи приобрело эстетическое значение, не связанное с чисто рациональными понятиями.

Данные разума навязываются мне как правило моего личного мышления. Следовательно, здесь присутствует действие, то есть факт. Рациональные идеи, таким образом, имеют реальность, выявленную опытом; но объектом мысли являются сами идеи, а не факт их наличия. Если я говорю: «снег белый», я утверждаю факт восприятия, который я приписываю объективной причине. Если я говорю: «зависть — болезненное чувство», я формулирую обобщённое выражение психического факта, который я мог наблюдать в себе. Но если я утверждаю, что всякое действие предполагает деятеля (метафизическая истина, очевидная сама по себе), или что сумма углов треугольника равна двум прямым (математическая истина, выведенная логически), то эти суждения сами по себе не выражают никакого факта. Фактом является лишь необходимость мыслить именно так; но содержание суждений не имеет экспериментального характера.

Именно поэтому различают опыт и разум. Однако это не должно затмевать тот факт, что присутствие разума в нас — это также факт опыта. В обычном языке слово реальность не применяется к тому, что мы называем идеальной реальностью, и обозначает чувственные или психические факты, в противоположность априорным данным и абстрактным обобщениям.

§ 12. Истинные суждения — это лишь элементы науки, которая состоит из взаимосвязанных суждений.

Атомы, существование которых признаётся химиками, являются элементами тел; но тела, как они раскрываются в опыте, существуют лишь благодаря объединению атомов. Индивиды — это элементы общества, но общество существует только через связь, которая их объединяет. Точно так же суждения — это элементы науки, но науки не существует без отношений, которые объединяют эти суждения между собой. Изолированных утверждений может быть бесконечное множество. Наука — это интеллектуальный организм, который состоит из принципов и следствий, то есть из утверждений, согласованных между собой связью, которая их объединяет и придаёт мышлению сплочённость. Связь суждений устанавливается посредством рассуждения, законы которого изучает логика.

§ 13. Цель науки — объяснять факты или давать основание опыту.

Объяснять — значит выявлять в фактах порядок, который может быть воспроизведён в мышлении, так что суждения, связанные рассуждением, согласуются с последовательностью данных опыта. Объект науки — это реальность; цель науки — сделать реальность понятной, добиться, как выражается г-н Пьер Лаффит, «чтобы последовательность наших мыслей отражала саму последовательность событий».

То, что объяснено, становится понятым. Постановленный вопрос, например, о происхождении ледников — это факт, который нужно объяснить. Я исхожу из физических законов замерзания, тяготения и т.д. и с помощью логических дедукций получаю на основе этих принципов рациональные следствия, которые соответствуют наблюдаемым явлениям; факт объяснён — я понимаю.

Возьмём пример в иной области: вопрос в том, почему Наполеон объявил войну России, последствия которой были столь ужасны для него и для Франции. Я исхожу из идеи мечты о всемирном господстве, которую внушила ему его гордость. Ему нужно было сломить мощь Англии. Остановить английскую торговлю — значит разорить Англию. Отсюда, как

следствие, декрет о континентальной блокаде. Россия не закрывала свои порты для английской торговли — её нужно было к этому принудить. Отсюда, как следствие, объявление войны. Идеи связываются между собой, как и факты, — я понимаю.

§ 14. Полная наука требует: 1) согласования личного мышления с опытом; 2) согласования личного мышления с разумом; 3) открытия принципов, посредством которых может быть установлено согласие опыта и разума.

Индивидуальный дух — это субъект науки. Он наблюдает факты непосредственно или через свидетельства, и делает это хорошо или плохо. Он рассуждает, хорошо или плохо, и, поскольку нет немедленного перехода от опыта к разуму, он предполагает для объяснения явлений истинные или ложные принципы.

Например, небесная механика предполагает:

— констатацию астрономических явлений или данные опыта;

— математический расчёт как применение разума;

— открытие закона тяготения, к которому применяется этот расчёт.

Из этих условий науки вытекает, что она может быть искажена тремя способами:

1. из-за ошибочной базы наблюдения — так, неверное измерение меридиана на время приостановило открытия Ньютона;
2. из-за ошибок рассуждения — как это случилось с Кеплером, который установил один из законов, прославивших его имя, лишь после того, как исправил допущенные им ошибки в вычислениях, из-за которых он сначала посчитал своё открытие ложным;
3. из-за ложного теоретического предположения — так, идея неподвижности Земли долгое время сдерживала прогресс астрономии.

Согласование мысли с разумом даёт начало чисто рациональным наукам; согласование мысли с опытом даёт начало чисто экспериментальным наукам. Эти два рода наук — лишь элементы полной науки.

§ 15. Чисто рациональные науки имеют целью согласование личного мышления с разумом.

Слово разум имеет два смысла: один субъективный, другой объективный. В субъективном смысле оно обозначает способность мыслить вообще — в этом смысле мы говорим «мой разум». В объективном смысле оно обозначает совокупность интеллектуальных истин, которые навязываются посредством очевидности и демонстрации — это разум как таковой. Разум в объективном смысле носит для людей безличный характер, так как не принадлежит никому в отдельности, но является общим достоянием, в котором каждый принимает участие.

Что касается безличности разума в абсолютном смысле или его существования самого по себе, это вопрос философской системы, обсуждение которой здесь неуместно. Достаточно заметить, что очень трудно признать существование идей без духа, который их мыслит. Вне всякой системы, объективность разума — это факт, который невозможно игнорировать.

Разум более или менее развит, но его самые простейшие элементы, которые составляют азбуку мысли, принадлежат всем. Например, положения арифметики известны больше или меньше, но как только они становятся известны, они одинаковы во всех умах, во все времена и во всех странах. Это та истина, которая выражена в знаменитых словах Фенелона: «Поистине, мой разум во мне, ибо я должен непрестанно обращаться к себе, чтобы его найти; но высший разум, который исправляет меня в случае необходимости и к которому я обращаюсь, не принадлежит мне и не является частью меня самого. Это правило совершенно и неизменно; я изменчив и несовершенен. Когда я ошибаюсь, оно не утрачивает своей прямоты; когда я выправляю свои ошибки, это не оно возвращается к

цели; оно никогда не отклонялось от неё и имеет надо мной власть напомнить мне об этом и вернуть меня к правильному пути. Это внутренний наставник, который заставляет меня замолчать, заставляет говорить, заставляет верить, заставляет сомневаться, заставляет признавать свои ошибки или подтверждать свои суждения; слушая его, я учусь, слушая лишь себя — я заблуждаюсь. Этот наставник присутствует везде, и его голос слышен от одного края вселенной до другого, всем людям так же, как и мне. Пока он исправляет меня во Франции, он исправляет других людей в Китае, в Японии, в Мексике и в Перу одними и теми же принципами. Два человека, которые никогда не встречались, никогда не слышали друг о друге и не имели связи с кем-то, кто мог бы дать им общие понятия, высказываются на противоположных концах земли относительно определённых истин так, как будто они договорились. Заранее с уверенностью можно сказать, что в одном полушарии ответят на эти истины так же, как в другом. Люди всех стран и всех времён, какой бы образ жизни они ни вели, чувствуют себя неодолимо обязанными мыслить и говорить одинаково».

Эти слова выражают бесспорную истину, но которую нужно ограничить в её справедливых пределах. Мнения людей чрезвычайно изменчивы в зависимости от времени, места и уровня образования отдельных индивидов; но то, что является общим для всех, — это элементарные принципы разума. Даже самые отсталые дикари, не знающие геометрии, прекрасно понимают, что прямая линия — кратчайшее расстояние между её концами, что они демонстрируют, выбирая самый прямой путь, когда торопятся. Метафизика им совершенно чужда; но каждый раз, когда они пытаются найти источник какого-либо шума, они показывают, что принцип причинности присутствует в их мышлении.

Разум отличается от опыта, но не отделяется от него. Без движения у нас не было бы понятия о пространстве; без восприятия вещей, которые можно сосчитать, не появилась бы идея числа. Развитие разума невозможно без экспериментальной базы; но под воздействием опыта проявляется целый комплекс идей, содержание которых не является экспериментальным. Эти идеи составляют предмет чисто рациональных наук, таких как логика, метафизика и математика.

§ 16. Чисто рациональные науки не объясняют никаких фактов, но априорно устанавливают истины, которые служат средствами объяснения.

В этих науках разум применяется к очевидным идеям, к которым присоединяются ряды доказанных суждений. Следует тщательно избегать путаницы между априорным характером данных разума и претензией построить априорно науку о фактах — претензией, к результату которой чаще всего применима эта сентенция Бюффона: «Всякое здание, построенное на абстрактных идеях, — это храм, воздвигнутый заблуждению».

Рациональные науки предоставляют средства объяснения фактов, но не содержат фактов в собственном домене. Математик устанавливает теоремы, которые затем используют астроном и физик; логик и метафизик разрабатывают формулы, лежащие в основе всей работы мысли. Здесь есть нечто аналогичное изготовлению инструментов в промышленных искусствах; поэтому можно сказать, что по противоположности к полной науке чисто рациональные науки носят инструментальный характер.

§ 17. Чисто экспериментальные науки имеют целью согласование личной мысли с фактами.

Согласовывать личную мысль с фактами — значит формировать суждения, которые были бы верным выражением восприятий, если речь идет о чувственных реальностях, и непосредственных данных сознания, если речь идет о психических явлениях. Объект чисто экспериментальной науки состоит из всего того, что можно непосредственно констатировать. Если я утверждаю, что водяной пар состоит из кислорода и водорода, что при определённых обстоятельствах перерезанный нерв вызывает повышение температуры,

что некоторый гриб обладает ядовитыми свойствами, что определённое количество алкоголя, введённого в желудок человека, нарушает функционирование его способностей — это утверждения, истинность которых можно непосредственно установить наблюдением и опытом.

Но утверждения такого рода далеки от того, чтобы удовлетворить требования мысли. Констатация — это отправная точка и основание всякого серьёзного исследования; но научный ум, установив факт, хочет его объяснить. На самом деле не существует чисто экспериментальных наук; но в каждой науке есть экспериментальная часть, которая является собранием материалов, необходимых для построения теории. Химия — наука в своей основе экспериментальная; но в томе г-на Вюрца, посвящённом атомной теории[1], как и во всех подобных трудах, мысль учёного постоянно выходит за рамки простого выражения наблюдаемых фактов.

[1] Один из томов Bibliothèque scientifique internationale, Париж, Germer Baillière, 1879.

§ 18. Полная наука — и экспериментальна, и рациональна, потому что она объяснительна.

Чисто рациональные науки носят лишь инструментальный характер; чисто экспериментальные науки только констатируют и не объясняют. Объяснение — цель работы мысли (§13 и §14), и объяснение осуществляется посредством рассуждения, когда, исходя из предположений, открываются общие истины, на которые распространяются законы разума (§52). Здесь можно различить истинную часть позитивизма и обозначить ту долю заблуждения, которая в этой доктрине содержится. Пока позитивизм повторяет за Бэконом, что всякое априорное построение — иллюзорно, и что изучение фактов есть необходимое основание всякого серьёзного знания, он утверждает несомненную истину; но он впадает в заблуждение, он искажает первичные устремления разума, когда утверждает — устами Огюста Конта — что мышление должно ограничиться простой «координацией фактов».

Факты — это объект наблюдения или результат опыта. Если бы мышление замкнулось в этой области, всё прошлое ускользнуло бы от него. Очевидно, например, что теория ледников, играющая столь важную роль в современной геологии, не является ни наблюдаемым фактом, ни координацией наблюдаемых фактов. Природа явлений осталась бы полностью вне пределов исследований последовательного позитивизма. Эфирные колебания, к которым наши физики сводят объективную часть тепла и света, не являются ни непосредственно наблюдаемыми фактами, ни простой координацией таких фактов. Закон инерции — основание нашей механики, а через механику — всей физики — безусловно, не является данными наблюдения.

Вероятно, все современные позитивисты признают теорию Коперника. Эта теория — принцип объяснения фактов, а не простая их координация. Если бы метод, вытекающий из позитивистских теорий, был строго применён, наука была бы парализована. Ампер, великий изобретатель, утверждал, что объяснительные теории — источник множества чисто экспериментальных открытий. Мильн-Эдвардс писал: «Исключить теоретические взгляды из истории явлений жизни — значит лишить естественные науки необходимого им элемента» (Revue scientifique, 13 декабря 1879, с. 559). Следовательно, следует признать, что наука принимает не только выражение фактов, но утверждает и реальности, необходимые для их объяснения; это — принципиально важно. Вопрос заключается в том, к чему относятся дедукции, которые дают объяснение явлений.

§ 19. Научные объяснения являются результатом дедукций, которые относятся к идеям класса, закона, причины и цели.
Когда мышление оказывается перед лицом реальностей, в которых оно хочет разобраться, дедукции не исходят, как в рациональных науках, из утверждений, обладающих непосредственной очевидностью; они относятся к общим утверждениям, которые являются предположениями — о чём уже кратко упоминалось (§14) — и характер которых мы впоследствии рассмотрим подробнее (§52). Эти общие утверждения относятся к одной из четырёх только что указанных идей: класс, закон, причина, цель.

Существенное значение в философии Средневековья имела доктрина четырёх причин Аристотеля: материальная причина, формальная причина, действующая (или эффективная) причина, целевая (или финальная) причина. Вот одно из простейших применений этой знаменитой доктрины. Допустим, нужно объяснить существование статуи. Необходимо определить: Вещество, из которого она сделана (мрамор, бронза) — это материальная причина; Образ статуи, как он существовал в мысли художника — это формальная причина; Ручной труд, который обработал материал — это действующая причина; Цель, ради которой художник создал своё произведение (материальный интерес, удовлетворение эстетического чувства) — это целевая причина. (Чтобы увидеть точную формулировку мысли Аристотеля, см. Метафизика, кн. I, гл. 3; кн. V, гл. 2; Физика, кн. II, гл. 3).Когда будут даны ответы на эти четыре вопроса, существование статуи будет объяснено полностью.

Несколько кратких указаний позволят показать соответствие четырёх причин Аристотеля четырём идеям: класса, закона, причины, цели. Материальная причина соответствует идее класса, если понимать его просто как определённую субстанцию (например, в химии). Формальная причина также относится к идее класса, если понимать его как тип, как принцип координации элементов (например, в биологии); она также входит в идею закона, если речь идёт о последовательности явлений. Целевая причина — это и есть сама идея цели. Действующая причина — это производящая сила явлений; это подлинная причина, то, что мы будем называть просто «причиной». Терминология, предназначенная для выражения мысли Аристотеля, не лишена недостатков, поскольку использование слова «причина» в различных смыслах может привести к недоразумениям. То, что Аристотель различил в своём анализе, — это условия существования факта. Действующая причина — одно из этих условий, но никогда не является единственным.

ОБЪЯСНЕНИЕ ЧЕРЕЗ ПОНЯТИЕ КЛАССА

§ 20. Объяснение через понятие класса вытекает из принципа, согласно которому всё, что верно в отношении рода, верно и в отношении вида, и в отношении индивида.
Слова вид и род имеют общее логическое значение, от которого значение этих слов в естественной истории является лишь частным применением. Вид — это класс индивидов; род — это класс видов. Эти термины имеют относительную ценность: то, что является родом по отношению к индивидам или к видам более низкого порядка, становится видом по отношению к роду более высокого порядка. Представьте себе серию коробок разного размера, вложенных одна в другую: каждая будет родом по отношению к содержащимся в ней и видом по отношению к той, в которой она сама находится.

Принцип любого рассуждения заключается в том, что из общего суждения можно вывести частные и индивидуальные утверждения. Этот принцип применяется и к идее класса: вот кусок металла — почему он имеет такой вес и такие свойства? Я отвечаю, что это платина. Объяснение основывается на мысли о том, что всякая материя, которая является платиной, имеет этот вес и эти свойства. Характерная черта у индивида объясняется его национальностью, потому что я исхожу из идеи, что люди этой нации в целом обладают этой отличительной чертой. Я наблюдаю в природе движение, которое не объясняется

физическими причинами: это движение объясняется присутствием живого существа, потому что я исхожу из идеи, что спонтанность движений — одно из проявлений жизни. Идея класса, лежащая в основе первого типа объяснений, является продуктом способности к обобщению.

§ 21. Обобщение, которое формирует классы, — это необходимое условие научного мышления.
Действительно, как сказал Аристотель: «Нет науки об отдельном». Если бы каждую молекулу, каждое растение, каждое животное нужно было бы рассматривать изолированно, мысль могла бы выражаться только собственными именами; а отсутствие общих имен сделало бы знание невозможным, так как потребовалось бы бесконечное количество слов для обозначения бесконечного количества индивидуальных существований.

Следовательно, обобщение необходимо не только для научных утверждений, но и для самой речи. Вот почему обобщение — это естественное, и даже, можно сказать, инстинктивное явление. В раннем возрасте собственные имена становятся общими: для ребёнка, родившегося в Лионе или Женеве, любое течение воды — это Рона.

§ 22. Объяснение через класс предполагает наличие схожих элементов у множества, в остальном различных, существ.
Это — утверждение объективной реальности классов, которую невозможно отрицать, не подрывая основы науки. Тем не менее, под влиянием ложной доктрины это иногда оспаривается. Существования, выявляемые непосредственным опытом, всегда индивидуальны; поэтому философы-эмпирики склонны считать, что в природе существуют только индивиды, а классы существуют только в нашем мышлении. Если бы это было так, наши классификации были бы произвольны, и учёный создавал бы их по своему усмотрению. Тем не менее, очевидно, что задача науки — не создание, а выявление классов. Великий натуралист Агассис развивал эту мысль с большой силой и авторитетом. До лучших времён можно пользоваться искусственной классификацией, но целью учёного всегда остаётся открытие естественной классификации. В противном случае все классификации имели бы одинаковую научную ценность и различались бы только удобством, что совершенно неприемлемо.

Кто бы осмелился утверждать, что ботаническая классификация, основанная на цвете венчиков, имеет ту же научную ценность, что и классификация, основанная на жизненно важных органах? Классы обладают идеальной реальностью, с которой человеческое мышление стремится согласоваться. Никто не отрицает реальность классов в химии: никто не предполагает, что различие простых веществ хоть в какой-то мере является произвольным. И их бы не отрицали и в естествознании, если бы различали два вопроса, часто путаемые, несмотря на их существенную разницу: вопрос о реальности видов и вопрос об их происхождении.

Существа, включённые в один и тот же класс, обозначаются общим именем. Давать общее имя множеству объектов — значит признавать, что это имя, будучи справедливо применено, позволяет делать ряд законных утверждений: о характеристиках, общих для существ, которые могут отличаться по другим признакам. Назвав металл золотом, я утверждаю ряд свойств: плотность, ковкость и т.д. Назвав растение пальмой, я предполагаю определённый климат, в котором оно может расти, и природу его плодов.

Кондильяк учил, что наука — это не что иное, как «хорошо устроенный язык». Возражений против этой формулы нет — при условии, что ясно: открытие истины является условием хорошей номенклатуры. Совершенствование языка способствует прогрессу науки, но создание научного языка — это следствие и выражение истинной науки. Здесь есть два

элемента, которые взаимно поддерживают друг друга, но имеют неравную ценность. И в пределах этой ценности следует сказать, что хорошо устроенный язык — это гораздо больше результат, чем причина нашего знания. Указывать в речи на основной источник прогресса мысли, а не в самой мысли — на источник прогресса речи, — значит совершать серьёзную и странную ошибку.

§ 23. Общие элементы существ одного класса составляют их сущность.
Слово сущность определяется в словаре Французской академии как: «то, что делает вещь тем, чем она является; то, что составляет её природу». Это определение делает её уязвимой для скептицизма. Можно сказать — и это действительно говорят — что у нас нет средств узнать, что есть вещь сама по себе, и что сущности для нас недоступны; следовательно, слово, их выражающее, должно быть исключено из научной терминологии.

Но если объективное определение сущности вещей вызывает трудности (которые мы сейчас рассматривать не будем), то субъективное определение вполне возможно. Сущность в субъективном смысле, — а только он нас здесь интересует, — это совокупность свойств, без которых исчезает в нашем мышлении понятие общих элементов существ одного класса. Любой реальный или идеальный объект имеет свойства, общие для своего вида, которые являются существенными, и другие свойства — случайные, поскольку они лишь отличают один индивидуум от другого в пределах одного вида.

Существенно для крыши — покрывать здание, потому что то, что не покрывает здание, не является крышей; но сделана ли она из черепицы, шифера, досок или листьев, имеет ли одну или другую форму — это случайно, так как само понятие крыши сохраняется. Сущность треугольника — в том, что у него три угла и три стороны. Любая фигура, обладающая этими признаками, — это треугольник. Прямоугольный он, равнобедренный, скален, большой или маленький — всё это случайные признаки в отношении общего понятия треугольника.

Сущность тел — это сопротивление, локализованное в пространстве. Звук, который не существует для глухих, цвет, который не существует для слепых, — это случайные свойства материи; но если убрать идею сопротивления в пространстве, то исчезает и идея тела. Сущность углерода определяется признаками, общими для всех его форм — древесного угля, графита, алмаза. Чтобы определить сущность дуба, собаки или человека, нужно установить признаки, без которых эти названия не имели бы более никакого определённого смысла. Сущность вещей — это предмет их определения.

Описание индивидуального объекта может содержать сколько угодно признаков; но научное определение должно содержать только признаки вида, которые, поскольку они характеризуют вид, являются существенными для всех включённых в него индивидуумов. Определение относится к общему имени, которому предшествует артикль; а общее имя может быть индивидуализировано с помощью указательного прилагательного. Когда я говорю «лошадь», я выражаю общее понятие, включающее только существенные признаки класса. Выражение «эта лошадь» указывает на конкретное животное. Можно заметить аналогию между философским значением слова сущность и его значением в парфюмерии, где под эссенцией понимается извлечение аромата, общего для различных растений.

§ 24. В науках о фактах сущность предполагает субстанцию.
Субстанция — это носитель, субъект присущности свойств. Всякое свойство или качество необходимо приписывается какому-либо бытию. Бытие — это субстанция; свойства и качества — это её модусы. Это соображение применимо к реальности, понимаемой в обычном значении этого термина. В чисто рациональных науках мышление сосредоточено на сущностях, которые не предполагают субстанций. Геометрическая сфера не имеет реальности вне мышления, то есть её реальность чисто идейна, тогда как сферическое тело

имеет субстанциальную реальность; форма выражает один из его атрибутов. В чистой геометрии форма не является атрибутом, так как она есть сам концепт, к которому применяются утверждения науки.

Что такое субстанция, лишённая всех своих атрибутов, или, что то же самое, что есть вещь, абстрагированная от всех своих свойств, вещь сама по себе? Свойства — это отношения, и существа нам известны только через их отношения с нами. Требовать определения сущего самого по себе, независимо от его связей с другими существами, и в особенности с человеческим духом, который является субъектом всякого знания, — значит забывать о неизбежно относительном характере человеческой науки (§67). Это значит требовать невозможного уже самой постановкой вопроса. Если ничто не может быть познано иначе как через отношение, то требовать знания о вещи, абстрагировавшись от всякого отношения, — это явное противоречие.

Всякое научное объяснение исходит, таким образом, из сущностей, то есть из первоначальных свойств существ; рассмотрение чистой субстанции остаётся бесплодным. В этой связи возникла довольно распространённая ошибка, происходящая из ложного толкования одной несомненной истины. Из того, что идея субстанции бесплодна в смысле объяснительных выводов, заключили, что эту идею нужно изгнать из человеческого мышления; но изгнать субстанцию из мысли — значило бы изгнать из неё идею реальности. Желание ограничиться одними отношениями, исключив понятие существ, — это забыть ту очевидную истину, что отношения могут существовать только между существами.

Говорят: мы знаем лишь феномены, то есть явления. Но феномен предполагает вещь, которая является, и субъект, который её воспринимает. Амиэль, в один из тех моментов, когда разнообразные движения его духа привели его к истине, сделал по этому поводу справедливое замечание: «Дух, будучи субъектом феноменов, не может быть сам по себе феноменом; зеркало изображения, если бы оно было изображением, не могло бы быть зеркалом. Эхо немыслимо без звука. Сознание — это некто, кто испытывает нечто; все эти "нечто" вместе взятые не могут заменить "некто". Феномен существует только для точки, которая не есть он сам и для которой он — объект» (Фрагменты из интимного дневника, том II, стр. 200).

§ 25. Наука стремится определить первичные классы, или простые субстанции, из которых состоят существа.

Признание фиксированных классов, в отношении которых можно утверждать постоянные свойства, — одно из условий науки; но научное исследование не останавливается на рассмотрении любых классов. Существа, составляющие фиксированный класс, могут быть сложными; и, как замечает Лейбниц в начале своей Монадологии, если существуют составные вещи, то обязательно существуют и простые. Из этой мысли рождаются попытки анализа, чтобы открыть первичные классы, синтез которых и представляют собой составные существа. Вода, например, — это класс, содержащий неопределённое количество молекул, в отношении которых можно утверждать определённые постоянные свойства; но вода — не простое тело; это соединение кислорода и водорода. Химия даёт наиболее полный пример таких анализов, которые идут от составного к простому, и результаты которых подтверждаются синтезом элементов, предварительно разделённых. Эта наука обладает преимуществом: она может демонстрировать очень многие свои утверждения, показывая их осуществлёнными в лаборатории.

Та же направленность на анализ проявляется и в других науках. Клод Бернар, например, стремится свести все органы живых тел к трём элементам: чувствительные нервы, двигательные нервы и мышцы — элементы, сложные с точки зрения материи, из которой они состоят, но относительно простые в отношении разнообразия органов, возникающих из

их различных комбинаций. Перед социальной наукой стоит задача — по возможности — распознать первичные факторы, которые своим сочетанием и взаимным действием могли бы объяснить состояние человечества и его историю.

Научный дух всегда направляет мысль к разложению объектов исследования и к сведению, насколько возможно, числа субстанций, которые следует считать первичными (§54). Правда, химия за последние полвека значительно увеличила число так называемых простых тел, потому что они оказываются неподдающимися лабораторному анализу; однако многие учёные, в том числе и очень осторожные, по инстинкту разума склонны предвидеть более простое, а возможно, и более истинное состояние науки.

Первый вопрос науки — это вопрос о классе, вопрос, выражающийся словами: Что это? или Что? Когда объяснение даётся через приписывание индивидууму признаков его вида, виду — признаков рода, тогда дух удовлетворяется общим утверждением, которое служит основой для неопределённого числа частных утверждений. В той мере, в какой исследование оказывается успешным, достигается указание на первичные элементы вселенной. Эти элементы не изолированы; анализ, который их различает, разделяет существования, которые в реальности тесно связаны между собой и часто неразделимы. Все вещи в реальности находятся во взаимных связях и оказывают друг на друга взаимные воздействия. Мир — не собрание фиксированных существ, а совокупность фактов, составляющих жизнь. Каков способ одновременности или последовательности этих фактов? Это — следующий за вопросом Что? — вопрос Как?, ответ на который даётся через рассмотрение законов.

ОБЪЯСНЕНИЕ ЧЕРЕЗ ИДЕЮ ЗАКОНА

§ 26. Законы — это формулы, выражающие связь между предшествующим и последующим.

Закон всегда предполагает наличие предпосылки (антецедента) и следствия (консеквента): если есть одно, то будет другое; или: если есть одно, то другое должно быть. Например, если углерод и кислород находятся в определённом количестве и условиях, то образуется углекислота — это химический закон: присутствие углерода и кислорода — это антецедент; образование углекислоты — консеквент. Трение вызывает тепло — физический закон: трение — антецедент, выделение тепла — консеквент. Всякое растение (пальма, виноград, олива) погибнет, если будет подвержено определённой температуре — биологический закон: температура — антецедент, смерть растения — консеквент. Если я говорю, что анархия ведёт к деспотизму, я обобщаю множество наблюдений в форме исторического закона: анархия — антецедент, деспотизм — консеквент.

Простое описание последовательности двух явлений — это лишь изолированный факт, не являющийся законом. Для того чтобы нечто было законом, формула должна выражать постоянство определённой последовательности или одновременности в ряде явлений. Таким образом, объяснение через закон имеет ту же логическую природу, что и объяснение через класс: оно связывает частное утверждение с общим.

§ 27. Наука предполагает, что законы обладают свойством постоянства.

Если бы не существовало устойчивых закономерностей в последовательности явлений, мышление, способное воспринимать лишь отдельные факты, оказалось бы в таком же положении, как если бы не существовало устойчивых классов веществ, — то есть наука была бы невозможна. Однако важно не путать постоянство природных законов с абсолютным детерминизмом всех явлений. Нетрудно понять, что без устойчивости законов мир стал бы непостижимым. Эта устойчивость относится к пространству: если бы тело в одинаковых условиях вело себя по-разному в Лондоне, Пекине, Париже или Риме — физика

была бы невозможна. Она касается и времени: никто не предположит, что законы механики были иными несколько тысяч лет назад, когда древние египтяне перемещали каменные блоки для строительства пирамид.

Научный разум стремится сократить количество законов и приблизиться к первичным и простым законам, как и в случае с классификацией веществ. Например, течение рек объясняется законом земного тяготения, который в свою очередь объясняется общим законом гравитации масс. Размышляя далее, мы задаёмся вопросом, не содержится ли гравитация, объясняющая движение тел, в универсальном законе притяжения, применимом как к молекулам, так и к звёздам. Хотя все законы имеют одинаковую структуру с точки зрения чистой логики, объяснения, которые они дают, различаются в зависимости от природы самих фактов.

§ 28. Законы природы всегда реализуются.
Во всём естественном мире существует тождество между фактами и законами, поскольку законы по своей сути — выражение реальности, выявленной наблюдением. Ошибочные законы — это просто заблуждения мышления, исправляемые посредством фактов. Например, старая теория физиков, согласно которой «природа боится пустоты», считалась законом: вакуум — антецедент, движение материи, заполняющее его — консеквент. Эксперимент доказал ложность этого закона, как видно по уровню воды в насосе или ртути в барометре. Тождество между явлением и законом предполагает инертность объекта, к которому применяется закон, что, в свою очередь, приводит к абсолютному детерминизму во всей сфере, где действует закон инерции.

Из этого вытекает: возможность объяснять прошлые события (основа геологии), возможность предсказывать будущие события (основа астрономии). Но влияние человека на природу позволяет ему изменять явления, когда он может вмешаться в их развитие. Поэтому делать вывод об абсолютном детерминизме природы из постоянства законов — это серьёзная ошибка. Человеческое вмешательство ограничивает достоверность научных предсказаний. Мы не можем повлиять на движение звёзд, поэтому предсказания, например, об затмениях, всегда точны.

Но человек влияет на земные явления: вырубка лесов меняет климат, система шлюзов изменяет течение реки. Сельское хозяйство и промышленность вызывают множество изменчивых явлений, отражающих свободные причины, нарушающие естественный ход событий. Однако что изменяется — это условия применения законов, сами же законы не меняются: только зная их постоянные характеристики, мы можем влиять на результаты. Всякий раз, когда условия сохраняются, физическое явление повторяется одинаково. Эти законы всегда реализуются. Но есть законы иного рода.

§ 29. Логические и нравственные законы выражают то, что должно быть.
В физике, если задан антецедент, определённый консеквент следует неизбежно: «если это есть, то это будет». В логике и морали формулировка другая: «если это есть, то это должно быть». Из определённых посылок должны следовать определённые выводы, если рассуждение правильное. В определённых условиях определённое действие или чувство диктуется долгом. Истина (в логике) и благо (в морали) достигаются через реализацию этих законов. Но заблуждение (интеллектуальное зло) и грех (волевое зло) возможны. То есть: «это есть — это должно быть», но не всегда есть. Разум может отклоняться от истины, а нравы — противоречить морали.

Логические законы устанавливаются исследованием разума; нравственные — наблюдением за совестью, при этом разум их обобщает. В то время как физические явления всегда соответствуют законам, которые выражают то, что есть, мысли и поступки человека могут

как соответствовать, так и не соответствовать законам. Здесь важно не только открыть законы, но и подчинить им свою мысль и волю. Логические и нравственные законы так же неизменны, как и природные, но последние управляют инертной материей, а первые — предлагаются существам, обладающим свободой воли, отсюда различие.

§ 30. Психические законы изменяются в применении под влиянием воли.
Существуют психические законы, выражающие естественную связь фактов, субъектом которых является человеческий разум. Они описывают ассоциации различных элементов психической жизни: желаний, чувств, идей, волевых актов. Сами по себе они обладают устойчивостью, как и все прочие законы. Но естественные связи между психическими элементами могут быть нарушены актом воли. Так же, как факты могут соответствовать или не соответствовать логическим и моральным законам, они могут соответствовать или не соответствовать законам ассоциации явлений.

Пример: Психический закон гласит: праздность порождает порок. Праздность — антецедент, порок — консеквент. Но может случиться, что осознание этой связи пробудит совесть, и человек с моральным усилием возьмётся за работу. В этом случае праздность вызвала не порок, а искушение, которое пробудило совесть, породившую усилие, и свобода воли вмешалась, разорвав закономерную связь, не уничтожив сам закон, но уничтожив его условие (антецедент). Психические законы выражают природу вещей, реализуемую в той мере, в какой свобода воли не вмешивается. Хотя они не позволяют делать точные и детальные прогнозы, они позволяют строить общие и вероятные предсказания, которые очень полезны.

Социалистические теоретики ошибаются, когда верят во всемогущество институтов и приравнивают воздействие на людей к воздействию промышленности на инертную материю. Педагоги заблуждаются, считая педагогические методы всемогущими. Эти ошибки порождают множество иллюзий, но в ответ нельзя впадать в другую крайность, отрицая влияние общественных институтов и роль воспитания. Психические законы реальны, хотя воля изменяет их применение. Тем, кто руководит общественными делами и занимается воспитанием детей, крайне важно их знать.

§ 31. Законы предполагают причины.
Открытие законов удовлетворяет разум, поскольку сводит частные факты к фактам общего порядка; но разум не может остановиться на законах как на окончательном и достаточном объяснении. Директор Revue scientifique, г-н Шарль Рише, признавая, что инстинкт животных проявляет разумность, добавлял, что эта разумность не находится ни в самом животном, ни в его предках, но «в законе естественного отбора». Этот отрывок заслуживает особого внимания, потому что он ярко выявляет одну из главных ошибок современной мысли. Закон проявляет разумность, но не может обладать ею; закон — объект разума, но не может быть его субъектом. Тем более он не может быть принципом осуществления фактов, которые он выражает.

Законы реализуются только в существах и через существа, чьи отношения и способ действия они выражают; а существо, поскольку оно действует, есть причина. Долгое время философия определялась как наука о причинах. Аристотель сказал: «Знать — значит познавать по причинам»; и Рафаэль выразил распространённую в школе мысль, когда рядом с фигурой, символизирующей философию, написал эти слова: Causarum cognitio «познание причин». В новое время была предпринята энергичная попытка исключить причины из научных исследований. Дугальд Стюарт написал: «Опыт учит нас, что определённые события неизменно связаны друг с другом; и отсюда, если одно происходит, мы ожидаем другого; но мы не знаем ничего большего… Древние рассматривали

философию как науку о причинах, и эта ложная идея привела их к множеству спекуляций, совершенно выходящих за пределы человеческих способностей».

Вот чёткое исключение поиска причин; но Дугальд Стюарт впадает в явное противоречие, которое делает больше чести его набожности, чем его логике. Он, в самом деле, говорит о человеческой душе как о причине, ответственной за свои поступки, и о Боге как о верховной причине вселенной. Огюст Конт воспроизвёл мысль Дугальда Стюарта и развил её во всех последствиях. Он сделал её основанием своей системы; но и ему не удалось лучше, чем шотландскому философу, удержать свою мысль в рамках своей программы. Во второй части своей карьеры он настолько признал необходимость идеи причин для объяснения явлений, что тогда формулировал свою мысль в следующем александрийском стихе, который он давал как девиз своим ученикам: «Чтобы дополнить законы, нужны воли».

Неясность, возникшая из-за двойного значения одного термина, возможно, тоже повлияла на то направление мысли, которое изгнало исследование причин. Слово закон имеет двойное значение, поскольку оно выражает то, что есть, и то, что должно быть. В первом значении, которое используется только в естественных науках, закон выражает просто то, что есть, и не содержит никакого представления о действии или силе. Во втором значении, употребляемом в моральных и социальных науках, закон — это предписание, и идея власти соединяется с идеей повеления. Однако достаточно немного поразмышлять, чтобы понять, что повеление не действует само по себе (в моральном порядке опыт это слишком хорошо показывает), а представляет собой лишь побуждение и может быть реализовано только волями, к которым оно обращено. Объяснение через закон, хотя и имеет очень большое значение как с теоретической, так и с практической точки зрения, является, таким образом, лишь одним из элементов полного объяснения фактов.

ОБЪЯСНЕНИЕ ЧЕРЕЗ ИДЕЮ ПРИЧИНЫ

§ 32. Причина — это производящая сила факта.
Определение причины обладает объяснительной ценностью, потому что представление производящей силы — и есть сама идея причины, а сила объясняет свои эффекты. Мы имеем непосредственное восприятие причины в актах нашей воли. Эта идея затем обобщается и изменяется в процессе обобщения. Она особенно изменяется потому, что причина, которая нам непосредственно известна (воля), — это причина сознательная и наделённая элементом свободы, тогда как сознание и свобода исчезают, когда идея причины применяется к цепи природных явлений.

В научных объяснениях, основанных на классе и законе, мышление движется от общего к частному; в применении идеи причины — переход совершается от единства производящей силы к возможному множеству её результатов. Вот, например, четыре факта: сгоревший дом, убитое животное, рассеянное стадо, сбитый человек. Все четыре факта могут иметь одну причину: молнию. Падение молнии объясняет их, и действие молнии становится постижимым через знание законов физики и физиологии.

Рассмотрим теперь три исторических факта: восстановленная Западная империя, основанные школы, насильственное крещение саксов. Эти три факта имеют причиной волю Карла Великого. В общем виде можно сказать, что всякое научное объяснение содержит в себе представление о единстве; но объяснять посредством класса и закона — значит подниматься к рассмотрению абстрактного и общего единства, откуда затем нисходят к частному и конкретному; объяснять через причину — значит восходить к реальному и конкретному единству, способному породить множество эффектов.

§ 33. Причинность — это не просто последовательность.
Специфический характер идеи причины был отвергнут — её свели к простой последовательности или одновременности фактов. Это попытка, которая в новое время была предпринята Мальбраншем и, ещё более явно, Юмом. Однако ясно, что последовательность и одновременность фактов могут носить случайный и произвольный характер. Первые годы Французской империи при Наполеоне III были урожайными сельскохозяйственно; но отсюда вовсе не следует, что форма правления, временно принятая Францией, увеличила продукцию земли. Но когда два факта соединены постоянно и, как кажется, неизменно — является ли идея причинности просто идеей их последовательности или одновременности? Нет. Определённое положение звезды Сириус совпадает для нас с периодом, обычно самым жарким в году; поэтому этот период называется «каникулой» (caniculaire), Canicule — одно из имён Сириуса. Скажем ли мы, что каникула является причиной жары? Гассенди справедливо замечает, что, рассуждая таким же образом, жители антиподов пришли бы к выводу, будто каникула вызывает холод.

Правило метода Дугалда Стюарта — «если появляется одно явление, мы ожидаем другое и не знаем ничего сверх этого» — вело бы нас к тому, чтобы ограничиться простым рассмотрением последовательности или одновременности явлений; но всё развитие науки опровергает это методологическое правило. Гром следует за вспышкой молнии: это закон, выражающий последовательность двух фактов. Останавливается ли на этом исследование физика, считая, что мы не можем знать ничего большего? Вовсе нет. Установить, что электрический разряд, производящий молнию, также производит и колебание атмосферы, в результате которого возникает звук, — значит перейти от констатации простой последовательности явлений к рассмотрению их причины.

Другой пример: очень тёплая весна, как правило, сопровождается возвращением холода. Это закон, выражающий последовательность явлений, но мы ищем чего-то большего. Очень тёплая весна преждевременно разрушает полярные льды, плавающие обломки которых приближаются к нашим регионам и понижают температуру; это уже определение причины — и подлинной причины, если объяснение явления верно.

Чтобы хорошо понять это важное различие между причинами и законами, сравним два утверждения, касающиеся явления удара: одно тело перемещает другое, тела притягиваются по закону тяготения. Это два закона, одинаково постоянных, одинаково неизменных. Первое утверждение непосредственно поддаётся объяснению через причину. Действительно, перемещение одного тела под действием движения другого — это прямой результат идеи материи. Как только мы понимаем, что сущность тела — занимать часть пространства, мы одновременно понимаем, что движущееся тело при встрече с другим стремится его вытеснить; здесь не нужно искать дальнейшего объяснения. С гравитацией — иначе. Закон установлен — и спрашивают о его причине. Если не считать гравитацию проявлением самой природы вещей, то есть прямым актом первой причины, то ищут её причину в каком-то предшествующем физическом явлении.

§ 34. Причины — это субстанции, то есть существа.
Причина обнаруживается через действие. М. Литтре писал: «Вселенная представляется нам как совокупность, имеющая свои причины в самой себе, причины, которые мы называем её законами». Это — языковая ошибка, ибо значит неправильно использовать слова, называя причины законами, а законы — причинами. Эта языковая ошибка покрывает собой ошибку доктринальную. Речь идёт о том, чтобы заменить идею причины идеей закона — вопреки очевидным требованиям разума (§ 31). Повторим: законы — это идеи; но идеи не действуют, они могут лишь выразить или побудить к действию. Термин идея-сила (idée-force), играющий важную роль в трудах г-на Фуйе, является ошибочным выражением, способным ввести мысль в заблуждение. Идея может быть реализована только через агента, который её

осуществляет, — будь то сознательная воля, как у человека, или бессознательная сила, как та, которую мы приписываем семени растения. Идея — это выражение совершённого акта или акта, который предстоит совершить, и в котором она выступает как мотив; она никогда не может быть действенной причиной, силой.

Гравитация — это закон, но он реализуется только в отношениях, которые тела поддерживают между собой. Сила находится в телах, а не в законе. Не закон тяготения удерживает Луну на её орбите, а присутствие Земли; и не закон, а присутствие Солнца удерживает Землю на её орбите. Монтескьё писал: «Законы, в самом широком значении, — это необходимые отношения, вытекающие из природы вещей». Причины, чью манеру действия законы выражают, — это подлинные реальности, составляющие природу вещей.

§ 35. Причины бывают трёх видов: материальные, спонтанные, свободные.
Материальные или физические причины — это тела. Тело никогда не изменяет собственного движения, как нас учит закон инерции, подтверждаемый всей современной физикой; но одно тело изменяет движение другого посредством импульса, сопротивления или действия неизвестной природы, способ действия которой выражается законом тяготения. Любая причина изменения движения называется силой. Тело не является силой по отношению к самому себе; но оно — сила по отношению к другим телам; следовательно, оно — производящая сила, подлинная причина. Способ действия материальных причин, насколько он нам известен, выражается законами механики.

В текущем состоянии наших знаний явления, наблюдаемые у живых существ, не поддаются объяснению с точки зрения чистой механики. Следовательно, необходимо — по крайней мере, временно — признать, что в живых существах существует принцип спонтанного движения, под влиянием которого физические силы реализуют определённые типы. Явления тогда объясняются через идею причины, потому что спонтанность движения содержится в представлении, которое мы составляем о живом семени. Дуб объясняется сочетанным действием физических сил и силы, приписываемой жёлудю. Для таких объяснений необходимо знание общих законов жизни, изучаемых общей физиологией, и конкретного типа, вытекающего из развития каждого семени. Как бы мы ни объясняли происхождение видов — даже если допустить, что понятие вида не соответствует изначальной и устойчивой реальности — существование спонтанных причин, отличных от чисто материальных, останется, пока не удастся дать механическое объяснение происхождению жизни. А такого объяснения наука пока не имеет — и, похоже, ещё далека от того, чтобы его иметь.

Свободные причины — это силы определения, которые, будучи поставлены перед законом, могут либо осуществить его, либо нарушить. Присутствие свободных существ даёт объяснения, выведенные из идеи причины. Это утверждение достаточно важно, чтобы сформулировать его отдельно.

§ 36. Свободная причина — это, отчасти, причина бытия своих актов!
Мы не будем здесь касаться вопроса, является ли свобода воли реальностью или иллюзией; это главный вопрос психологии. Ограничимся констатацией, что в обыденном мнении присутствие свободного агента считается дающим частичное объяснение фактов человеческой жизни. Человеку приписывают ответственность за те поступки, автором которых его считают. Историк ищет мотивы отречения Карла V; но в итоге он рассматривает свободную волю этого монарха как один из факторов данного исторического события.

Таково обыденное мнение, но люди, особенно подготовленные в математике и физике, склонны говорить, что свободный акт непостижим, потому что его нельзя вывести из предшествующих условий как необходимое следствие. Объяснение через причину их не

удовлетворяет, они принимают только объяснение через законы. Особенность свободы в том, что при одних и тех же предпосылках возможны различные последствия, и поэтому акты предполагаемых свободных агентов не поддаются абсолютному детерминизму законов (§ 30).

Следует ли из этого, что свободный акт непостижим? Да, если понимать «постижимый» и «неизбежный» как синонимы; но эти понятия выражают две разные идеи, и их тождество нельзя утверждать. Присутствие свободного агента даёт объяснение его поступков через идею свободы, так же логично, как физический факт объясняется законом необходимой связи двух явлений. Отрицать ценность объяснения, основанного на определении свободного существа, — значит заранее отвергать идею свободы. Лишь после того, как будет доказано, что эта идея ложна, можно без круговой аргументации отказаться признавать научным объяснение акта через природу его агента.

Таким образом, свободные причины — это принципы объяснений, но только частичных, потому что единственная свободная причина, непосредственно нам известная, — наша воля — всегда лишь выбирает среди различных актов, представленных как возможные разумом, и различных побуждений, которые её манят. Решение, принятое без всякого побуждения, в сфере нашего опыта — абсолютно ложное представление. Следует избегать крупной ошибки рассуждения, которая, не раз встречаясь, состоит в том, чтобы из относительного и ограниченного характера свободы воли делать вывод о её отсутствии.

Чтобы объяснить акт воли, нужно учитывать помимо самой воли также природу мотивов, влияющих на неё. Здесь появляется новый способ объяснения, который объясняет акты, но не объявляет их необходимыми — это объяснение через цель или конечный смысл. Для более подробного изложения этой темы см. мой труд «О свободной воле». Париж, Фишбахер, 1890.

ОБЪЯСНЕНИЕ ЧЕРЕЗ ИДЕЮ ЦЕЛИ

§ 37. Знание цели объясняет, показывая связь между целью и средствами для её достижения.
Закон отвечает на вопрос как?, цель — на вопрос почему? Вот здание: зачем оно построено? Это частный дом? Школа? Храм? Как только становится известна функция здания, становится понятна планировка его частей. Движения армии сначала могут казаться запутанными и даже бессистемными; они станут понятными, когда узнают план генерала, составленный с учётом поставленной цели. Гарвей, наблюдая клапаны вен, задался вопросом «зачем?» И именно мысль о том, что клапаны могут служить для препятствия обратному току крови, привела его к открытию кровообращения.

В философском языке цель называют конечной причиной (fin, cause finale). В объяснениях через классы и законы мышление идёт от общего к частному, то есть от единого к множественному. В объяснениях через идею причины мышление идёт от единства производящей силы к множеству её эффектов. В объяснениях через идею цели мышление идёт от единства преследуемой цели к множеству средств, применяемых для её достижения.

§ 38. Идея цели — один из элементов объяснения актов воли.
Переход через Рубикон объясняется разными причинами, в частности двумя аспектами: Цезарь хотел захватить верховную власть — это объяснение через цель; Цезарь совершил акт решением, за которое несёт ответственность — это объяснение через свободную причину. Первое объяснение само по себе недостаточно, потому что, по свидетельству историков, Цезарь колебался, испытывая внутренний конфликт: с одной стороны — чувство

гражданского долга, с другой — амбиции. Он колебался и, наконец, решил; цель, которую он ставил, была мотивом для воли; но последняя причина его поступка — в свободном решении самой воли.

Для примера из новейшего времени можно спросить: зачем Наполеон I поступал так по отношению к Папе? Ответ — в «Мемуарах Святой Елены», где Наполеон объясняет, что его цель — иметь Папу под контролем, чтобы объединить политическую и религиозную власть в своих руках. Возможно, как и Цезарь, он колебался между амбициями и сомнениями совести, но, как и Цезарь, решил в пользу амбиций. Цель, которую он преследовал, объясняет его поведение, но не оправдывает, потому что, будучи существом со свободной волей, он оставался ответственным за свои решения. Рассмотрение цели, ради которой люди действовали, составляет суть исторических объяснений; исследование общих законов, проявляющихся в ходе человеческой истории, и их согласование со свободой воли — предмет глубокой философии.

Исторические факты часто остаются непонятыми или объясняются неверно, пока не появляются документы, раскрывающие секреты дипломатии. Что они показывают? Истинные намерения государственных деятелей, то есть подлинные конечные причины их поступков. Часто истинные мотивы политиков остаются скрытыми от общественности. Один министр из крупной европейской монархии однажды рассказал мне, как его веселили газеты, в которых описывались его действия.

§ 39. Рассмотрение конечной причины играет важную роль в биологии.
Открытие кровообращения (см. § 37) — одно из доказательств этого. В целом для физиолога органы объясняются их функциями, а функции — поддержанием и передачей жизни. Однако если рассматривать только отдельных особей, полного объяснения не получить: у некоторых животных встречаются органы без функции — глаза, которые всегда закрыты, зубы, которые никогда не прорезываются и т. п. Эти факты, допускающие разные толкования, указывают всегда на связь особи с её видом. Но какова бы ни была интерпретация, связь функций органов с жизнью — которая составляет гармоническое единство живого организма — является основополагающей идеей.

Цель в физиологическом организме не осознаётся так, как у существа с волей, но она реальна. Поэтому, как говорил Жорж Кювье, «конечные причины — незаменимый факел для натуралиста». То же напомнил недавно Клод Бернар, написавший: «Физик и химик могут отвергать всякую идею конечных причин в наблюдаемых ими явлениях; тогда как физиолог склонен признавать органическую и предустановленную целесообразность в организованном теле, где все частные действия связаны и порождают друг друга... Проводить физиологический анализ, теряя из виду гармоническое единство организма — значит не понимать жизненную науку и лишать её всей сущности».

§ 40. Рассмотрение цели не входит в задачи физики, изучаемой как особая наука.
Здесь термин «физика» употреблён в общем смысле, обозначая полное знание о неорганической материи. Работы химиков и физиков чрезвычайно полезны благодаря ежедневному удивительному применению научных открытий в промышленности, но это не тема обсуждения. Физик может ставить целью своей работы пользу, как художник — прибыль; но физик не применяет идею целесообразности к явлениям, которые изучает; возможное использование его открытий не является для него объяснением. Он анализирует факты, которые хочет объяснить, и ищет их класс и закон.

Лейбниц сообщает нам, что рассмотрение конечных причин не чуждо открытию законов движения, потому что «эти законы не зависят от принципа необходимости, как логические, арифметические и геометрические истины, а от принципа соответствия, то есть выбора

мудрости». Однако, как только законы установлены, физик занимается исключительно способом возникновения явлений, а не их целью. Его предмет — как, а не почему. Но хотя идея цели может оставаться для него чуждой в рамках его специальной науки, она не является абсолютно чуждой для рассмотрения фактов, которые он изучает.

§ 41. Идея цели применима к физическим явлениям, если рассматривать их во взаимосвязи с целым миром.

Клод Бернар справедливо замечает: «Физик и химик, не имея возможности выйти за пределы вселенной, изучают тела и явления изолированно, сами по себе, без необходимости связывать их с целым природы. Физиолог же, находясь вне живого организма, видит его целостность и обязан учитывать гармонию этого целого». Если мышление рассматривает мир как единое целое, оно становится вне его, и мир предстает как организм, гармонию которого нужно изучать. Например, изучая связь между неорганической материей и живой природой, идея цели неизбежно возвращается. Пример: общее физическое правило — тела расширяются при нагревании и становятся тяжелее при охлаждении при равном объёме.

Есть исключение — вода, которая при охлаждении до определённой температуры превращается в лёд и становится легче. Этот факт вызывает неизбежную мысль о цели, о соотношении средства и цели. Если бы лёд был тяжелее воды, он бы падал на дно озёр и рек, а не оставался на поверхности. В результате во всех холодных или умеренных регионах вода зимой полностью замёрзла бы, а весной едва бы успевала оттаять — что лишило бы условия жизни для организмов. Поэтому рассмотрение конечных причин необходимо, когда, выходя за пределы частной физики, изучают взаимосвязь неорганической материи с живыми существами. Можно предположить, что идея цели может помочь продвинуться даже в частной физике, и учёный, глубоко понимающий цель явлений, может быть направлен к открытию способов достижения этих целей в природе. Рассмотрение «почему» может привести к нахождению «как».

§ 42. Исключение конечных причин происходит из двух смешений понятий: одного между конечными причинами и действующими причинами, другого — между полными и реальными целями.

Легко понять, что рассмотрение конечных причин не должно отменять поиск действующих причин. Мысль о том, что облака, образующиеся в атмосфере и переносимые ветром, имеют целью орошать землю и обеспечивать условия жизни, не освобождает от исследования физических законов, управляющих распределением влаги, и причин, выражаемых этими законами. Идея о том, что веки служат сохранению глаз, не заменяет изучение физиологического формирования этих полезных мембран. Также легко понять, что реальная цель отличается от полной цели. Солнце создано, чтобы освещать и согревать нас — это очень естественная мысль о целесообразности.

Однако из этого не следует, что единственная функция солнца — давать свет и тепло нам. Его воздействие распространяется не только на земной шар и поддержание жизни на его поверхности, но и на другие планеты; несомненно, в общей организации вселенной у него есть много других назначений, нам неизвестных. Однако то, что солнце не имеет человека в качестве единственной цели, не означает, что мысль о его предназначении освещать и согревать нас — ложна. Тем не менее, случалось, что конечные причины пытались исключить из науки, под предлогом, что они мешают поиску действующих причин, и из ошибки, состоящей в том, что некоторые цели принимались за полные, сделали вывод, что эти цели не являются реальными.

Отсюда презрение к телеологии, которое высказывают некоторые учёные — презрение, проистекающее из систематических заблуждений, оправдать которые можно только явным

смешением понятий. Первое из таких смешений могло опираться на текст Бэкона, который писал: «Объяснения, основанные на конечных причинах, подобны реморам, которые, как полагают некоторые моряки, пристают к кораблям и задерживают их. Эти объяснения, так сказать, замедляли плавание и ход наук, мешали им держаться истинного пути и словно заставляли стоять на месте. Они привели к тому, что давно поиск физических причин угас и был заброшен». Бэкон жаловался на то, что философы, среди которых он называл Аристотеля, отдалялись от изучения действующих причин, довольствуясь рассмотрением конечных причин.

Независимо от того, верен ли этот факт, остается несомненным, что научный ум не может довольствоваться только идеей цели явления и должен искать способ его возникновения. В этом отношении Бэкон абсолютно прав; однако относить его к философам, отрицавшим реальность конечных причин, можно лишь при очень невнимательном чтении. Действительно, в той же главе, где он говорит о реморах — которые часто цитируются после него, с неправильным использованием его авторитета, — он пишет: «Когда мы так говорим, это не значит, что конечные причины кажутся нам не имеющими никакой реальности и не заслуживающими научных исследований... Было бы большой ошибкой считать, что, будучи чётко определёнными в своих пределах, конечные причины могут бороться или противостоять физическим причинам... Эти два вида причин прекрасно согласуются, с тем лишь различием, что одна обозначает намерение, а другая — простой эффект».

Нам не раз приписывали Бэкону мнение, которое он называет тяжёлой ошибкой. Что касается отрицания реальности целей на основании отрицания их полноты — это также серьёзная ошибка. Представим, что житель города, переходя мост, сказал: «Этот мост построен для меня». Если бы он говорил серьёзно и имел в виду, что мост построен только для него одного, он был бы сумасшедшим. То же было бы с каждым прохожим. Из того, что мост не построен исключительно для какого-либо одного жителя, не следует, что он построен ни для кого. Противники реальности конечных причин, кажется, иногда строили именно такие рассуждения. Декарт стремился априори построить систему вселенной, и эта серьёзная методологическая ошибка не позволяла ему использовать в своих исследованиях идею целесообразности; но он установил правильное различие, о котором я говорил, согласившись с тем, что можно утверждать, что солнце создано, чтобы освещать нас, если не считать это единственной целью его творения.

§ 43. Применение методов объяснения различается в разных науках.
Метод в своих основных приёмах одинаков для всех наук (см. § 45); однако предметы отдельных наук различаются, что приводит к разнообразию используемых средств объяснения. Главная цель химии — установление различных классов тел. В физике основным предметом изучения являются законы. Идея причины и идея цели особенно важны в биологии и психологии. Эти различия реальны, но не абсолютны. Химия нуждается в физических законах; рассмотрение классов тел, выделяемых химией, входит в исследования физика; биология постоянно обращается к результатам химии и физики; серьёзная психология нуждается в результатах физики и биологии.

Науки различны, но никогда не отделены друг от друга, поскольку всё связано в мире. Чем больше прогрессируют отдельные отрасли, тем яснее становятся их взаимосвязи, так как прогресс каждой сближает её с рассмотрением гармонии, управляющей жизнью вселенной (см. § 74). Полное знание одного из реальных элементов мира состоит из ответов на четыре вопроса:

— Что? — это класс (вид).
— Как? — это закон.
— Чрез что? — это причина.
— Почему? — это цель.

Это, как мы видели (§ 19), теория науки, сформулированная Аристотелем. Современники, которые пытались свести работу разума лишь к рассмотрению классов и законов, исключая причины и цели, сделали бесплодную попытку исковеркать человеческий дух (см. § 31). Их ошибка становится очевидной, как только учесть моральные явления, рассматривая идею науки, почерпнутую из изучения только материальных явлений. Эта идея верна лишь применительно к явлениям материального порядка. Для науки в целом, а особенно для философии как выражения этой всеобщности (§ 77), эта идея абсолютно ложна. Действительно, нужно либо: — отрицать моральный порядок, то есть уничтожать основу жизни личности и общества; — либо оставлять моральный порядок вне науки, делая её тогда совершенно неполной; — либо допускать причины в науку и признать, что Аристотель был прав, а современные, отвергающие его учение, ошибаются.

МЕТОД НАУКИ

Как мышление, стремясь понять факты, приходит к открытию и доказательству истины? Это вопрос метода; и существуют ложные теории метода, так же как были ложные теории движения небесных светил.

§ 44. Рационализм и эмпиризм — две ложные методики.
Рационализм претендует на построение науки априори, исходя лишь из данных разума. Это попытка применить способ математического рассуждения — инструментальной науки — к объяснению фактов. Так мышление заблуждается, потому что чистый разум не содержит никаких фактических данных. Декарт и Гегель оба пытались построить априори теорию природных явлений. Почему же у них разные представления о физике? Конечно, не потому, что природа разума изменилась за промежуток между трудами французского и немецкого философов; а потому, что в эти годы экспериментальная наука сделала значительные успехи, и было заблуждением считать, что Гегель выстраивает априори доктрины, полученные от тех, кто наблюдал явления.

Эмпиризм утверждает, что человеческий ум чисто рецептивен; все идеи приходят извне. В своей развитой форме эта доктрина говорит, что все человеческие знания — лишь преобразованные ощущения. Если последовательно применять эту методику, очищая её от противоречий, навязанных необходимости мышления, мы увидим лишь факты, но не сможем вывести никакие законы. Законы ведь не исходят из опыта, они предполагают работу ума, который обрабатывает ощущения; ощущения не могут быть источником этой работы. Кроме того, эмпиризм не может убедительно объяснить разницу между необходимыми и случайными идеями (см. §7). Попытки сделать это не выдерживают серьёзной проверки. Под влиянием Декарта — великого рационалиста современности, и Бэкона — самого известного эмпирика, теория метода обычно противопоставляется истинному методу. Истинный метод, однако, применялся всякий раз, когда наука достигала прогресса.

§ 45. Метод состоит из трёх операций мышления: констатация, предположение, проверка.
Как только становится ясным, что полная наука — это объяснение (§18), легко понять, что рационализм и эмпиризм, принятые в чистом виде, — две ложные методики. Но можно было думать, и часто думали, что достаточно объединить их, и что истина открывается в результате совместного действия опыта и рассуждения. Это неверно: простое сложение опыта и рассуждения не создаёт науки. Для соединения этих двух элементов мышления необходим третий. Законы, классы, причины, цели нельзя непосредственно констатировать экспериментально, и нельзя априори вывести их из немедленных данных разума. Откуда же берутся идеи, с которых начинаются объяснения, дающие логическими выводами объяснение опыта (§13)?

Они — результат собственной спонтанности человеческого ума, способности предполагать. Гипотеза — результат этой способности — истинный источник науки. Рационализм и эмпиризм, несмотря на свою противоположность, встречаются в одной ошибке — не признавая, а иногда и отрицая необходимость гипотезы. Чтобы построить крепкую теорию, нужно:

1. Констатировать факты, подлежащие объяснению;
2. Предположить принцип объяснения;
3. Проверить предположение, выводя следствия и сравнивая их с результатами исследования фактов.

КОНСТАТАЦИЯ

§ 46. Констатация — результат простой наблюдательности или эксперимента.
Внимание, сосредоточенное на данных опыта, которые ставят нас в соприкосновение с реальностью (§10), — основа всей серьёзной науки. Если просто фиксировать факты, как они происходят в естественном ходе вещей — мы наблюдаем. Если же мы вмешиваемся в явления — мы экспериментируем. Например, внимательно смотреть на замерзание воды — это наблюдать. Встряхнуть воду в определённый момент, чтобы увидеть результат — это экспериментировать. Если я внимательно слежу за образованием плодов на дереве — я наблюдаю. Если снимаю кольцо коры с ветки с плодом, чтобы увидеть результат моего вмешательства — я экспериментирую.

Если рассматриваю действия человека, чтобы понять его характер — я наблюдаю. Если предлагаю ему сделать что-то, чтобы увидеть его решение — я экспериментирую. Следует заметить, что слово «опыт» (expérience) употребляется в двух разных значениях. Иногда оно означает совокупность констатаций фактов. Иногда — активное наблюдение, составляющее эксперимент. Когда говорят «опыт» в общем, имеют в виду первое значение. Когда говорят «один опыт» — второе. Сделать опыт — значит всегда активно вмешаться в явления. Эксперименты необходимы химии и физике; простое наблюдение этих наук не даст прогресса.

У натуралистов наблюдение долгое время играло гораздо большую роль, чем эксперимент. Сегодня положение иное. Эксперименты занимают гораздо более значимое место в физиологии. К коллекциям животных и растений, необходимым для изучения и преподавания естественной истории, добавились лаборатории, где проводят опыты на живых организмах. Хотя такие опыты и не могут быть полностью аналогичны тем, что проводят химики и физики с неорганической материей, они всё же имеют сходство. С учётом вышеизложенного мы можем использовать слово «наблюдение» (observation) в общем смысле, применимом к любой констатации фактов — как простой, так и экспериментальной.

§ 47. Наблюдение бывает чувственным, психическим или рациональным.
Это разнообразие объясняется различными уровнями реальности, с которыми мы имеем непосредственный контакт. Чувственное наблюдение — через органы чувств — раскрывает разные свойства тел: вес, цвет, температуру и т.д. Психическое наблюдение — через сознание — даёт знание о способах или актах духа: думать, чувствовать, хотеть. Вот два чётко различимых вида наблюдения. Но к ним следует добавить и третий. Мы видели, что в элементах мышления есть идеи, которые объективны и обязательны как необходимые идеи (§11). Эти идеи — предмет рационального наблюдения. Говорят: «рассуждать — значит наблюдать идеи» — это справедливо, но требует важного уточнения. Когда я наблюдаю свои личные идеи, которые могут быть истинными или ложными, я совершаю психическое наблюдение. Когда же я наблюдаю необходимые идеи, с которыми соотносятся или которыми корректируются мои личные идеи, я совершаю рациональное наблюдение.

Эти идеи находятся во мне, но обладают свойствами, которые не позволяют рассматривать их просто как модусы моего «я» (§7 и §15). Можно сказать, что всё наблюдение в сущности психическое, ведь я не знаю ничего, кроме того, что знаю о себе, и всё, что я думаю, обязательно — моё мышление. Это значит, что самосознание — абсолютное условие всякого познания. Однако это не уничтожает существенного различия между знанием тел, открываемым чувственным наблюдением, знанием необходимых идей, открываемым рациональным наблюдением, и знанием своего собственного «я» и его модусов, открываемым специально психическим наблюдением. Переход от мысли, что сознание — необходимое условие познания, к утверждению, что мы ничего не знаем кроме себя — это рассуждение, подобное такому: мы видим только глазами, значит видим только глазами. Это рассуждение не кажется очень серьёзным, но занимает значительное место в философских дебатах.

§ 48. Научное наблюдение неразрывно связано с индукцией.
Индукция — это обобщение; это схватывание общего факта на основании частного случая. Галилей, проводя ряд опытов, заметил связь между временем и пройденным пространством в явлении падения тел; он признал, что эта связь одинакова во всех случаях при одинаковых условиях и сформулировал один из основных законов физики: «Расстояния, пройденные телами, свободно падающими под действием тяжести, пропорциональны квадратам прошедшего времени с начала падения». Химик получил определённое соединение простых тел; он допускает, что при тех же условиях получится такое же соединение. Без индукции, которая обобщает факты, факты оставались бы разрозненными, и наука была бы невозможна.

Мы уже видели это применительно к классам (§21), то же верно и для законов. Теоретически достаточно было бы одного хорошо наблюдённого случая для установления закона; зачем же учёные множат и должны множить опыты? Чтобы устранить случайные причины, которые могут сбить с толку мысль. Один бывший чиновник из Женевы, Рьё, посвящал занятиям по физике свободное время, которое освободилось у него в результате политической революции. Он считал, что открыл особое влияние чёрного цвета на электричество. Он сообщил об этом Августу де ла Риву, который проверил случай. Результат: чёрный цвет, использованный Рьё, содержал железо, и наблюдаемое явление нужно было объяснять не цветом, а присутствием железа. Чтобы подтвердить связь между цветами и электричеством, нужно было бы провести эксперименты с множеством разных веществ одинакового цвета, пока не удастся обнаружить влияние именно цвета, а не конкретного вещества. В приведённом случае присутствие железа было случайной причиной, на которой построена неверная индукция.

Легитимная индукция применима только к действительно постоянным элементам природы. Она применяется, например, к закону тяготения, который, если мы не ошибаемся, действует на все массы веществ с весом; но не применяется к силе тяжести, которая неодинакова по всей поверхности Земли. Было бы ошибкой утверждать безусловно, что тепло расширяет все тела, поскольку это, хотя и общее правило, допускает исключения, самым известным из которых является вода (§41). Чтобы индукция давала абсолютно достоверные результаты, нужно иметь дело с примитивными элементами мира. Как только речь идёт о соединениях, ошибки становятся возможны; и вероятность ошибки растёт, когда сама индукция, как в физике и химии, переходит в простую аналогию.

Например, спрашивают: обитают ли другие планеты существами, подобными земным? Очевидно, что это не простой вопрос, как в случае химического соединения двух веществ в лаборатории, а очень сложный. Земля — планета; можно по аналогии предположить, что поскольку планета носит живых существ, то и другие планеты тоже. Но геология говорит нам, что Земля когда-то была расплавлена и непригодна для жизни. По аналогии можно

заключить, что другие планеты могут быть на аналогичной стадии развития. Две аналогии приводят к разным выводам, и вопрос остаётся открытым. Здесь риск в том, что поспешные индукции, ставшие большой причиной научных ошибок, могут иметь серьёзные практические последствия.

Например, опасно делать вывод, что раз некоторые грибы съедобны, то похожие на них тоже безопасны для пищи. Индукции обладают степенью достоверности, которая никогда не была опровергнута, когда речь идёт о хорошо проведённых экспериментах в лабораториях химиков и физиков. Химия и физика изучают либо действительно примитивные, либо, по крайней мере, кажущиеся постоянными элементы, что обеспечивает надёжность науки. В биологии индукции становятся менее определёнными из-за индивидуальности живых существ. Две молекулы чистой серы или углерода всегда ведут себя одинаково; но два семена с одного растения, внешне не различающиеся и помещённые в максимально похожие условия, не всегда дают абсолютно одинаковые растения.

В медицине можно допустить серьёзные ошибки, применяя к человеку лечение, выведенное из физиологических опытов на животных, потому что организм человека и животных, несмотря на сходство, имеют значительные различия. Даже эффект лекарства или гигиенического предписания нельзя без риска ошибки переносить с одного человека на другого или со статистических данных на конкретный случай. Поэтому физиология вряд ли когда даст медицине твёрдую базу, подобную той, что даёт наука о неорганической материи для промышленности. Врач, который не учитывает индивидуальные обстоятельства пациента и применяет научные формулы без разбора, рискует преждевременно отправить многих пациентов на тот свет. Врач средней квалификации, который с детства наблюдал за развитием членов семьи и учёл их темперамент, может помочь гораздо больше, чем знаменитый практик, который видит пациента лишь один раз.

§ 49. Свидетельские показания необходимы для констатации.
Абсолютный индивидуализм — то есть попытка строить науку исключительно на личном опыте и рассуждениях — не выдерживает критики. То, что человек знает, опираясь лишь на собственные непосредственные познания, — очень малая часть его знаний. Ясно, что человек без доступа к свидетельствам знал бы в истории лишь то, что происходило при нём, и в географии — лишь ту часть мира, где он побывал. То, что мы видим своими глазами, — лишь ничтожная часть не только мировой истории, но и истории нашей эпохи. Даже самые великие путешественники могли лично наблюдать настолько мало, что это можно отобразить на глобусе лишь очень тонкой линией. Физика не продвинулась бы без учёта результатов экспериментов коллег, если бы физики полагались только на свои собственные опыты. Свидетельства связывают людей, создавая единство интеллекта.

Паскаль в своей знаменитой главе сравнивает всех учёных с одним человеком, живущим бесконечно долго и постоянно обучающимся. Без передачи приобретённых знаний этого бы не было. Для человека Паскаля свидетельства — что-то вроде памяти для индивида. Не замечать роль свидетельств в познании фактов — значит серьёзно заблуждаться. Немного больше внимания нужно уделить роли свидетельств в сфере рациональных истин. Каждый носит в себе источник этих истин, но свидетельства учат нас тому, что другие люди видят их так же, и уберегают от ошибок, когда наша мысль отклоняется. Скромный и осторожный математик не доверит своим расчётам безусловно, пока коллеги не проверят и не подтвердят их. Свидетельство также необходимо для проверки восприятия; иногда это единственное средство против галлюцинаций.

Галлюцинация, когда её нельзя контролировать, — признак умственного расстройства; но иногда это просто нарушение функций организма, которое здоровый человек может побороть. Профессор Пьер Прево, будучи в преклонном возрасте и лежа на смертном одре,

видел на стене своей комнаты афиши лёгких спектаклей из молодости. Он жаловался на такие картины в столь серьёзный момент. Дети убедили его, что это галлюцинация. Его привычка к психологическим исследованиям и доверие к сыновьям помогли ему продолжать видеть афиши, но быть убеждённым, что их нет. Ошибки органов чувств иногда можно исправить, применяя другой орган — прикосновение может уничтожить зрительную иллюзию. Но в большинстве случаев ошибки, вызванные галлюцинациями, можно исправить только верой в свидетельства. Человек, потерявший способность делать такие исправления, становится сумасшедшим. Говорят о коллективных галлюцинациях. Например, несколько людей, присутствовавших при открытии римских гробниц, утверждали, что видели свет ламп, горящих в них. Если считать эти свидетельства достоверными (что сомнительно), то явление объясняют общей галлюцинацией.

Если бы факт был точно установлен, объяснение скорее надо искать в иллюзии, вызванной световыми лучами, отражёнными от предмета при открытии. Под влиянием сильных эмоций могут возникать коллективные иллюзии, которые заставляют воспринимать природные явления как чудесные появления. Возбуждённое воображение может искажать реальные восприятия. Но если бы настоящие коллективные галлюцинации существовали, их нельзя было бы исправить, так как свидетельства — единственное средство для коррекции ошибок такого рода — отсутствовали бы.

§ 50. Значение свидетельства переходит от вероятности к уверенности.
Довольно естественно думать, как это часто делали, что настоящая уверенность принадлежит лишь рациональным наукам, где имеются доказательства, исходящие из аксиом, и что в науках о фактах, которые всегда предполагают участие свидетельств, можно найти лишь вероятность, постоянно возрастающую, но никогда не достигающую полной уверенности; это заблуждение. Я так же уверен в существовании Англии, которую никогда не видел, как и в самой простой геометрической теореме. Здесь существуют уверенности разных порядков, но одинаковой степени. Вера, которую оказывают свидетельству, зависит от количества и ценности свидетелей; однако количество само по себе не имеет собственного значения. В физике опыт многократно повторяют, чтобы защититься от случайных ошибок, но достаточно одной единственной абсолютно достоверной констатации (§ 48).

Так же количество свидетелей лишь создает достоверное свидетельство, отстраняя причины личных ошибок. Любое число людей, более или менее подозрительных в некомпетентности, никогда не заменит одного свидетеля, в чьей способности, правдивости и беспристрастности можно быть полностью уверенным. Оценка ценности свидетельств чрезвычайно важна для судьи и историка. Различные заботы и страсти людей являются причиной не только намеренных искажений истины, но и непреднамеренных ошибок. Свидетельства о количестве присутствующих на политическом собрании, например, всегда чрезвычайно подозрительны. Журналисты обладают арифметикой, весьма отличающейся от той, что преподают в школах. Ошибки такого рода не всегда являются сознательными; партийный дух часто приводит к тому, что, прежде чем обмануть других, человек обманывает самого себя.

Никто не может серьезно отрицать, что в множестве случаев свидетельство приобретает абсолютную уверенность. Существование африканского озера, которое видел лишь один путешественник издалека, остается сомнительным; но те из нас, кто никогда не видел Средиземное море, так же уверены в его существовании, как если бы плавали в нем. Благодаря вере, оказываемой словам наших сородичей, свидетельство становится опытом, совершенным другим человеком, и объект этого опыта приобретает для нас характер реальности (§ 10). Смогут ли когда-нибудь сформулировать правило, которое бы точно указывало момент, когда свидетельство переходит от вероятности к уверенности? Это

маловероятно. Речь идет о трансцендентной операции мышления, аналогичной той, с помощью которой геометр, рассматривая многоугольник с бесконечно растущим числом сторон, приходит к понятию круга — предела этого роста.

§ 51. Отрицание возможности факта не может законно противоречить достоверным свидетельствам.

Логическое противоречие позволяет, и только оно, немедленно установить ложность утверждения. Например, мы вправе отвергнуть без дальнейшего рассмотрения доктрину, которая утверждает возникновение чего-либо из «ничто». Ведь приписать «ничто» творческую силу — значит напрямую противоречить понятию «ничто». Но когда речь идет о фактах, нельзя объявлять что-либо невозможным, потому что пределы возможного нам неизвестны. Чтобы определить эти пределы, нужно было бы знать все законы и все причины вселенной, чего мы, безусловно, не можем. История науки знает немало примеров явлений, признанных реальными после долгого времени объявленных невозможными.

Один из самых поучительных примеров в этом отношении — аэролиты (метеориты). Утверждение, что иногда с неба падают камни, очень древнее. Оно встречается в книге Иисуса Навина и в произведениях Плутарха. Однако современные ученые считали этот факт невозможным и относили камни, упавшие с неба, к разряду народных суеверий. Разве не запретила Французская академия наук принимать к рассмотрению работы по этой теме? Однако факт был надлежащим образом установлен в Сиене 16 июля 1794 года и в Нормандии 26 апреля 1803 года. Сегодня существование аэролитов настолько неоспоримо, что строятся гипотезы об их происхождении. Лаплас задавался вопросом, могли ли лунные вулканы выбрасывать снаряды на Землю. Различные ученые допускают, что в космосе вращаются фрагменты планет и некоторые из них попадают в область действия земного притяжения, падая на поверхность.

Были высказаны мнения, что аэролиты, притягиваемые солнцем, падают на него и поддерживают его тепло. В любом случае, факты, долго отрицавшиеся как противоречащие известному устройству природы, теперь занимают значительное место в науке. Точные наблюдения и достоверные свидетельства превалируют над всеми нашими теориями. Однако остается верным, что чем более необычным является утверждение, тем строже должны быть требования к свидетельствам, на которых оно основано. Для обычных фактов свидетельство может быть подозрительным, так как их легко можно предположить, но для фактов, выходящих за рамки привычного хода вещей и наиболее известных законов природы, ценность свидетельств должна соответствовать странности их предмета. В этом отношении в современном мышлении произошел замечательный сдвиг.

В эпоху, сравнительно недавнюю, явления, утверждаемые гипнотезерами, казались настолько странными, что большинство ученых воспринимали их лишь с улыбкой, в которой отрицание выражалось пренебрежительной иронией. Сегодня эти явления и аналогичные им занимают значительное место в научных интересах и дискуссиях. Более того, можно думать, что у некоторых ученых систематическое отрицание прошлого сменилось излишней доверчивостью. Человеческий разум так легко бросается от одной крайности к другой! Как бы там ни было, сегодня с большим настаиванием провозглашается, что никто не имеет права заранее отрицать какой-либо факт, и что понятия невероятного и невозможного — разные, так что переход от первого ко второму не является законным. Именно так наблюдения и эксперименты в области физиологии и психологии выявили важную и часто не признанную логическую истину.

ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ

§ 52. Гипотеза — это порождающий принцип науки.
Человек способен наблюдать; он участвует в разуме; но он был бы неспособен к науке, если бы не обладал способностью выдвигать гипотезы, то есть предположения относительно идей, с помощью которых можно объяснить факты. Законы природы, например, не являются объектом чувственного восприятия — это очевидно; они не могут быть выведены из априорных понятий, что доказывается тщетностью всех попыток в этом направлении. Здесь проявляется значение и научная роль индивида. Индивид относительно пассивен в опыте и рассуждении. Он не наблюдает и не рассуждает без проявления активности; однако, результат этой активности — получение им знания о фактах и данных разума.

В изобретении он спонтанно порождает идею. Гений, или способность выдвигать верные предположения, — составной элемент человеческого ума, который проявляется у разных людей в самых различных степенях, и научное значение которого недооценивалось как рационализмом, так и эмпиризмом. Гипотеза необходима не только для интерпретации результатов опыта, но и направляет наблюдение. Наблюдают почти всегда с определённой целью, то есть, чтобы проверить заранее сформированную идею. Почти невозможно представить себе, как наука могла бы развиваться, если бы в условиях бесконечного множества и сложности фактов разум не был направляем какой-то мыслью, которую он стремится проверить. Злоупотребления пустыми догадками, захламляющими науку, систематизм, цепляющийся за предвзятые идеи и поддерживающий их вопреки фактам, подорвали уважение к способности предполагать в умах логиков и учёных. Тем не менее, исключить гипотезу — как это пытались сделать в теории, но никогда не смогли на практике — значит отвергнуть зерно истины.

Вот как об этом говорит известный современный изобретатель, г-н Пастер: «Я исходил из заранее сформированной идеи, то есть из гипотезы, навеянной уже известными фактами, затем я экспериментировал, чтобы проверить её, изменяя по обстоятельствам. Гипотеза диктует и направляет мою работу; она даже вдохновляет меня на проведение опытов. Без неё самый внимательный наблюдатель ничего бы не открыл». В чисто экспериментальных науках гипотеза вмешивается, направляя наблюдение и вызывая опыт. В объяснительных науках определение классов, законов, причин и целей не может быть ни непосредственным результатом опыта, ни дедукцией из аксиом разума; оно может возникать только из гипотезы, подлежащей проверке. Роль гипотезы менее явна в рациональных науках, но она существует. В математике есть часть чистого анализа, где применение законов разума к понятиям числа и количества приводит к открытию некоторых истин; однако в большинстве случаев арифметические предложения и геометрические теоремы являются результатом гипотезы, предшествующей доказательству.

Кто был первым математиком, сформулировавшим равенство произведения крайних членов пропорции произведению средних? Я не знаю; но имя его не важно, чтобы быть уверенным, что предложение, возможно, сначала появилось в его уме как индукция из ряда частных случаев, прежде чем было доказано как общее утверждение. Историки говорят о радости Пифагора, когда он открыл теорему о равенстве квадрата гипотенузы суммы квадратов двух других сторон прямоугольного треугольника. Его радость свидетельствует о внезапном характере открытия. Монтюкла, историк математики, говоря о бесконечно малом и открытии Лейбница, отмечает вмешательство гения, единственного, кто может объяснить видение новой истины.

Таким образом, гипотеза участвует в построении наук всех уровней; различие лишь в способах наблюдения, от которых зависит разница методов проверки.

§ 53. Гипотеза — априорный элемент, но в ином смысле, чем априори разума.
Предвзятая идея, направляющая учёного в наблюдениях, — это элемент мысли, который можно назвать априорным по отношению к опыту; однако следует отметить важное различие. Элементы разума — средство всякого знания; сомневаться в их ценности — значит открыть дверь абсолютному скептицизму. Гипотезы, возникающие спонтанно у отдельного ума, могут быть лишь плодами воображения, сбивающего с пути мышление. Они не являются априори в том смысле, в каком это априори разума, а лишь априори, которое должно приниматься, если можно позволить себе здесь эти выражения, с оглядкой, как бы «под условием проверки». Это хорошо объясняет г-н Виоль в «Пролегоменах» к своему труду по физике: «В физике, как и в любой другой науке, отправной точкой изобретения является идея априори. Однако это первоначальное представление ума не является неизменным и абсолютным. Это временный принцип, последствия которого должны подвергаться проверке экспериментом, единственным, способным дать уверенность».

§ 54. Поиск единства — ведущий принцип научных гипотез.
Обобщение, которое является условием научного мышления и даже речи, — результат стремления к единству. Обобщение, заменяя изложение множества частных утверждений утверждением класса или закона, упрощает науку. Любое упрощение науки воспринимается как прогресс. Так, замена эфира и его колебаний на разнообразные ранее воображаемые среды для объяснения тепла, света и электричества была признана значительным прогрессом физики. Поиск единства — не результат науки, как может показаться с первого взгляда; он с самого начала был её руководящим принципом. Это естественная тенденция разума, проявляющаяся инстинктивно в индукции и ставшая источником объяснительных гипотез. В начальных стадиях исследований ума не было детальных исследований, за которыми следовали общие представления и анализы, предшествующие синтезу. Напротив, наука начиналась с очень смелых синтезов, к которым необходимые анализы для построения достоверных синтезов пришли лишь поздно. Чтобы убедиться в этом, достаточно изучить ранние этапы греческой философии.

В общем, научный ум всегда искал, и будет искать простое, общее, единое, чтобы объяснить множественность явлений. Химия кажется исключением из этого закона, потому что по мере своего развития она увеличила число простых тел. Но, как отметил Френель в 1819 году в своей работе по дифракции света, это, без сомнения, связано с тем, что, несмотря на быстрые шаги в новое время, эта наука всё ещё сравнительно слабо развита. Кроме того, иногда предпринимаются успешные попытки разложить тела, до сих пор считающиеся простыми. В 1879 году г-н Рауль Пикте выражал надежду, что в ближайшее время удастся сократить число простых тел экспериментальными методами.

Почему этот учёный, делая такое предположение, называет его надеждой? Та же мысль возникает в связи с высказыванием Фарадея: «Ещё несколько лет назад магнетизм был лишь скрытой силой, влияющей на очень малое число тел. Сегодня известно, что он влияет на все тела и имеет самые тесные связи с электричеством, теплом, химическим действием, кристаллизацией, и через кристаллизацию — со всеми силами, участвующими в сцеплении. В нынешнем состоянии вещей мы остро чувствуем необходимость продолжать исследования, воодушевлённые надеждой обнаружить связь, связывающую магнетизм с тяготением». Фарадей, предвидящий упрощение физики, и г-н Рауль Пикте, предвидящий упрощение химии, оба говорят о надежде, потому что сокращение числа элементов, с помощью которых объясняются явления, — это шаг к единству, а движение к единству приносит удовлетворение разуму.

Это настолько верно, что открытия, приводящие к значительному упрощению наук, вызывают восхищение, иногда переходящее в энтузиазм. Энтузиазм был огромен в учёном мире, когда Декарт открыл великую истину, на время затемнённую, но ныне полностью

освещённую, что все объективно рассматриваемые физические явления сводятся к одному факту движения. Большое было и восхищение, когда Ньютон свёл три закона Кеплера к единому закону тяготения и дал небесной механике простую и прочную основу для расчётов. Подобное чувство теперь связано с гипотезой трансформизма у тех, кто верит в её истинность. Действительно, объяснить флору и фауну только с помощью законов физики, применённых к изначально сходным организмам, — значит сделать один из самых значительных шагов науки в направлении единства. Судьба этой доктрины зависит от степени подтверждения, которую смогут дать опыт и рассуждение гипотезе, лежащей в её основе. Истина проста; все достижения науки подтверждают это правило, которое Бёэрхааве выбрал своим девизом; но посылка не обратима: простое может быть не истинным.

§ 55. Тенденция к единству, если она не подчиняется контролю опыта, является главной причиной научных ошибок.

Фалес, на основании ряда наблюдений различных форм воды в природе, сформулировал утверждение, что вода, или влажный принцип, есть начало всего сущего. Аналогичным образом Анаксимен учил, что всё происходит из воздуха, а Гераклит видел мир лишь как превращения огня. Это крупные примеры синтезов, созданных порывом мысли, которая, стремясь к единству, теряет из виду реальные разнообразия, которые должна выявлять аналитика. Подобное явление происходило во все эпохи истории философии. Каждое значимое открытие порождает своего рода ослепление, заставляющее ум принимать часть за целое и делать утверждения, в которых непримиримые элементы необоснованно отождествляются.

История взглядов Лапласа служит здесь показательным примером. Поразившись роли закона тяготения в устройстве вселенной, он на некоторое время поверил, что он объясняет все астрономические явления, и написал: «Одного лишь притяжения достаточно, чтобы объяснить все движения этой вселенной». Это было ослепление ума, которое он сам осознал и в новом издании своего «Мирового строя» удалил это смелое утверждение, присутствовавшее в предыдущих изданиях. После блестящих современных открытий в области электричества не обошлось без людей, чьё воображение понеслось вперёд, и которые заявили, что электричество — универсальный принцип. После важных наблюдений жизненных явлений системный ум дал волю фантазии.

Современная теория трансформизма, какой бы ни была её ценность, в нынешнем состоянии знаний, без сомнения, является результатом ряда гипотез, принятых без достаточной проверки, под слишком исключительным влиянием потребности в единстве. Гипотеза всегда нуждается в проверке, и стремление разума к высоким обобщениям должно быть сдержано наблюдением всех видов фактов. Огонь даёт свет и тепло, но также является разрушительной силой. Аналогично, поиск единства, если он не ограничен допустимыми пределами, либо ведёт к открытиям, либо сбивает ум с пути.

§ 56. Оценка значения гипотезы происходит через предварительный отбор, а затем более полную проверку.

Только максимально полная проверка определяет научную ценность наших предположений; но при множестве идей, которые могут возникнуть в уме, предварительный отбор может сразу исключить невозможные гипотезы, поскольку они противоречат разуму или прочно установленным научным истинам. Для сравнения: ценность машины окончательно определяется, когда её используют по назначению. Однако иногда недостаток, делающий машину непригодной, выявляется сразу при простом осмотре. Гипотезы, противоречащие разуму, редки. Примером могут служить попытки некоторых невежественных людей отстаивать математические утверждения, противоречащие доказанным истинам. Что касается отвержения гипотезы, кажущейся противоречащей хорошо доказанным

экспериментальным истинам, следует быть осторожным. Никогда не следует забывать правило метода, согласно которому никакая теория не может отвергнуть достоверные свидетельства. Это правило применяется к объяснительным гипотезам так же, как и к фактам. Тем не менее, есть такие крепко установленные законы, что гипотеза, им противоречащая, может быть справедливо немедленно отклонена; например, ни один учёный не согласится рассматривать объяснение чисто физического явления, противоречащее закону тяготения. Теперь перейдём к изучению способов проверки гипотез, предварительно отметив важное замечание.

§ 57. Происхождение гипотезы не должно оказывать решающего влияния на её оценку.

В «Подражании Христу» читаем: «Не интересуйся, кто написал то, что читаешь, а обрати внимание на сказанное». Этот совет, данный автором в интересах духовной жизни, применим и в научном методе. Гипотезы должны оцениваться сами по себе; их ценность определяется проверкой; они не должны иметь в себе авторитет ни при каких обстоятельствах. Было время, когда наука была лишена своей законной свободы, потому что законы определяли, какие доктрины можно было исповедовать, а какие запрещалось принимать. В 1580 году философ-новатор Бруно прибыл в Женеву, протестантский город. Ему пришлось быстро покинуть город, поскольку, как сообщает Теодор Без, жители Женевы постановили навсегда не отходить ни в логике, ни в какой другой области знания от взглядов Аристотеля.

В 1624 году эдикт парламента Людовика XIII запрещал «учить чему-либо, противоречащему древним и признанным авторам, под угрозой смерти». Это был не только гражданский закон, но и закон общественного мнения, запрещающий попытки научных новшеств. Против такого направления мысли выступил Паскаль, доказывая, что в науках нужно уважать время настоящего, которое пользуется всеми прошлыми опытом и открытиями, а не навязывать уважение к прошлому, которое на самом деле является юностью человеческого духа. После эпохи чрезмерного почитания прошлого, исключавшего новые гипотезы, настало время, когда склонны принимать любые идеи, нарушающие традицию, и предполагать, что всё новое вероятно истинно. Такое настроение способствует признанию весьма рискованных гипотез и ограниченной их проверке.

Научное исследование абсолютно нуждается в авторитете свидетельств; но этот авторитет относится к фактам, а не к доктринам. Происхождение гипотезы не придаёт ей авторитет; однако это происхождение может оказывать, не решающее, но законное влияние на её предварительную оценку. Рассмотрение источников идей полезно для выбора тех, которые решено изучить. Если вы заходите в библиотеку с целью определённого исследования, количество книг огромно, и невозможно ознакомиться со всеми, которые могут содержать данные факты или объяснительные гипотезы, относящиеся к вашему вопросу. Как выбрать? Вы возьмёте за ориентир известность авторов, и этот ориентир будет хорош, если речь не о современных работах, подверженных необдуманному увлечению или коммерческим интересам, а о твёрдо установленной славе.

Истинная слава есть плод гения, а гений — фактор открытий. В произведениях великих людей прошлого могут содержаться правильные гипотезы, которые не могли быть проверены в своё время, но могут быть проверены сейчас. Претензии индивидуализма могут породить пагубный дух независимости; и в науке, как и в других областях, пренебрежение по-настоящему великими именами не является признаком свободы мысли, а лишь нелепой самонадеянности. Слава, связанная с некоторыми великими людьми, законно привлекает внимание к наиболее достойным рассмотрения идеям, не становясь при этом авторитетом, противоречащим научному методу. Аналогичное рассуждение относится к

религиозной традиции, которая не имеет авторитета в науке, но может законно влиять на философские исследования.

ПРОВЕРКА

§ 58. Методы проверки различаются в зависимости от характера наук.
Научный метод всегда один и тот же в своих трёх основных этапах: фиксируются чувствительные или психические факты; наблюдаются данные разума; затем выдвигаются объяснительные принципы. После выдвижения предположений необходимо их проверить. Здесь и проявляется различие — в зависимости от того, речь идёт о рациональных, экспериментальных или объяснительных гипотезах. Различие методов проверки вытекает из и является неизбежным следствием разнообразия способов фиксации фактов.

§ 59. Проверка рациональной гипотезы основывается на логической связи между гипотезой и ранее установленными истинами.
Лучший пример проверки рациональных гипотез — в геометрии. Доказательства в учебниках этой науки связывают утверждения, требующие обоснования, с уже доказанными утверждениями и, в конечном итоге, с аксиомами разума. Самым убедительным доказательством того, что теоремы изначально являются гипотезами, служит тот факт, что их можно представить до того, как найдена их демонстрация. Иногда проходит значительное время между открытием геометрической истины и её доказательством.

Пример: немецкий геометр XV века сформулировал предложение, которое всегда подтверждается графическими попытками, но рисунки, как бы их ни было много, не равнозначны доказательству. Изобретатель теоремы не смог её доказать, и геометры XVI–XVII веков рассматривали её как научную курьёзность. Эйлер впоследствии нашёл доказательство (довольно объёмное в его трудах), которое ныне сильно сокращено с помощью дифференциального исчисления. Таким образом, проверка этой математической гипотезы заняла более трёх столетий. Когда доказательство рациональной истины найдено, она приобретает статус достоверности — без промежуточных степеней вероятности. Она должна только пройти контроль компетентных специалистов, подтверждающих отсутствие ошибок в логических данных.

§ 60. Чисто экспериментальная гипотеза может быть сразу подтверждена с полной уверенностью.
Чисто экспериментальная гипотеза — это выражение предполагаемого факта. Когда факт установлен, гипотеза немедленно подтверждается. Например, химик ожидает определённого результата от соединения двух веществ; соединение произведено — результат соответствует ожиданию. Физик предполагает, что при заданной температуре и давлении газ может стать жидкостью; условия соблюдены — газ стал жидкостью. Ботаник предполагает, что растения, считающиеся разными видами, на самом деле являются вариациями; он сеет семена с одного растения и получает два разных растения, похожих на предполагаемые виды — гипотеза подтверждена. Археолог выдвигает предположение о существовании некогда здания в определённом месте; раскопки обнаруживают его остатки. Во всех подобных случаях гипотезы проверены немедленно и достоверно, поскольку касаются конкретных фактов. Иное дело — теории.

§ 61. Проверка объяснительной гипотезы предполагает выведение её следствий и сравнение этих следствий с фактами.
Здесь два этапа: разум выводит логические следствия из утверждений, а наблюдение сравнивает эти следствия с опытом. Проверка не идёт напрямую по гипотезам, которые обычно общие и абстрактные, а по следствиям, доступным наблюдению. Например, закон инерции — основа механики и физики — не может быть проверен напрямую. Он

утверждает, что при отсутствии внешних сил тело в движении будет продолжать движение по прямой бесконечно. Однако мы не наблюдаем в природе ни одного бесконечного прямолинейного движения: движение свободного падения — прямое, но прерывистое; движение небесных тел — непрерывное, но не прямолинейное. Следовательно, закон инерции не подтверждается напрямую, но подтверждается через свои следствия, которые дают удовлетворительное объяснение фактам. Исторический пример: нельзя напрямую проверить, было ли коронование Карла Великого его собственным преднамеренным решением или инициативой папы, на которую Карл лишь согласился. Историк анализирует документы эпохи и ищет, какая гипотеза лучше объясняет эти данные.

§ 62. Гипотеза проверяема лишь тогда, когда её следствия могут быть сравнены с наблюдаемыми фактами.
Поскольку ценность гипотезы — в сравнении следствий с наблюдениями, любая гипотеза, не дающая таких следствий, остаётся непроверяемой. Примеры: — Какова природа Солнца? Твёрдое тело с фотосферой или жидкое/газообразное? Обе гипотезы имеют следствия, которые можно проверить наблюдением, значит, проверяемы по своей природе. — Есть ли на Солнце разумные существа? Нет никаких наблюдаемых данных, которые позволили бы это проверить. Теория об огненном теле Солнца не решает вопрос, поскольку жизнь, подобная земной, в огне невозможна, но ничто не исключает существование иных форм жизни.

В истории гипотезы о том, что было бы, если бы не произошло то или иное событие (если бы умер Кромвель в детстве или не родился Наполеон, если бы не жил Аристотель или не сделал научных трудов Коперник), не могут быть серьёзно проверены. Такие вопросы — предмет воображения, а не науки. Любая идея, не допускающая серьёзной проверки, остаётся догадкой. Избыток догадок был одной из причин потери доверия к гипотезе. Следует избегать фантазий, но и не спешить объявлять проверку невозможной.

§ 63. Гипотеза, непроверяемая на текущем уровне науки, может стать проверяемой позже.
Против Коперника возражали, что если его теория верна, Венера должна иметь фазы, как Луна, чего, якобы, не наблюдается. На момент возражения средства наблюдения не позволяли увидеть фазы Венеры. Изобретение телескопа дало возможность их обнаружить. Совершенствование инструментов играет важную роль в науке, позволяя проверять то, что ранее было невозможно. Несколько десятилетий назад идея определения химического состава небесных тел казалась фантастикой. Сегодня спектральный анализ позволяет выявлять в космосе присутствие металлов и газов. Спектральный анализ — одно из важнейших достижений нашей эпохи: он даёт сведения о составе тел на огромных расстояниях и может обнаруживать чрезвычайно малые количества вещества, намного лучше обычного химического анализа.

Для исторических наук открытие новых документов играет аналогичную роль. Старинный пергамент, спрятанный в пыли библиотек или неизведанных архивах, может разрешить вопросы, которые сейчас остаются догадками. Аналогично раскопки, дешифровка надписей древности открывают возможность проверить многие сегодня неподтверждённые гипотезы. Многочисленные идеи, не поддающиеся проверке сегодня, могут стать проверяемыми благодаря усилиям египтологов и исследователей древних цивилизаций Азии.

§ 64. Объяснительные гипотезы проходят через разные степени вероятности и могут достичь достоверности.
Постепенный характер подтверждения объяснительных гипотез отличает их от двух предыдущих классов гипотез, для которых проверка может дать немедленную достоверность. Как же объяснительная гипотеза может достичь достоверности? Вопрос тот

же, что и для свидетельства (§ 50). Однако здесь есть различие. Свидетельство, будучи надёжным, даёт утверждению о фактах степень достоверности равную по силе (хотя и другого рода) математической или метафизической достоверности. Объяснительные гипотезы — это теории, в отношении которых всегда остаётся возможность абстрактного сомнения, но которые, в конце концов, получают общее и безоговорочное признание учёных.

Например, существование эфира необходимо для современной физики, хотя некоторые индивидуумы всё ещё могут ставить это под сомнение. Теория ледников как объяснение миграции валунов (терраинов эратиков) широко принята современными геологами, хотя ещё совсем недавно уважаемые учёные её не принимали. Гипотеза Коперника имела иные условия — она достигла достоверности только после долгих и ожесточённых споров. Протесты прекратились только тогда, когда великое открытие Ньютона оправдало теорию, лежащую в её основе. Эксперименты Фуко принесли этой теории дополнительное подтверждение; поэтому, как говорит г-н Делоне, «давно считается неоспоримой истиной вращение Земли вокруг оси».

§ 65. Проверенные объяснительные гипотезы никогда не приобретают необходимого характера данных разума.

Нужно избегать путаницы между достоверностью, присущей идее, и необходимостью (§ 7), а также различать понятия необходимости «само по себе», абсолютной, и необходимости «для нашего мышления». Здесь речь идёт именно о необходимости для нашего мышления. Когда принцип принят для объяснения фактов, из него логически выводятся следствия, которые по форме аналогичны выводам чисто рациональных наук. Однако в науках о фактах исходные положения не обладают необходимостью для нашего мышления, как аксиомы. Закон всемирного тяготения объясняет движение небесных тел, но можно представить другую систему мира, отличную от той, которую показывает опыт, в то время как невозможно представить другую природу треугольника.

В трудах некоторых наших современников встречается явно ошибочная мысль, что опыт может выявить необходимые законы. Это неправильное применение трансцендентальных понятий разума к объектам, которые по своей природе случайны. Отсутствие необходимости у экспериментальных данных объясняет различие между историей математических наук и историей объяснительных наук. Математические истины более-менее открыты, но, однажды открытые, они остаются окончательными приобретениями. В геометрии методы вывода и порядок изложения могут меняться со временем и у разных авторов, но ни одна твёрдо установленная теорема никогда не была заменена противоположной.

Объяснительные науки меняются не только в методах изложения, но и в содержании. Это хорошо видно на примере теории света, где волновая теория заменила корпускулярную, а в целом — современная физика заменила старую. Чисто экспериментальные законы, которые просто выражают факты, сохраняются, как и математические теоремы, после их надёжного подтверждения. Теории, призванные объяснять факты, имеют другую судьбу: они меняются, сменяют друг друга, пока не становятся бесспорными, как теория Коперника и закон тяготения. Но даже когда они обретают у учёных характер достоверности, объяснительные теории никогда не навязываются как необходимые истины. Им приписывают эту необходимость либо по привычке, либо под влиянием систематического априори. Несмотря на абсолютную проверку закона, всегда можно представить другой.

§ 66. Человеческая наука всегда будет неполной.

Наука достигла больших успехов, и можно строить большие надежды на её развитие; но верить, что когда-либо у нас будет по-настоящему всеобъемлющая наука — это настолько наивная иллюзия, что даже трудно её опровергать. Поэт Лемьер писал: «Верить, что всё открыто — глубокая ошибка; это принимать горизонт за границы мира». Эту ошибку стоит опасаться лишь тем, кто ослеплен и словно опьянён полу-знанием. Чем больше развивается научный дух, тем яснее он осознаёт свои пределы. Это чувство выражено ярко в словах, приписываемых Сократу: «Я знаю только одно — что ничего не знаю».

Практически не существует проблемы, решение которой не порождает новых вопросов. Лаплас, завершая «Изложение системы мира», отмечал величие человеческого ума, проявленное «в крайней ничтожности базы, на которой он измерял небеса»; но Лаплас был слишком широко мыслящим, чтобы не признать, что вместе с величием мысли есть и её неполнота и относительная ничтожность. На похоронах утверждали, что он перед смертью сказал: «То, что мы знаем — мало, а то, что мы не знаем — огромное». Астроном сказал даже более выразительно: Свидетельство Поассона сообщает о последних моментах жизни его великого учителя. Поскольку зрение больного было ослаблено, он сказал ему: «Это я, Поассон, твой ученик; тот — Б., чьи расчёты помогли доказать твои блестящие открытия». Умирающий задумчиво посмотрел на Поассона и тяжело произнёс: «Ах! Мы гонимся за миражами». После этих слов он отвернулся и вскоре умер. Поассон сразу рассказал об этом барону Морису, другу покойного.

Почему же наша наука всегда будет неполной? Времени не хватает даже универсальному человеку Паскаля, а наши органы чувств ограничены. Но даже если предположить бесконечное время и бесконечно усовершенствованные приборы, чтобы компенсировать слабость органов чувств, останутся тёмные области прошлого. Исторические документы крайне неполны, и гипотезы геологической палеонтологии и лингвистической палеонтологии никогда не смогут надёжно компенсировать неопределённости истории. Мы можем строить некоторые прогнозы на будущее; но исторические прогнозы весьма сомнительны. Прогнозы физиков дают немного больше гарантии; однако было бы рискованно принимать как абсолютно верную доктрину о конце нашего мира, основанную на изучении законов тепла.

Оставим в стороне прошлое и будущее, остановимся на настоящем. Что находится за пределами последних звёзд, видимых даже самыми мощными телескопами? Что скрыто в телах за пределами того, что показывают самые сильные микроскопы? Мы не знаем. Из гармонии мира и тесной взаимосвязи его частей следует, что, не зная всего, мы не можем знать целое из «ничто». Наши органы чувств подобны окнам в стене тюрьмы: мы знаем лишь то, что они показывают, и сколько вещей может оставаться для нас неизвестным в мире, в котором мы живём. История физики показывает, что изучение электричества сильно отставало от изучения звука, тепла и света. Электричество проявляется для нас через ощущения зрения, слуха и мышц.

Если бы у нас был специальный орган чувств для его восприятия, как у некоторых животных, изучение электричества было бы намного более развитым. Если существуют физические явления, не воспринимаемые напрямую или косвенно, как электричество, эти явления навсегда останутся нам неизвестны, по крайней мере, пока наш организм остаётся таким же. Следовательно, наше знание частично. Путать объект нашего возможного познания с целым бытия — большая ошибка. Источник этой ошибки — рационализм, который считает, что в нас заложен универсальный принцип существования. Мы знаем вещи лишь частично, лишь через отношения к нам, из чего вытекает, что наше знание не только частично, но и относительное.

§ 67. Человеческая наука относительна.
Мы можем знать что-то только через наши восприятия и при условии законов нашего мышления. Существуют вещи «в себе», или субстанции (§ 24), ибо если бы ничего не было — ничто бы не могло проявиться; но мы можем познавать только в соответствии со способами нашего познания. Это утверждение настолько очевидно, что кажется наивным. Как могли бы восприниматься существа, если бы у них были другие органы чувств, отличные от наших, или другие организмы разума? Мы не знаем и не можем знать. Являются ли интеллектуальные законы универсальными во вселенной — мы не знаем. Существа могли бы жить при физиологических условиях, отличных от тех, что определяет наша наука, и то же самое может касаться интеллектуальных организмов.

Профессор физической астрономии Цёлльнер из Лейпцига допускает идею четвёртого измерения пространства, и под влиянием американского спиритиста пришёл к мысли, что духи появляются, выходя из этого четвёртого измерения, и исчезают, возвращаясь в него. Эта идея весьма странна, но сказать, что организованные иные разумы могут иметь иную геометрию — не абсурд. Однако, чтобы наука была возможна, мир, в котором эти разумы существуют, должен быть организован иначе, чем наш. Соответствие объективных элементов реальности и субъективных элементов мышления — условие знания. Всё наше знание относительное; но важно различать личную и коллективную, человеческую относительность. Я могу ошибаться, и исправляю ошибку, приводя своё мышление в соответствие с разумом человечества (§ 15). Относительность знания не порождает скептицизма; она только утверждает, что мы не можем придавать науке абсолютную ценность. Во вселенной могут существовать миры, организованные иначе, и мы сами можем оказаться в иной ситуации; но это не значит, что наше знание пусто и обманчиво.

§ 68. Относительность науки не уничтожает её ценности.
Хотя наша наука не абсолютна в метафизическом смысле, она может быть истинной — и она истинна. Математика истинна, то есть необходимые понятия мышления, выражаемые расчётом, реализованы в объектах наших восприятий; успехи математической физики всё более подтверждают эту истину. Принцип причинности истинен: во всей области опыта ничто не возникает из ничего. Индукция, когда применяется правильно, даёт истинные результаты, потому что законы природы проявляют постоянство. Таким образом, существует гармония между законами нашего мышления и реальностью опыта.

Человек не может выйти за пределы своего мышления как субъекта познания, но его мышление обращено к двум типам объектов: идеям, объектам рациональных наук, и восприятиям, объектам экспериментальных наук. Эти два различных порядка согласуются; наука, в общем — поиск этого согласия. Возможность других разумов с другими способами восприятия не уничтожает ценности науки, которую мы можем достичь. Существует гармония между человеческим разумом и миром, в котором он находится; этого достаточно, чтобы защититься от скептицизма. История человеческой мысли показывает, что скептицизм отступает.

§ 69. Скептицизм древних уступил место позитивизму современных.
В философии древности проявлялся всеобщий сомнительный настрой, касающийся и истин всех порядков, и всех способов познания. Ценность чувственных восприятий ставилась под сомнение так же, как и данные разума. Это мышление связано с именем Пиррона и вело к радикальному отрицанию ценности науки. Наука ответила, как Диоген на вопросы о возможности движения — она пошла вперёд. Особенность нашего времени — стремительное развитие научных индустрий. Власть человека над природными явлениями развивалась пропорционально его знаниям, и эта власть служит неопровержимым доказательством реальности знаний, на которых она основана. Позитивизм состоит в намерении ограничить человеческий разум простой координацией фактов и отказаться

признавать какую-либо ценность как религиозным убеждениям, так и метафизическим концепциям. Это скептицизм в отношении мира за пределами опыта, но утверждение ценности экспериментальных наук и восприятий.

Универсального сомнения древних больше нет. Если бы позитивизм придерживался своей официальной программы, он ограничил бы исследования только чисто экспериментальной частью наук (§ 17). Это уже был бы прогресс по сравнению со скептицизмом, но дело не ограничивается этим. На самом деле позитивисты не могут удержаться в своих рамках; они не просто координируют факты, они ищут их объяснения. Этот поиск приводит разум к рассмотрению причин, что выводит его за пределы позитивизма, так же как идея законов, координирующих факты, выводит за пределы абсолютного скептицизма. Это произошло, как мы видели, в духе Огюста Конта (§ 31). Нельзя серьёзно отрицать согласие порядка наших истинных мыслей и порядка наших точных восприятий, так как, повторим ещё раз, наука — это поиск этого согласия с целью дать объяснение опыту (§ 13).

Кто спросит, не является ли это согласие совпадением двух иллюзий без реальной основы? Такое головокружение мысли возможно, как показывает существование абсолютного скептицизма. Невозможно доказать ценность первых элементов всякого знания, но также невозможно серьёзно её отрицать. Паскаль сказал: «У нас есть непреодолимая неспособность доказать что-либо догматически; у нас есть непреодолимая идея истины против всего пирронизма». Почему абсолютный скептицизм возможен и невозможен? Это вопрос, на который философия должна искать ответ. Ответ в том, что скептицизм возможен теоретически, потому что наше знание не абсолютно, и невозможен практически, потому что наше знание может быть истинным. Без углубления в это замечу лишь, что современный позитивизм — значительное смягчение древнего скептицизма, и, возможно, это не всегда достаточно отмечали историки философии.

ПОСТУЛАТЫ НАУКИ

§ 70. Наука в общем виде имеет определённое число постулатов.
Постулаты, которые, возможно, не получили должного внимания со стороны логиков, играют значительную роль в мышлении (§ 8). Частные науки имеют свои специальные постулаты. Химия предполагает, что в природе существуют первичные вещества, которые образуют тела в разных сочетаниях. Физика предполагает постоянство законов, управляющих явлениями. Биология исходит из предположения функционального характера органов. Мораль предполагает, что человек обладает элементом свободы, делающим его, по крайней мере, частично, ответственным за свои поступки. Наука в целом имеет свои постулаты, которые имеют значение самой науки, и один из этих постулатов совпадает с постулатом морали:

§ 71. Наука предполагает у человека элемент свободы.
Свободное действие участвует в развитии интеллекта. Необходимое внимание, будь то для установления фактов или для вывода и проверки последствий гипотез — это акт воли. Попытка Кондилака свести внимание к доминирующему ощущению и придать ему пассивный и необходимый характер совершенно иллюзорна. Когда, занимаясь исследованием, я сосредотачиваю свой ум на определённом порядке мыслей, сопротивляясь отвлекающему шуму, акт моего внимания настолько далёк от результата сильного ощущения, что он конфликтует с тем ощущением, которое пытается стать доминирующим.

Усилие перейти от мнения к науке (§ 3) — результат свободного акта. Последовательный детерминист только смотрел бы, как его мысли текут в необходимом, по его мнению, порядке, и не пытался бы изменить ход. Такая позиция пассивного наблюдателя в

отношении интеллектуальных явлений несовместима с понятием исследования, а именно исследование и есть характер науки. Различие между простым мнением и научным мышлением неоспоримо и непонятно в теории абсолютного детерминизма. Мы не мыслим по воле, но в наших мыслях есть элемент воли. Чтобы заниматься поиском истины, надо хотеть этого. Как только мышление начинается, оно подчиняется либо данным опыта, либо законам разума; но воля сохраняет над ним власть направления.

Вот почему, если отбросить сугубо моральные соображения, человек частично ответственен за свои ошибки. Эта ответственность касается отсутствия стремления к истине в условиях, где это возможно. Человек, который по какой-либо причине ощущает, пусть смутно, что он заблуждается, но не делает ничего, чтобы выйти из заблуждения, остаётся ответственным за своё состояние. При начале исследования он не хозяин результата, но первоначальный акт зависит от него.

§ 72. Наука предполагает различие субъекта познания и его объекта.
Выражение «я знаю» всегда имеет прямое дополнение, явное или подразумеваемое. Познающий субъект обязательно отличается от познаваемого объекта. Это различие сохраняется даже в самопознании, так как хотя ум и является одновременно субъектом и объектом (что характерно для личности), знание — это субъективный факт, не смешиваемый с его объектом. Сначала необходимо отметить различие между индивидуальным мышлением и разумом, поскольку разум для индивида представляет собой идеальную реальность, существенно отличную от его субъективных состояний (п. 11). Теорема геометрии, которую я знаю, имеет для меня объективность, такую же реальную, как у физических тел.

Далее надо заметить разницу между разумом, или коллективным мышлением человечества, и эмпирическими реалиями. Мышление с его необходимыми законами отличается от переменных и случайных объектов, к которым оно применяется, так же, как орган зрения отличается от воспринимаемых им предметов. Это различие между мышлением и реальностью кажется очевидным, но его часто отрицали философы, и до сих пор отрицают. Невозможно заниматься философией, не удаляясь, по крайней мере, внешне, от обычных мыслей и естественных предположений здравого смысла, но отступать можно в двух направлениях. Одно ведёт к идеям, которые (по крайней мере, по мнению Лейбница) в конечном итоге возвращаются к обычным, верно истолкованным мнениям. Другое ведёт к странным идеям, которые лишь кажутся глубокими, потому что рождаются из заблуждения в тёмных областях.

Попытки отрицать различие между мышлением и его объектом шли в двух направлениях: эмпиризм стремился отождествить мышление с объектом, а идеализм — отождествить объект с мышлением. Характер эмпиризма — свести субъект познания к пассивной восприимчивости и сделать все идеи результатом внешних впечатлений. Локк признаёт два источника идей — ощущение и рефлексию; Кондилак упростил, сведя рефлексию к преобразованному ощущению. Сен-Ламбер, забывая, что ощущение предполагает субъекта, который ощущает, определил человека как «организованную и чувствующую массу, которая получает из всего окружения и своих потребностей тот дух, которым так гордится». Это — полное уничтожение роли субъекта в познании.

На это последовала двойная реакция. Кант доказал, что мы не могли бы ничего познать без законов мышления, которые являются необходимым условием всякого знания. Другие философы, в особенности Ларомигьер и Мэн де Биран, указывали, что активность субъекта не менее необходима для познания, чем априорные данные разума. В общем, легко показать, что когда эмпиризм пытается устранить роль субъекта в познании, он становится жертвой самообмана, потому что всегда предполагает то, что хочет отрицать. Сделать из

«я», из чувства личного существования продукт ощущения — значит забыть очевидную истину, что ощущение — психический феномен, способ существования «я» и поэтому его предпосылка.

Отрицание роли объекта в познании более притягательно для философского ума, чем отрицание субъекта, хотя оно сильнее противоречит здравому смыслу. «Я не знаю ничего, кроме своей мысли, значит, невозможно выйти за пределы «я» и познать объект, отличный от «я» — таков абсолютный субъективный идеализм, который приписывают Фихте, хотя некоторые историки ставят под сомнение эту интерпретацию. Эта доктрина, которая устраняет объект из акта познания, сталкивается с трудностью: если бы ум осознавал только свои собственные модусы, непонятно, откуда взялось бы различие между истиной и ошибкой. Я ошибаюсь, но могу исправить себя. В сфере чисто рациональных идей объективная мысль исправляет мои ошибки. В сфере эмпирических идей ошибки исправляются восприятием и свидетельствами. Как отрицать разницу между субъективностью, которая заблуждается, и объективностью, которая исправляет? Ответ невозможен без признания фундаментального различия субъекта и объекта познания.

§ 73. Наука предполагает гармонию фактов и разума.
Согласие законов мышления с феноменами наблюдается всякий раз, когда открывается истинный принцип объяснения. Это согласие, которое опровергает абсолютный скептицизм (§ 68–69), принимается как постулат ещё до того, как его можно проверить. Оно — не только результат науки, но и её принцип, поскольку всякое исследование, направленное на объяснение опыта, исходит из предварительной убеждённости, что опытные данные упорядочены в соответствии с разумом. Когда Леверрье начал вычисления, приведшие к открытию новой планеты, он исходил из убеждения, что движение небесных тел подчиняется законам, согласующимся с математикой. Это убеждение, которое становится осознанным в уме учёного, по сути своей инстинктивно и проявляется с раннего детства.

Первый вопрос ребёнка «почему» уже предполагает, что реальности устроены по порядку, который разум может воспроизвести и сделать понятным. Это постулат всей науки; вся наука подтверждает его, но он предшествует её развитию. Реальности понятны лишь потому, что согласуются с законами мышления, но мышление не содержит априорных принципов, к которым можно было бы применить рассуждения для построения системы вещей. Это ошибка рационализма (§ 44), которая возникает из недооценки необходимости опыта и забвения роли гипотез в открытиях.

§ 74. Наука предполагает реальность универсального порядка.
Стремление к единству — сущность научных исследований (§ 54). Эта тенденция проявляется в индукции, которая выявляет общее в частном; она проявляется в поиске всё более общих и простых законов; она проявляется и в поиске связей, объединяющих различные классы существ и законов. Эти связи образуют гармонию; гармония раскрывает принцип единства в координации множественности вещей, то есть универсальный порядок. Наука предполагает не только единство разума (что очевидно), но и единство его объекта. Как все радиусы окружности имеют один центр, так и научный ум во всех своих исследованиях сознательно или бессознательно стремится к единству, связывающему разные части мира.

Идея этого универсального порядка — не только результат науки, но и её необходимая предпосылка. Эта предпосылка видна в ранних попытках синтеза, характерных для самых древних известных философов. Это естественная склонность разума, которую усиливают или препятствуют общепринятые доктрины и особенно религиозные традиции. Политеизм препятствует поиску принципа универсального порядка, предполагая изначально различные и не связанные друг с другом причины. Монотеизм, наоборот, утверждая единство принципа

мира, способствует и развивает естественную склонность разума. Гумбольдт писал: «Гармония и порядок во вселенной сегодня предстают перед разумом как продукт долгих и серьёзных наблюдений», но при этом справедливо отмечал, что это представление «первоначально возникло в глубинах сознания как смутное предчувствие».

Возможно, самый яркий пример такого предчувствия — учение Пифагора, который утверждал, что число — универсальный принцип объяснения, и который почти через двадцать веков стал пророком математической физики. Если подумать, легко понять, что наука подтверждает общий принцип своих исследований, но не создаёт его. Этот принцип — предпосылка порядка реальностей. Этот постулат — по сути, постулат гармонии фактов и разума, представлен в одной из своих форм. То, что мы называем порядком, — это всегда и может быть только согласие воспринимаемых реальностей с законами мышления.

Убеждение, что существует порядок, делающий мир понятным, иногда колеблется; но легко заметить, что эти колебания касаются лишь систем, которым доверяли без достаточных оснований. Лишь интеллектуальное потрясение, приобретшее болезненный характер, заставляет сомневаться в самом понятии порядка. Почему система отвергается? Потому что найдены факты, ей противоречащие, показывающие, что её база слишком узка. Но наука не останавливается из-за разочарования, охватывающего некоторых людей. Когда признано, что ранее представленный порядок недостаточен, ищут более высокий и более простой порядок; и по мере развития науки он находится. Сомнения в недостаточных системах — не скептицизм, а результат веры в науку. Верить в науку — значит верить, что вселенная управляется законами разума. Основной закон разума — поиск единства в разных формах, особенно в форме гармонии — единства, сохраняемого в многообразии. Эти рассуждения подводят нас непосредственно к изучению философии. После определения её рода, как науки, нам следует признать её специфические черты.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ. ФИЛОСОФИЯ

§ 75. Философия может быть предметом экспериментального определения.
Философия была предметом множества определений — разнообразных и зачастую противоречивых, по крайней мере на первый взгляд. Разнообразие этих определений во многом связано с тем, что авторы излагают то, чем философия может быть или должна быть по их мнению. Различия личных взглядов проявляются тогда в различиях определений. Можно последовать другому пути — спросить не о том, чем философия может или должна быть, по мнению того, кто говорит, а чем она была и чем является. Но как распознать то, что нужно определить, если нельзя показать её так, как показывают камень, растение или животное? Сложность реальна, но не непреодолима. В каталоге библиотеки есть отдельное место для философских трудов. В университетских программах есть курсы философии. В биографических словарях ряд людей называют особенно философами.

История философии отличается от других описаний человеческих судеб. Конечно, существуют большие расхождения в классификации книг, темах университетских курсов и в содержании историй философии, но нельзя не признать, что существуют случаи, где разнообразие отсутствует. Никто не сомневается, что Аристотель, Платон, Декарт, Лейбниц, Кант — философы, и никто не станет включать Цезаря, Рафаэля или Бетховена в этот ряд. Могут возникнуть сомнения по поводу места книги в каталоге, но не поставят трактат по сельскому хозяйству или чисто литературный критический эссе в раздел философии. Следовательно, существует идея философии, которая остаётся бесспорной в своей основе, несмотря на относительные различия на поверхности. Именно эту идею нужно выделить и уточнить, чтобы прийти к определению, вытекающему из природы самой вещи, а не из личных идей того или иного мыслителя.

§ 76. Чтобы уточнить идею философии, мы последовательно изучим её материю, объект, метод, постулаты, программу и прогнозы на будущее.
Определить материю философии — значит сказать, какие вещи, существа, идеи она изучает. Определить её объект — значит указать, что она ищет, или под каким особым углом рассматривает свою материю. Главный вопрос метода — есть ли у философии собственные приёмы, или же её путь совпадает с путём других наук. Что касается постулатов, нужно выяснить, что философия предполагает в силу своей особой природы, ведь в остальном у неё те же постулаты, что и у науки вообще, поскольку она принадлежит науке, как вид — к роду. Составить программу философии — значит обозначить её части. Прогнозы на будущее будут естественным выводом и следствием рассмотренного.

ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФИИ

§ 77. Философия по своему предмету имеет неограниченный масштаб.
В отличие от частных наук, ограниченных изучением определённого класса существ или идей, философия не признаёт границ своим исследованиям по собственной природе; её горизонт — бесконечен. Это не доктринальная теза, а исторический факт. Древние философские школы Ионии и Италии в своих смелых и преждевременных синтезах охватывали всё сущее. Демокрит начинал одно из своих сочинений словами: «Я буду говорить обо всём». Платон, чьё мышление направлено на область чистых идей, включал физику и политику в сферу своих исследований. Аристотель — гений энциклопедист, оставивший след почти во всех областях; в его трудах природоведение и политика стоят рядом с метафизикой. У современных философов — Декарта, Лейбница, Канта, Гегеля — есть вопросы всех порядков. Работы признанных глав философии мастеров явно носят общий характер. Они, безусловно, не охватывают всё, но закладывают принципы с универсальным применением; ничто не исключено из их исследований. Если их труды ограничены, то только из-за недостатка времени для выполнения программы, всегда лежащей в основе их мысли. Силы философа ограничены, но амбиции его науки безграничны. Любое исследование, становящееся исключительным, перестаёт быть философией в полном смысле слова.

Что может смутить в этом — это использование слова «философия» в учебниках и университетских программах. Например, во Франции после механики, физики и естественной истории, в раздел философии включают изучение духа: психологию, логику и мораль. Это частные науки, которые справедливо называют философскими науками, но они должны основываться на своих собственных принципах, так же как физика и естественная история, и всё более отчётливо отделяться от общей науки. Собственно философия должна рассматривать явления материи и жизни на всех уровнях, а также духовные факты.

Часто выделяют область научных исследований и отдельную область, относящуюся к чувствам, куда наука не проникает. Такая точка зрения ограничивает материю философии, так как значительная часть фактов человеческой природы оказывается исключённой из её изучения. Это путаница идей, легко разрешимая. Искусство всегда будет отличаться от науки, так как обращено к чувству, а не к стремлению познать; но искусство — важный факт, который общая наука не должна игнорировать и о котором должна узнать, чтобы попытаться объяснить его. Аналогично религия всегда останется отдельной от философии, потому что она обращена не столько к разуму, сколько к целостной душе, ко всему духу; однако философия как универсальная наука не может не учитывать столь важный факт, как религиозные чувства и связанные с ними верования.

§ 78. Философское образование развивает дух обобщения.
Это прямое следствие предыдущего положения. Такая роль философской культуры очень важна в наши дни. Чем дальше прогрессируют науки, тем более остро ощущается

потребность в специальных исследованиях. Мы ещё не так далеко ушли от времени, когда даже в высших учебных заведениях один человек мог преподавать всю естественную историю, а другой — все разделы физики. Сегодня благодаря постоянному росту объёма фактов и идей, одна очень узкая специализация может занять всю жизнь учёного.

Так же, как прогресс современной промышленности потребовал крайнего разделения ручного труда, развитие современных наук вызвало крайнее разделение интеллектуального труда. Специализация выгодна и необходима, но может иметь серьёзные недостатки. Она способна погасить у средних умов всякое представление об общем. Для более дерзких умов она таит другой риск — из-за ограниченности сферы внимания формируются узкие системы и ложные взгляды, когда часть мира, на которую человек сосредоточен, принимается за всё. Так, например, у специалистов, воспитанных исключительно на математике и физике, возникает склонность видеть человеческое общество как машину и увлекаться утопиями детерминистского социализма.

Частные науки, будучи хорошо развиты, могут уберечь от таких ошибок, поскольку не могут развиваться, не выявляя связи между собой — связей, вытекающих из гармонии Вселенной. Физика и математика, физиология и психология, мораль и политическая экономия — отдельные науки, но связанные тесными узами, которые становятся заметнее с прогрессом каждой из них. Тем не менее, такой естественный результат специальных исследований проявляется не всегда. Философская культура выгодна тем, что привлекает внимание к взаимосвязям вещей благодаря широте своей материи и не позволяет мыслям ограничиваться слишком узкой областью. Не противодействуя необходимой специализации, она предупреждает её недостатки. Поскольку философия занимается всем, она нуждается в общем обзоре частных наук, а результаты частных наук выражены в слове.

§ 79. Слово в целом выражает полный предмет философии.
Слово — это собрание всех данных разума и результатов опыта. Все вещества и все их модусы обозначены словами; все отношения существ выражены предложениями. Законы синтаксиса раскрывают руководящие принципы интеллекта. Изучение языка, в той мере, в какой оно абстрагируется, совпадает с психологией и логикой. Лингвистическая палеонтология стремится определить характер цивилизаций, не оставивших следов в собственной истории. Каждое по-настоящему новое открытие сопровождается расширением словаря. Человек не знает и не знал и не узнает ничего, чего не мог бы выразить; и всё, что выражается, занимает своё место в языке. Сказать, что чувство невыразимо — значит обозначить его словом, признавая его существование и одновременно отрицая возможность дать определение. Предмет философии обширен, а слово — универсальное выражение человеческих знаний — может считаться ощутимой реальностью, которая является объектом общей науки. Отсюда вытекает педагогическое следствие.

§ 80. Изучение языков должно быть главным инструментом развития интеллекта.
Из тесной связи слова и мысли следует, что изучение языков должно оставаться основой хорошего воспитания ума. Песталоцци, под влиянием учеников, которые пагубно повлияли на первоначальное направление его идей, задумал сделать математику главным средством педагогической культуры. Эта ошибка была серьёзной, так как математика развивает лишь один аспект интеллекта, а умы, воспитанные исключительно на геометрии и алгебре, оказываются искажёнными, неспособными постичь истину в её многообразных проявлениях. Однажды Песталоцци сказал отцу Жирару: «Я хочу, чтобы мои ученики не признавали ничего, чего нельзя доказать так же просто, как что дважды два — четыре». Отец Жирар ответил: «Друг мой, если бы у меня было сто сыновей, я не хотел бы отдавать тебе ни одного, потому что ты никогда не сможешь доказать им так же просто, как дважды два — четыре, что я их отец и что они должны меня уважать».

Великий педагог из Фрибура выбрал изучение родного языка в качестве главного средства воспитания души детей, поскольку язык, благодаря своей всеобщности, вызывает изучение, гармонично обращённое ко всем способностям — к сознанию, к сердцу и к разуму. При правильной реализации того, что понимал отец Жирар, преподавание родного языка становится истинной философией для всех, народной философией. Греческий и латинский языки до сих пор были фундаментом среднего и высшего образования. Изучение родного языка может, по крайней мере, частично, распространить огромные преимущества такого воспитания на детей всех социальных слоёв. Замена литературных исследований на технические и реалистические снизит уровень интеллекта.

Подготовка к разным профессиям требует специальных знаний, но прежде чем формировать инженеров, химиков, механиков, важно формировать людей, и лучше всего это делать через изучение слова. В современных атаках на классическое образование нужно различать два момента: требование исключить греческий и латинский из школьного курса и требование заменить изучение языков элементами естественных и физических наук. Возможно, изучение современных языков даст некоторые преимущества (но не все) классическим языкам; но называть литературные исследования лишь изучением слов — значит забывать, что они знакомят с тем, что, хотя и не может быть увидено или потрогано, помещено в колбу или в музейную витрину, является самой первой, высшей реальностью, без которой всё остальное останется для нас неизвестным. Эта реальность, которую некоторые натуралисты презрительно обходят своим вниманием, — человеческий дух, проявляющийся в слове.

§ 81. Установление международного языка — одна из насущных потребностей нашего времени.

Сегодня в образовании возникает серьёзная трудность: перегруженность учебных программ. Жалобы на интеллектуальное перенапряжение, которое вредно сказывается на здоровье детей, слышны во всех странах и становятся всё громче. Пострадало не только здоровье молодого поколения. Можно даже с некоторой парадоксальностью утверждать, что чем больше ученики учат, тем меньше они знают. Множество изучаемых предметов приводит к тому, что ни один из них не укореняется в сознании достаточно глубоко, чтобы закрепиться там. Необходимость особенно полагаться на память для освоения чрезмерно обширного материала угнетает спонтанность ума. Перегрузка учебных программ вызвана двумя основными причинами: массовым введением в начальное и среднее образование элементов так называемых точных наук и всё большим числом изучаемых языков, что связано с облегчением международных связей.

Существует два способа решить эту проблему. Первый — исключить из начального образования ненужные большинству учеников предметы, которые те, кому они нужны, смогут легко освоить позже. Второе, ещё более важное реформирование касается преподавания языков. Число детей, изучающих два языка, постоянно растёт. Международное соглашение могло бы установить, что второй язык в государственных школах всех стран был бы единым. Это вполне осуществимая мера с очень значительными результатами. Каждый народ сохранил бы свой национальный язык, а второй язык был бы одинаковым для всей Европы и, со временем, для всего мира. Это принесло бы огромную практическую пользу торговцам и путешественникам, о чём даже не стоит говорить. Научное сообщество вновь обрело бы единство, каким оно обладало в Средние века благодаря широкому использованию латыни, тогда как сегодня человеку, занимающемуся каким-либо исследованием, почти невозможно читать оригиналы трудов, опубликованных во всех странах по его теме. Переводы далеко не всегда качественны.

Возвращаясь к теме, язык матери должен оставаться первым средством развития детей, а международный язык — вторым. Эти два языка покрывали бы все практические нужды, и

подавляющее большинство детей не имело бы необходимости учить другие языки. Молодые люди, стремящиеся к литературным исследованиям, продолжали бы читать Данте на итальянском, Шекспира на английском, Гёте на немецком и древних авторов на их родных языках, но это были бы исключения, а общий учебный план разгрузился бы. Серьёзное изучение языка могло бы занять своё законное место, развивая общий ум — характерную черту философии и цель хорошего образования.

Когда идея международного языка будет принята, встанет вопрос о выборе этого языка. Следует ли создавать новый, как пытаются сделать сторонники волапюка? Или выбрать один из существующих или бывших языков? Может быть, остановиться на греческом, как предложил Гюстав д'Эйшталь? Я лишь задаю эти вопросы, поскольку их рассмотрение выведет нас далеко за рамки настоящей работы. Мне достаточно твердо утверждать, что если сохранение национальных языков имеет очень серьёзные основания, то создание средства общения между всеми народами — не менее серьёзные. Это потребность современной цивилизации, которая становится всё более неотложной.

§ 82. Философия — не сумма частных наук.
Сумма частных наук — это Энциклопедия. Если энциклопедию составляют авторы с противоречивыми взглядами и противоположными принципами, то она будет совсем не философией, а её противоположностью. Истинный научный дух отличается от простой любознательности, которая собирает материалы без порядка и связи. Платон отмечал, что человек может интересоваться всеми науками, усердно учиться и быть ненасытным в желании знать, и при этом не заслужить звания философа. Философия, действительно, в отличие от других наук, обладает двумя важными признаками: по своей матери она общая (это первый характерный признак), и второй — она изучает всё под особым углом зрения. Претендовать на знание всех наук в полном объёме — это безумие даже для самых одарённых. Философия возможна именно потому, что, будучи всеобщей по предмету, она имеет специальный объект, который определяет и ограничивает её исследования.

ОБЪЕКТ ФИЛОСОФИИ

§ 83. Философия — поиск принципа, который в своём единстве объясняет всю совокупность опыта.
Почему в древней Греции определённые люди выделялись среди всех мудрецов и учёных как философы? Что отличало и характеризовало работы Фалеса, Анаксимена, Гераклита, Пифагора? Все они стремились определить принцип вселенной. Поиск единства ставил греческих мыслителей в оппозицию национальным культурам и способствовал смерти Сократа — величайшего мученика философии. Платон и Аристотель, движимые потребностью в единстве, боролись с дуализмом, от которого не смогли полностью избавиться. Современные философы — Декарт, Гоббс, Лейбниц, Шеллинг, Гегель — хоть и придерживались разных путей и доктрин, все искали универсальный принцип.

В древнем мире с политеистическими верованиями философия по своей природе была враждебна религии; в современном мире с монотеистическими верованиями философия может согласовываться с религией. Поиск принципа единства — исторически, как в древности, так и в новое время, второй из характерных признаков философии. Сегодня эта тенденция обозначается удачным неологизмом — монизм, то есть учение о единстве. Не стоит отдавать этот термин исключительно материалистической школе, которая стремится свести всё к единству материальному и телесному. Любой монизм — философия, и любая философская система — монизм; вопрос лишь в том, как именно понимается принцип единства.

Философия, будучи общей по предмету, ищет, но не учит. Часто злоупотребляют выражением «наука учит». Это выражение справедливо лишь в отношении рационально доказанных истин, законов, непосредственно вытекающих из фактов, и теорий, прошедших разные стадии вероятности и достигших уверенности. Но часто, говоря «наука учит», приписывают уверенность гипотезам, далеким от проверки. То, что верно для науки в целом, особенно верно для философии. Философы имеют различные и часто противоречивые мнения обо всём. Можно сказать, что философия ищет, можно сказать, чему учит та или иная школа, но нельзя однозначно сказать, чему учит философия.

§ 84. Философия — изучение универсальной проблемы.
Это утверждение — другая форма предыдущей мысли. Слово «универсальный» выражает всю совокупность вещей, а этимологически означает «направленный к единому». «Универсальный» значит целое существующее, рассматриваемое в связи с принципом единства. Это слово вмещает и напоминает два характерных признака философии: общность её предмета и особенность её объекта.

Бэкон ясно видел общий характер предмета философии, поэтому в начале своего труда поместил общую классификацию наук — основу всего мыслительного труда. Декарт точно определил объект философии — восходить к первопринципу и от него объяснять весь набор фактов. Он совершил серьёзные ошибки, главным образом из-за неверного понимания метода, но план, который он чётко очертил, останется в общих чертах программой философии. Лейбниц определил природу единства, к которому стремится разум, не как к первопринципу самому по себе, а как к совокупности данных опыта — это единство гармонии, а не тождество. Это глубокое размышление разорвало связь системы Спинозы с теориями Декарта. Хотя определения философии различны и иногда кажутся противоположными, почти все из них включают идею общности и стремления к единству, так что их можно свести хотя бы по сути к нашему определению. Для этого, конечно, нужно отбросить определения, которые на самом деле отрицание философии, например, у школы Рейда и позитивистов.

Различные употребления слова «философия» и прилагательного «философский» подтверждают наше определение. «Философский дух» — это склонность подниматься к общим идеям, улавливать связи вещей, в противоположность мыслям, застревающим в деталях и рассматривающим объекты по отдельности. Что такое философия науки — химии, физики, ботаники? Это та часть этих наук, которая наиболее общая и, вследствие этой общности, проявляет стремление к единству. Какие частные науки заслуживают называться философскими? Это логика, психология и мораль. Логика, изучающая законы мышления, универсальна, как интеллект, чьи функции она выражает. Психология имеет свой предмет — дух; хотя дух в себе — частный объект, он одновременно субъект всякого познания. Мораль, в её высоком смысле, связана с универсальным принципом, который мы вскоре укажем. Логика, психология и мораль, таким образом, ближе связаны с изучением универсальной проблемы, чем ботаника или минералогия. Но это всё же частные науки с определённым объектом, как и физика или биология.

Науки различаются целями; теперь мы знаем, каков особый характер философии. В то время как другие науки ставят перед собой частные проблемы, возникающие из изучения особого класса явлений, философия ставит универсальную проблему. Стоя лицом к совокупности мировых явлений как к целому, она применяет к нему научные вопросы и пытается определить его сущность, закон, причину и цель.

§ 85. Философская система — это попытка объяснить устройство вселенной.
Философия — это исследование, которое, как и любое другое, может привести к одному из трёх результатов: утверждению, отрицанию или сомнению. Я называю философией поиск,

связанный с принципом вселенной, независимо от результата. Философская система — это результат такого поиска, целью которого является определение первого принципа, и который, следовательно, предполагает его существование. Существует существенная разница между исследованием, направленным на вопрос о существовании первого принципа, которое может закончиться сомнением или отрицанием, и исследованием, целью которого является определение этого первого принципа, чьё существование принимается.

Если дать словам вышеуказанный смысл, то можно говорить о системе Эпикура и философии (не системе) Карнеада; о системе Декарта и философии (не системе) Байля; о системе Гегеля и философии Канта. Это, без сомнения, вопрос терминологии, но за этим вопросом скрываются две разные линии мышления: одна пытается определить объект утверждения, которое принимает, другая же считает это утверждение ложным или сомнительным.

§ 86. Создание частных наук не уничтожает предмет философии.
В начале научных исследований человеческого духа мы встречаем поспешные и грандиозные синтезы, стремящиеся сделать все науки единой наукой. Для Фалеса источником всего была вода или влажный элемент. Для Анаксимена — воздух как универсальный принцип; для Гераклита — огонь; для Пифагора — число. Эти древние мыслители не считали нужным предшествовать синтезу достаточным анализом: они объясняли природу и человека, исходя из индукции, проведённой слишком быстро. Их психология была априорной, как и физика. Для Анаксимена душа — тонкий воздух; для Пифагора — движущееся число.

Постепенно осознавая необходимость наблюдения и различения вещей, частные науки отделились от первичных синтезов и основываются на наблюдении конкретного класса идей или фактов. Математика стала первой настоящей отдельной наукой; затем, в ходе веков, астрономия, ботаника, зоология, физика и химия требовали своей независимости от априорных концепций и опирались на наблюдение особых феноменов. Науки, которые не отделились, остались в разделе философии, которая в первичных синтезах включала всё, и продолжали рассматриваться слишком априорно. Сегодня мы видим, что этика стремится стать отдельной наукой на своей основе. Этого добиваются сторонники так называемой независимой морали. Важная истина, которую они подчеркивают — реальность факта морального обязательства, ярко выявленная трудами Канта.

Ошибка представителей этой школы, которая ведёт к бесплодным усилиям, — непонимание того, что если моральная совесть есть первичный факт человеческой природы, то в своём развитии она неизбежно связана с законами разума и данными опыта. Из одного факта существования долга можно лишь вывести, что долг есть; но когда нужно определить, в чём этот долг состоит, совесть выходит из изоляции. Следовательно, мораль не может быть независимой от убеждений и идей в смысле полной изоляции. Априорная психология античных философов сменилась в новое время экспериментальной наукой, которой прогресс физиологии даёт весомую поддержку. Эта психология будет одной из главных отраслей антропологии, когда антропология избавится от материалистического априори, которое сегодня явно присутствует в трудах некоторых современных школ.

Формальная логика, или теория законов мышления, давно сформировалась как особая наука благодаря трудам Аристотеля. Аналогичная работа ещё предстоит для метафизики — изучения априорных данных разума, отличных по содержанию от чисто формальных законов мышления. Эта область пока слишком часто смешивается с теориями, касающимися принципа вселенной, а должна отделиться и стать, как логика, наукой, основанной на рациональном наблюдении и действительно экспериментальной по своей основе. Рассматривая этот постепенный процесс формирования частных наук из

преждевременных синтезов первых попыток человеческого духа, можно прийти к мысли, что философия — это просто общий дух исследования, который удовлетворяется созданием специальных наук, и что философии, не имеющей своего предмета, не должно быть как отдельной науки. Такое мнение выразил Клод Бернар в своей «Вводной лекции в экспериментальную медицину».

Это ошибка. Философия не имеет специального предмета, потому что она изучает универсальную проблему, но у неё есть чётко определённый объект, который всегда будет поддерживать её статус отдельной науки. Этому можно привести два сравнения с доказательной силой. Когда дикарь строит хижину, нет различия между архитектором, каменщиком и плотником — это первичный синтез всех нужных работ. При разделении труда в строительстве современного дома у каждого своя задача: помощник, каменщик, плотник, слесарь, стекольщик и др. Результат — не простая сумма этих работ, а их координация. Разделение труда не отменяет необходимость проекта — работы архитектора сохраняют весь смысл и чёткий объект.

Другое сравнение: общая физиология — изучение жизни. Эта синтетическая наука нуждается для прочного основания в разделении исследований по органам, тканям, функциям. Утраивает ли физиология общий объект, когда её части изучаются отдельно? Нет. Частные исследования — материалы, но не замена физиологии. Над частными исследованиями всегда остаётся вопрос жизни, требующий изучения взаимосвязей элементов и единого управляющего начала, связывающего разные функции в гармоничное целое. Так же и философия. Частные науки дают ей материалы, не заменяя её. Выше частных исследований остаётся вопрос гармонии элементов вселенной и принципа этой гармонии. Считать, что развитие частных наук уничтожит эту проблему — явная ошибка. Остаётся вопрос: возможно ли изучение универсальной проблемы, если идея универсальной науки, охватывающей всё, что можно знать, явно превышает возможности даже самого мощного ума и величайшего гения.

§ 87. Философия возможна, потому что результаты частных наук упрощаются по мере их развития.

Поиск единства, являющийся под разными формами генератором всех наук, полностью оправдан результатами. Из всех объяснительных наук механика небесных тел — самая развитая. Объяснение движения планет было очень сложным во времена Коперника. С тех пор благодаря открытию этого гения, а также трудам Кеплера и Ньютона, сложные небесные движения сведены к относительно простым объяснениям. Все явления объясняются массами, расстояниями, первоначальным импульсом и законом тяготения. Старая физика допускала существование разных флюидов, различных сил и свойств материи. Огромное упрощение внесла теория, сводящая объективную часть явлений к факту движения.

Аналогичный результат можно было бы получить в естественной истории, если бы удалось объяснить с помощью малого числа первичных законов всё разнообразие функций живых существ. Таким образом, при развитии науки увеличивается количество фактов (сечение пирамиды по основанию), но одновременно она упрощается, уменьшая число объяснительных принципов (сечение пирамиды к вершине). Философия, как общая наука, начинается с верхних сечений пирамиды. Каждая частная наука объясняет множество явлений на основе ограниченного числа принципов. Философия стремится объяснить эти принципы. Поэтому она отличается от идеи универсального знания как полного познания всех явлений — это было бы самой безумной претензией даже для выдающегося учёного. Кажется, из этого следует, что философия должна ждать, пока частные науки завершат свои задачи, что отложило бы её навсегда. Следующее утверждение снимает эту сложность.

§ 88. Философия развивается параллельно с частными науками, потому что существуют объекты универсального опыта.
В основе любого опыта, как его условие, лежит постоянный опыт жизни духа, который является субъектом всякого возможного знания. Познание, которое дух имеет о самом себе, неразрывно связано с познанием тела. Действительно, не существует сознания духа в чистом виде и независимо от чувства организма — чувства, которое присутствует во всех психических явлениях и существование которого отражение выявляет. Основная идея духа и идея тела — объекты постоянного и универсального опыта, которые проясняются посредством непосредственного наблюдения. Философия, стремясь различить элементы вселенной, стимулирует такое наблюдение и тем самым служит частным наукам.

Под всеми феноменами, наблюдаемыми физиками и химиками, лежит факт движения, в котором наука всё больше ищет объяснение явлений разного порядка, составляющих жизнь природы. Движение может быть объектом прямого изучения, независимого от разнообразия его проявлений; такое изучение, не относящееся ни к одной частной науке, по своему общему характеру входит в область философии. Исторически несомненно, что философские взгляды на природу материальных явлений легли в основу современной физики, сформировавшейся около двух веков назад. Утверждение, что вся объективная часть явлений сводится к форме и движениям тел (именно это является основой современной физики), изначально было философской концепцией, которую опыт подтвердил, но не породил.

Экспериментальная психология почти неизбежно сбивается с пути, если ограничивается изучением регистрируемых явлений и теряет из виду первоначальное действие, которое является сущностью духа. А это первоначальное действие — объект постоянного и непосредственного наблюдения, элемент универсального опыта, права на который философия должна отстаивать. Размышления о природе тел и духа не требуют ожидания завершения работ физиков и психологов, чего, к тому же, никогда не будет. Таким образом, общая наука и частные науки развиваются параллельно и взаимно поддерживают друг друга.

§ 89. Философия — естественное продолжение исследований частных наук.
Тенденция к единству частично проявляется в каждой из частных наук (§ 54), и науки в целом исходят из постулата реальности универсального порядка, выраженного гармонией, поддерживающей принцип единства в множественности существ (74). Чем больше достигают успехов частные науки, тем яснее проявляются взаимосвязи между ними. Физика и химия тесно связаны; то же верно для физики и физиологии, физиологии и психологии. Но ни одна частная наука не может достичь первичного единства, поскольку она — частная наука. Единство, встречающееся в мире опыта, может быть лишь единством гармонии, а гармония предполагает разнообразие существ, между которыми существуют рассматриваемые связи. Философия продолжает линии развития наук в их стремлении к простоте законов и причин. Она стремится открыть реальный принцип единства, дающий объяснение гармонии вещей — которая является излучением единства, но не самим единством или тождеством.

Растущее число взаимосвязей между науками показывает, что линии их развития сходятся; философия пытается дать объяснение этой конвергенции. Эта попытка — проявление научного духа в его высшей силе. Поэтому можно сказать, что философия — это дух науки, осознающий себя и утверждающий то, что он предполагает. Если это так, откуда же столь часто провозглашаемое противостояние между науками и философией?

§ 90. Противостояние между частными науками и философией происходит из-за смешения априорных принципов построения и руководящих принципов мышления.
Существуют существенные принципы, с помощью которых предполагается построить систему без основы в наблюдении, и существуют просто формальные принципы, которые направляют исследования, не позволяя никакого априорного построения. Из-за путаницы этих двух различных классов принципов возникло противостояние между науками и философией. Поэтому важно их различать и прояснить на примерах. Вот примеры рассуждений, имевших место в науке: «Звёзды движутся по совершенным линиям; круг — самая совершенная фигура; следовательно, орбиты звёзд круговые». — «Солнце идеально; следовательно, у него не должно быть пятен, и те, кто видел пятна, ошибались». — «Природа не терпит пустоты; следовательно, вода в насосе поднимается бесконечно, чтобы не возникала пустота». Однако экспериментальная наука установила, что орбиты планет не круговые, что у Солнца есть пятна, и что вода в насосе не поднимается выше 32 футов.

Ошибки, только что описанные, возникли из-за принятия существенных принципов, с которых пытались логически вывести следствия, но эти следствия противоречили фактам, что естественно вызвало резкое противостояние научному методу, породившему такие результаты. Теперь примеры формальных принципов, направляющих мышление, но не дающих непосредственных следствий: «Примитивные законы природы просты; следовательно, при полном подчинении контролю опыта надо предпочитать наиболее простые объяснительные гипотезы». Таков был руководящий принцип гипотезы Коперника, предложившей более простое объяснение небесных явлений, чем старая астрономия. Таков источник усилий Ньютона свести три закона Кеплера к одному, работ Лапласа по установлению относительной устойчивости мировой системы, работы Френеля по восстановлению правильной теории природы света.

Поиск простоты направляет мысль, участвует в выборе гипотез, но не позволяет напрямую устанавливать никакие законы — это просто формальный принцип. Если отказаться от поиска простого, общего, единого, ход науки остановится; но нельзя забывать, что если истина проста, простое далеко не всегда истинно. Есть ещё один важный руководящий принцип: «Наши ясные и отчётливые представления истинны». В ошибке всегда возможны сложные идеи; но если бы примитивные представления, лежащие в основе всякой мысли, могли нас вводить в заблуждение, ошибка была бы неизлечимой. Очевидно, что никакие усилия разума не могут исправить источник заблуждения в корне разума. Фома Аквинский учил, что первые принципы и логически вытекающие из них следствия не могут нас обмануть; это абсолютное условие возможной науки.

Исходя из этой идеи, Декарт рассуждал: если наука о природе возможна, она должна опираться на ясные и отчётливые представления. Мы можем представить в телах, отвлекаясь от ощущений, лишь форму и движение; значит, объяснение материальных явлений нужно искать в форме и движении. Так была заложена основа нашей физики. Но от мысли, что вся объективная часть явлений сводится к движениям, нет законного перехода к априорному определению именно таких движений. Сказать «это происходит через фигуру и движение» и сказать, какие именно, и составить механизм — две совершенно разные вещи, как заметил Паскаль. Декарт смешал эти две вещи. Не довольствуясь тем, что указал правильный руководящий принцип исследования, он хотел построить систему априори, пренебрегая необходимостью экспериментальной проверки теорий.

Отсюда возникло много ошибок, смешанных с великими истинами картезианской физики. Та же путаница была и у противников картезианства, что привело их к отвержению вместе ошибок и истин доктрины, которую они критиковали. Говорили: наука сделала настоящий прогресс только после отказа от априорного метода построения — это правда. Но добавляли: значит, надо отказаться от всяких руководящих принципов в выборе теорий и

подходить к фактам без каких-либо предвзятых идей — это неверно, что доказывает вся история научных открытий. Существует реальная и плодотворная гармония между частными науками, ищущими объяснение порядка определённых фактов, и общей наукой, которая выделяет принципы частных наук, изучает и выражает их, тем самым делая их действие более эффективным.

Такое противостояние между наукой и философией часто возникает из-за того, что философию отождествляют с априорным методом построения. Эта путаница законна лишь в случае рационализма (§ 44); но рационализм — это философская система, а не философия в целом. Мы увидим, что, чтобы не сбиться с пути, общая наука должна следовать тому же методу, что и частные науки (§ 101). Если она заблуждается, претендуя на построение мира вместо его наблюдения, она быстро получает наказание за свою гордыню. Рационализм достиг наивысшего выражения в теории Гегеля. Немецкие материалисты сейчас насмехаются над останками этого великого и шаткого построения.

§ 91. Разделение наук и философии — явление недавнее и постепенно исчезающее.
Различия между науками и философией не существовало в древности. Напротив, объединение и в известной мере смешение всех исследований — одна из отличительных черт греческой мысли на заре её развития. Не все учёные — философы (§ 83), но все философы занимаются специальными науками. Фалес был геометром и физиком; Пифагор — математиком и астрономом; Аристотель — выдающимся натуралистом; Платон в «Тимее» набрасывает механическое объяснение природных явлений. В новое время союз философии и наук был не менее тесен, чем в эпоху греческой философии XVII века. Декарт основал аналитическую геометрию, провёл важные исследования в оптике и заложил основы истинной физики. Лейбниц одновременно с Ньютоном изобрёл дифференциальное исчисление, открыл некоторые законы механики и, что менее известно, опередил современные работы геологов и предвидел современную теорию трансформизма. Говоря об ископаемых останках вымерших видов, он писал: «Не является ли предположительным, что в больших изменениях, которые претерпела Земля, множество животных форм были преобразованы?»

Разделение философии и наук, а затем их противостояние, возникшее как реакция против априорного метода, хотя и связано с влиянием Бэкона, усилилось только во второй половине XVIII века. Следует заметить, что Кант всё ещё занимался специальными исследованиями по астрономии и в 1755 году выдвинул гипотезу первичной туманности, которую Лаплас независимо (и, вероятно, не знакомый с работами Канта) сформулировал в 1796 году. Разделение частных наук и общей науки привело к тому, что философия стала слишком абстрактной и синтетической в Германии, слишком историко-литературной во Франции, а частные науки — чрезмерно аналитическими. Детальные наблюдения и частичные обобщения умножились, что было условием прогресса исследований, но чувство единства значительно ослабло.

Великие теории XVII века, которые XIX век должен был возродить, временно затмились. В физике появилось множество «флюидов», в естественной истории — множества видов. В наши дни инстинкт, побуждающий разум искать единство, возвращается во всей своей силе. Он проявляется в теориях физиков и натуралистов и восстанавливает связь философии и наук. Появление термина «монизм» в трудах, посвящённых изучению природы, подчеркивает этот факт. Влияние философского духа на науку часто бессознательно, иногда до наивности. Беспечные и дерзкие мыслители принимают смелые и преждевременные синтезы за экспериментальные индукции. Достаточно наблюдать переход от тезисов биологического трансформизма к утверждениям доктрины эволюции как общего объяснения вселенной и ознакомиться с высокомерными заявлениями современного материализма.

Материализм — плохая философия, но философия, которая тесно связана у многих современников с развитием наук. Поиск единства и синтезы, которые из него вытекают, освещают возобновляющийся союз между специальными исследованиями и изучением универсальной проблемы. После периода, когда философия напоминала о правах синтеза, наступил (и мы в нём живём) другой период, когда она должна напоминать о правах анализа авторам преждевременных синтезов и не допускать исключения целого ряда реальностей (§ 105). Человеческий дух легко падает из одной крайности в другую. Необходимо порой разрывать связи, удерживающие порыв мысли, а порой умерять чрезмерный порыв мысля эксперимента. Философия, верная своей миссии, поочерёдно выполняет эти две функции: она напоминает о единстве, которого ищет разум, тем, кто заблудился в изучении деталей; и противопоставляет поспешному поиску единства общность своего предмета — основу всякой прочной теории вселенной.

§ 92. Практический вопрос мудрости связан с теоретическим вопросом принципа вселенной.

Как только человек достигает так называемого возраста разума, начинает размышлять, его поведение перестаёт определяться только переменными импульсами чувств. Ребёнок сначала действует так, как велит сердце; все его поступки, подобно действиям маленького животного, — продукт темперамента и влияния ощущений. Человек, по мере выхода из детства, стремится управлять своим поведением и задаёт вопрос: что мне делать? Этот вопрос имеет разные значения и потому может получать разные ответы. Если речь идёт о достижении определённой практической цели, вопрос звучит: что нужно сделать, чтобы получить конкретный результат? Ответ дают частные науки, которые тогда направляют человеческие действия.

Если речь о приобретении того, что мы называем счастьем, рассматриваемом как сумма наслаждений, вопрос трансформируется, как и в предыдущем случае, в формулу: как получить наибольшую сумму наслаждений? Для ответа можно обратиться к жизненному опыту. Слова «что мне делать?» имеют и другой смысл, когда речь идёт о моральном порядке или о том, что в языке Канта называется категорическим императивом. На вопрос «что мне делать?» в этом смысле отвечает моральное сознание. Здесь не нужно поднимать вопрос происхождения и абсолютной ценности сознания. Никто не отрицает различия между идеей долга и идеей наслаждения. Философы утилитарной школы пытаются свести первую идею ко второй, но необходимость делать в этом отношении более или менее удачные объяснения доказывает, что исходное положение — это различие двух идей, которые нельзя тождественно отождествлять без целой цепочки преобразований.

Однако общепринятое различие достаточно для моей нынешней цели. Моральное сознание не развивается изолированно и не отделяется от разума. Разум, стремящийся всегда к общему и универсальному, придаёт требованиям сознания черты закона. Спрашивая «что мне делать?», я предполагаю, что любое существо, подобное мне, в тех же обстоятельствах было бы обязано, как и я. Отсюда вопрос «что мне делать?» превращается в более общий вопрос: что должно быть сделано? Этот вопрос предполагает власть, считающую себя законно подчинённой закону и стремящуюся определить, что должно быть. Человек помещён в порядок вещей, который он должен познать, чтобы понять, что ему надлежит реализовать. Как говорил Цицерон, «как можно твёрдо установить мнение о добре и зле, если не знаешь связей, которые объединяют человека с великим строем мира?» Идея того, что должно быть сделано, в своей общности пробуждает идею плана вселенной; а мысль о плане вселенной неотделима от идеи его принципа.

Так выстраивается цепь вопросов: что мне делать? что должно быть сделано? каков план вселенной? каков принцип вселенной? Не значит это, что правила морали могут быть легитимно выведены априорно из представления о природе вещей. Моральный факт

настолько неподвластен научному построению, что стоит на первом месте в данных, составляющих основу и контроль хорошо проведённой философии. Но сознание, не в состоянии развиваться изолированно, неизбежно подвергается влиянию истинных или ложных доктрин, и теоретические вопросы философии, таким образом, приобретают практическое значение. Говорят, что Пифагор (что кажется плохо согласуемым с моральным направлением его институтов) считал зрителей выше действующих и делал философию чистым созерцанием. Но Платон приучал своих учеников мыслить идею блага как высшую идею.

Если внимательно рассмотреть эту идею, освободить её от идеалистических влияний и понять, что она содержит, становится очевидно, что высшее теоретическое понятие одновременно является самой практичной из идей. Добро, по сути, есть то, что должно быть. Эта идея, в которой Платон искал окончательное объяснение явлений мира, одновременно служит правилом действий свободных существ. Последний результат науки — поставить волю перед лицом универсального порядка, реализованного в природе, и который человечество призвано реализовать в своей части. Таким образом, теоретический и практический смысл слова «философия» сходятся. Различие двух значений термина реально, но их гармония глубока. Как выразился Александр Вине: «Философия по сути своей есть мораль, и всякая система о вселенной — это система о жизни».

§ 93. Курс философии естественно занимает своё место в конце обучения.
Элементы философских наук (психология, логика, мораль) преподают в гимназиях и лицеях. Эти же науки должны преподаваться позже, с соответствующим развитием материала, в университетах. Только тогда они могут быть полно и правильно поняты в их значении и объёме. Психология, чтобы быть изложенной научно, требует достаточно обширных знаний физиологии. Логика, элементарное изучение которой часто бывает довольно сухим, приобретает большой интерес, когда показывают её применение в различных науках и в разных проявлениях человеческой жизни. Учение о софизмах, адресованное слушателям, которым можно помочь распознавать путаницу в идеях и ложные рассуждения, часто возникающие в научных теориях, социальных доктринах и политических дискуссиях, может стать одним из основных элементов здорового воспитания интеллекта.

Преподавание морали имеет ценность, пропорциональную жизненному опыту тех, кто его получает. Философские науки могут полностью развиваться и проявлять свою пользу только на старших ступенях обучения; это особенно очевидно в отношении самой философии. Поскольку философия обращается к размышлению о данных универсального опыта и о руководящих принципах мышления, её можно считать введением к изучению частных наук; но в своих теоретических попытках она имеет характер заключения. Чтобы воспользоваться архитектурной метафорой, философия — это венец здания в конструкции человеческого знания, а всякий венец занимает своё место на вершине. Частные науки, будучи необходимым основанием всякой серьёзной философии, очевидно, предполагают знание их результатов. Отсюда следует практическое следствие для организации учебного процесса. Мы уже говорили о важности духа общности как противопоставления чрезмерно узким и потому исключительным направлениям мышления (§ 78).

Специальные исследования, безусловно, необходимые, рискуют замкнуть ум в узких горизонтах и породить систематическую тенденцию делать общие выводы, исходя из одностороннего взгляда. Иногда замечали, что студенты политехнических школ становятся значительным пополнением социализма (в плохом смысле), потому что изучение математики и физики заставляет их забывать, что ум, в отличие от неживой материи, не поддаётся простому применению законов механики. Студенты права, обычно ориентированные на предписания кодексов, рискуют забыть принципы естественного права, требования справедливости и упустить из виду, что юридическая справедливость часто

несовершенна и не всегда совпадает с истинной справедливостью. Теологи, погружённые в изучение текстов, являющихся предметом их работы и основой преподавания, слишком часто остаются чуждыми общему интеллектуальному движению своего времени, недостаточно знают интеллектуальное и нравственное состояние среды, в которой находятся и на которую должны влиять.

Студенты медицины, сосредоточенные на изучении физиологических явлений, рискуют забыть функции духовного порядка и утратить общую картину условий человеческой жизни. Этот недостаток очевиден, но есть способ его предотвратить. Следовало бы, чтобы философия, или, по крайней мере, обзор всех наук, составляющих её содержание, входила в экзамены на высшие учёные степени всех факультетов. Именно такой общий обзор наук, их методов и результатов заложил в своих планах Ампер, но, к сожалению, смог разработать лишь его контуры («Опыт философии наук», 2 тома, Париж, 1838 и 1843 гг). Теолог, юрист, кандидат наук, литературы, медицины — все они должны доказать, что их специальные исследования не поглотили их настолько, что они утратили интеллектуальное равновесие. В качестве подготовки к этим экзаменам должен быть учреждён курс философии или, по крайней мере, классификации наук для студентов всех факультетов. Именно скудные элементы философских наук, преподаваемые в среднем образовании, не могут уберечь от опасностей чрезмерно узкой профессиональной подготовки.

МЕТОД ФИЛОСОФИИ

§ 94. Философия должна быть бескорыстной наукой.
Наука, будучи поиском истины, должна быть защищена от незаконных влияний, которые могут исходить из интересов. Влияния такого рода, кроме, может быть, самолюбия учёных или их желания популярности, не нарушают математику, физику и подобные науки; но философия, по своей природе связанная с моралью, религией и социальными вопросами, находится в иных условиях. Никогда не жертвовать поиском истины ради личных или коллективных интересов — вот честность мысли. Эта честность может быть нарушена под воздействием двух видов влияний. Философ может столкнуться с серьёзными трудностями, высказывая идеи, противоположные взглядам окружения. Известна судьба Сократа в Афинах. Еврей Спиноза был изгнан из синагоги из-за своих учений; картезианцев во Франции долгое время преследовали; а ещё мрачнее — Бруно и Ванини были казнены за философские теории, противоречившие господствующим догмам. Понятно, что для людей, не склонных к мученичеству, страх перед общественным мнением может приводить к внешнему и словесному согласию с традиционными взглядами.

Желание выделиться новизной и смелостью мыслей может иметь обратный эффект — побуждать к публикации идей не из-за их истины, а из-за эффектности и возможности привлечь внимание. «Это признак способностей и науки — отклоняться от общих чувств», — говорит Боссюэ, а Руссо с присущей ему преувеличенностью пишет: «Если бы философы могли открыть истину, кто из них заинтересовался бы ею? Каждый знает, что его система не лучше других, но защищает её, потому что она его. Нет ни одного, кто, узнав истину или ложь, не предпочёл бы ложь, которую он нашёл, истине, открытой другим. Где философ, который ради своей славы не обманул бы человечество? Где тот, кто в тайне сердца ставит себе иную цель, чем выделиться? Главное — думать иначе, чем остальные. Среди верующих он — атеист, среди атеистов — верующий». Политические взгляды людей часто обусловлены их положением в обществе, привычками, интересами класса, к которому они принадлежат. Та же несправедливая зависимость проявляется и в философских идеях, когда они связаны с общественными вопросами.

§ 95. Философия не должна быть подчинена политической цели.
Некоторые общие идеи философского характера должны направлять политику людей доброй воли. Если воздействие на общество происходит бескорыстно, как должно быть для добродетельности, оно должно стремиться к осуществлению того, что считается благом. Но законный порядок вещей нарушается, если идеи становятся не руководящим принципом деятельности, а служат интересам партии, которой человек принадлежит не потому, что считает её доброй, а потому, что ему выгодно быть её членом. Политическая партия — это собрание людей, стремящихся захватить власть. Для некоторых целью является обладание властью — это благородные умы, которые встречаются во всех взглядах, но составляют меньшинство. Большинство членов партии — это лица, ищущие власть не ради идей, а ради удовлетворения страстей и интересов.

Идеи становятся лишь средствами, а в демократических государствах программы, наполненные прекрасными принципами, часто оказываются избирательными манёврами. Много раз справедливо говорили, что использовать религию в политических целях — печальный факт. Нечто подобное, в меньшей степени, произошло и с философскими взглядами. Во время борьбы, приведшей к свержению Стюартов в Англии, Роберт Филмер написал для партии кавалеров философию, оправдывающую существование абсолютных монархий. Сам он мог быть бескорыстен и считать свою теорию верной и правильной; но большинство его последователей, вероятно, руководствовались не научным интересом.

Французские философы выступали против монотеизма, потому что были республиканцами и опасались, что монотеизм ведёт к монархической мысли. Таким образом, высший вопрос философии решается не по существу, а по причинам, посторонним предмету. Гегель, по некоторым сведениям (хотя я этого не проверял), философски доказывал необходимость военной касты в государстве — тогда, когда в Германии (как и в Англии до сих пор) военная служба была делом избранных. Когда закон изменился, и согласно новому закону все должны были быть солдатами, Гегель заново доказал философскими аргументами, что всеобщая воинская повинность — естественный вывод из его универсальной теории. Настроение подчинять общие принципы изменчивым интересам партий усиливается политической журналистикой, играющей в современном обществе всё более важную роль.

Цель политической газеты — поддержка партии и достижение её интересов в законодательстве и управлении. Часто под видом великих принципов оправдывают конкретные политические действия. Как лицемерие — это дань порока добродетели, так и обращение к великим принципам — дань разума интересам. Использовать принципы как простые средства, менять их в зависимости от обстоятельств, обращаться то к одной идее, то к противоположной — очень соблазнительно. Однажды я спросил молодого журналиста с наивностью новичка: «Разве у вас в редакции нет шкафа, где вы храните принципы и достаёте то один, то другой, в зависимости от ситуации?» Он ответил, что так и есть, и по-другому не может быть.

§ 96. Философию не следует развивать под влиянием национальных интересов.
Патриотизм — добродетель. Национальное чувство выражается естественно в искусстве, литературе, которые отражают и поддерживают особую форму человеческой жизни. Те, кто рассматривает спекулятивные поиски мысли как нечто вроде поэзии, могут признать, что разные страны и расы имеют свои доктрины, составляющие их интеллектуальный и нравственный облик. Но так не может быть, если философию считать наукой. Науки не имеют родины. Не существует французской геометрии, немецкой химии или норвежской астрономии. Если признать научный характер философии, невозможно не согласиться с словами г-на Вилма: «Философия ближе к истине, чем меньше в ней временного и национального характера». Национальные различия в научном мышлении практически отсутствуют в Средние века благодаря единству научного языка (латинского) (§ 81). Когда

всё образование, устное и письменное, велось на латыни, студенты и профессора могли свободно переходить из одного университета в другой, не ощущая перемены интеллектуальной родины.

Разделение языков, сравнительно недавнее явление в науке, ввело в неё национальные чувства. «Только Италия обладает истинным началом знания», — писал Джоберти в книге, посвящённой прославлению своей родины. В октябре 1816 года, открывая курс в Гейдельберге, Гегель сказал слушателям: «Философия существует теперь только в немецкой нации; мы получили от природы миссию быть хранителями этого священного огня». Подобное чувство не редкость и во Франции. В предисловии к изданию трудов Лейбница, выпущенному издателем Шарпантье, написано: «Только Франция может издать Лейбница». Вводить национальную озабоченность в изучение философии — значит подчиняться благородному по сути чувству, но выходящему за свои рамки. Стремиться прославить свою страну через развитие науки, напоминать при необходимости о её заслугах в республике литературы — хорошо. Но плохо подчинять развитие науки идее славы своей страны.

Следует признать, что чрезмерное влияние патриотизма на философские исследования, если не исчезает совсем, то значительно ослабевает благодаря всё более лёгким и частым связям между народами и многочисленным переводам ключевых трудов, привлекающих к себе внимание. После периода, когда выражения «немецкая философия», «французская философия», «шотландская философия» имели обоснованное место в описании фактов, мы пришли к эпохе, когда подобные выражения имеют в основном лишь историческое значение. Сегодня именно доктрины разделяют мир умов и сближают мыслителей одной школы гораздо сильнее, чем различия их родин. Так было в Средние века, и мы к этому состоянию снова приближаемся.

§ 97. Философские исследования должны освобождаться от предубеждений, возникающих из старинности или новизны идей.

Привязанность к старым или новым идеям может быть результатом личных интересов, самолюбия или тщеславия учёных (см. § 94). Но существуют предубеждения такого рода, которые могут быть относительно бескорыстными. Если речь идёт об установлении факта, самые древние свидетельства лучше, так как они ближе ко времени, когда происходили фиксируемые события. Серьёзный историк всегда старается обратиться к первоисточникам, и в этом случае уважение к древности — один из основных правил критики. Но если речь идёт об установлении текущих фактов и теорий, которые их объясняют, то, как сказал Паскаль, древние — это молодые; уважение к старости должно справедливо распространяться на нас и, тем более, на наших потомков. Аристотель оказал заметную услугу человеческому разуму, но чрезмерное почитание его авторитета долго тормозило развитие науки. История переходного периода от Средневековья к Новому времени полна любопытных примеров того, как ссылаясь на авторитет "философа" отвергали наблюдения, положившие начало современной науке.

Законное освобождение от авторитета древних может превратиться в незаконное предубеждение в пользу всякой новой идеи. По части накопления наблюдаемых фактов наше преимущество очевидно. То же относится к истинно экспериментальным законам, выражающим эти факты. Но если речь идёт о теоретических объяснениях, то новые теории — молодые; и долго изученные доктрины не следует легко отвергать под влиянием необдуманной страсти к новизне. Однако это иногда случается, особенно в эпохи интеллектуального кризиса, подобного нашему времени. Свободомыслящие чувствуют себя стеснёнными в рамках прошлого — это естественное движение жизни и фактор всякого прогресса. Но они ошибаются, если стремятся не увеличить интеллектуальное наследие

предков, а отвергнуть его. Разрыв с прошлым — это разрыв с человечеством и часто заблуждение в гордом уединении.

Исключительное изучение современной науки — ловушка слепой любви к новизне. Разве сегодня не встречаются новички в сфере философских поисков, столь увлечённые модным сенсуализмом, что, кажется, не знают или никогда не понимали успешных опровержений эмпиризма, данных Лейбницем и Кантом? Правило наших мыслей, как в философии, так и в других областях, не должно быть ни старым, ни новым, а истинным.

§ 98. Философия не должна подчиняться априорному теологическому допущению.
Философия — это исследование, основанное на наблюдении фактов и направленное на объяснение опыта через применение законов разума. Вмешательство какого-либо априори, кроме априори человеческого разума, уничтожает её сущность. Это произошло бы в Средневековье, если бы серьёзно применили во всех последствиях правило, что философия — служанка теологии (ancilla theologiae). На самом деле это происходило частично, и независимость мысли проявлялась с силой в эпоху Абеляра, Ансельма и других выдающихся мыслителей. Но само правило, насколько она развивала свои следствия, противоречила идее философии. Для характеристики средневекового состояния вещей надо сказать, что доминировал и ограничивал поиски спекулятивного разума теистический априори, навязанный в те времена преследованиями, доходившими до смертной казни, или в другие периоды — общественным мнением.

Философия, отрицающая существование Бога, долгое время считалась позором. В результате сильных реакций в истории мысли многие пытались навязать философии атеистическое априори или, по крайней мере, придать слову «философия» смысл, враждебный любой религиозной вере. Это случилось в XVIII веке под влиянием партии энциклопедистов. Тогда сформировалось мнение о людях, которых Жуффру характеризует как жадных новинок и «воспитанных в презрении к старому догмату». Презрение порой справедливо, но редко ведёт к свету. Сегодня многие материалисты отказывают в научной истинности всякому, кто верит в реальность духа. Оба упомянутых априори — теистический и атеистический — должны быть исключены из определения идеи философии. Общие научные исследования не должны опираться ни на что, кроме фактов и рассуждений — двух элементов, которые нужно соединить открытием истинных принципов объяснения явлений.

Некоторое время назад был остро поставлен вопрос: философия — это исследующая (инквизитивна) или демонстративная наука? Этот вопрос решается, как только правильно понять его суть. Философия демонстративна, как и любая наука, когда нужно установить истины, открытые собственным методом, но её цель — открыть эти истины, поэтому она по своей природе расследующая (инквизитивна). Абсолютное понимание демонстративного характера философии, то есть доказательство положений, предшествующих исследованиям, может быть только результатом смешения области философии и теологии в её узком смысле.

§ 99. Философия отличается от церковной теологии своим методом и содержанием.
Для развития этой темы и следующих двух см. «Философия и религия», том из серии «Малой библиотеки исследователя», изданный Артуром Иммером, Лозанна, 1887.

Под церковной теологией я понимаю науку, основанную на вере, которая является основанием существования церквей и отделяет эти конкретные сообщества от общества гражданского и общего. Чисто рациональные исследования религиозных вопросов составляют часть философии и иногда называются естественной теологией, но когда говорят просто «теология» без уточнения, обычно имеют в виду именно церковное богословие. Вера в сверхъестественное откровение — историческая основа почти всех

церквей и религиозных сообществ. Эта вера порождает догматы, которые преподаются с авторитетом, а задача собственно теологии — определить истинный смысл откровения. Поскольку вера — причина существования церкви и естественно является авторитетом, церковная наука, не предполагающая априори истины, полученной из веры, — абсурд. Теология, как наука церкви, исходит из априори веры, и это справедливо в общем.

Теология буддистов основывается на откровениях Сакьямуни, исламская теология — на Коране, христианская — на откровении, за которое христиане считают Иисуса из Назарета. Исследование религиозных истин, исходящее только из опыта и разума, относится, повторяю, к философии. Философия, как всякая серьёзная наука, признаёт три авторитета: опыт, разум и свидетельство (§ 49), но не признаёт догматов — утверждений, навязанных верой, предшествующей исследованиям. Вмешательство догм разрушает философию по существу. Можно попытаться свести теологию к философскому методу таким рассуждением: наука не может обойтись без авторитета свидетельства. Если доказать реальность божественных откровений, что и является задачей религиозной апологетики, то источники откровения становятся свидетелями фактов, выраженных догматами, и их слова должны приниматься, как утверждения компетентного свидетеля.

Этот довод был бы справедлив, если бы реальность божественного свидетельства могла быть установлена интеллектуальными методами, общими для всех исследований. Но это не так. Религиозная вера, объединяющая членов церкви и являющаяся содержанием церковной науки, хотя частично и опирается на разум, всегда включает личный и моральный элемент, отличающийся от простой работы интеллекта. Аргументы апологетов имеют значимость, которую я не намерен отрицать, но легко заметить, что в формировании религиозной веры сердце, совесть и воля играют большую и почти всегда решающую роль. Потребности сердца и совести, акты воли сохраняют личностный характер и не могут иметь общего значения, присущего опыту, лежащему в основе чистой науки без догматических априори.

Отсюда философия и церковная теология различаются методами, так как свободная и общая наука отличается от науки, исходящей из предпосылок и стремящейся только определить их смысл. Когда теолог заявляет, что не признаёт никакой авторитет, можно законно призвать его считать себя философом; а если философ ссылается для обоснования доктрины на религиозный авторитет — его следует направить на учёбу в богословские аудитории. Эти две науки, различающиеся методами, отличаются также и содержанием. Философия и теология имеют много общих вопросов — важнейших для человеческого разума: природа начала Вселенной, природа человека и его судьбы — входят в программу, которую обе науки решают своими методами.

Теолог пытается определить истинный смысл священных текстов, философ — ищет решение через свободное использование разума. Но вера, лежащая в основе теологии, ставит проблемы, чуждые философии. Например, в христианстве — вопросы о природе Христа, которые, в том виде, как их рассматривает теология, предполагают предварительное утверждение о божественном откровении в лице Сына Марии. Таким образом, философия отличается от теологии, и вопрос подчинения одной науки другой не стоит. Подчинение философии теологии — это отрицание её фундаментального характера. Подчинение теологии философским исследованиям — это признание того, что откровение, считаемое божественным, подлежит контролю человеческого разума, что по сути есть отрицание сверхъестественного происхождения догмы, признанного верующими. Поэтому необходимо делать принципиальное различие между теологией и философией, но это различие не означает разделения, и вот почему...

§ 100. Религиозные догматы содержат учения, которые для философии являются гипотезами для исследования.

Как мы уже видели, мы называем догматом утверждение, принятое в силу его происхождения как божественного. Учением же называется утверждение, лишённое такого характера и, следовательно, подлежащее свободному исследованию мысли. Поскольку теология и философия касаются общих вопросов, догматы содержат решения философских проблем. Брахманизм, буддизм, христианство — все теологии по-своему решают вопросы, поставленные спекулятивной мыслью. Однако в этом отношении возникла одна из самых странных ошибок: утверждение, что религия — дело чувств, которое не даёт ответов на философские вопросы.

Например, говорили, что истинная религия не нуждается в догматах, потому что сводится к любви к Богу и ближнему. Однако для этого достаточно хотя бы среднего уровня размышления, чтобы понять, что существование Бога, которого нужно любить, — это догмат первостепенной важности, а качество «ближнего», приписываемое всем людям, — второй догмат не менее важный. Любовь, конечно, — чувство, а не идея; но, как только мы определяем её объект, мы приходим к догматическим определениям. Невозможное разделение религиозной жизни и учения — результат попыток, произошедших внутри протестантизма при обстоятельствах, легко прослеживаемых. Это следствие национального и юридического характера религиозных общин, возникших из большой кризисной ситуации XVI века.

Сначала религиозная принадлежность и гражданское состояние индивидов смешивались в том смысле, что каждое государство имело свою религию, к которой необходимо было принадлежать, чтобы пользоваться гражданскими правами. Были католические государства, лютеранские, англиканские, реформатские. Когда была установлена гражданская свобода мнений, статус гражданина и члена церкви остался смешанным, как прежде. Вследствие этого появились национальные церкви, которым не следовало иметь учений, так как они считались собственностью всех, и мнение каждого провозглашалось свободным. На самом деле идея церкви без общей веры — абсурд, ведь единственная причина существования церкви — это исповедание общей веры. Чтобы скрыть это противоречие (произошедшее сознательно или бессознательно), некоторые теоретики протестантизма выдвинули мысль о существовании христианства, способного объединять людей общей религиозной жизнью при отсутствии общепринятого учения.

Но если поклонение — часть религиозной жизни, оно предполагает существование и совершенство принципа мира. Если молитва — часть религиозной жизни, она предполагает возможные отношения между людьми и Богом. Если надежда на жизнь после смерти — часть религиозной жизни, она предполагает, что душа переживает распад тела. Если покаяние — часть религиозной жизни, это чувство предполагает реальность морального закона и свободу воли человека. Это учения, без которых выражение религиозной жизни теряет всякий значимый смысл, и эти учения содержат конкретные решения самых важных философских проблем. Учения, включённые в догмат, могут быть отделены и подвергнуты рациональному анализу. Хотя с философской точки зрения они не обладают авторитетом, они могут оказывать законное влияние на мышление (§ 57). То, что является догматом в вере, становится в философии гипотезой для исследования, и если результат исследования положителен, устанавливается согласие философии и религии без игнорирования их различий.

§ 101. Метод философии тот же, что и у всех полноценных наук.

Под полноценными науками я понимаю объяснительные науки, в отличие от чисто экспериментальных наук, которые лишь координируют данные опыта, и от чисто рациональных наук, имеющих лишь инструментальное значение (§ 14–18).

Распространённое предубеждение приписывает одной группе наук один метод, а философии — другой. То, что обычно считают методом философии — априорное построение, метод, применимый лишь к чисто рациональным наукам, в которых нет фактической реальности. Как только речь идёт о фактах, всякое априорное построение вводит мысль в заблуждение. Из-за отождествления философии с рационализмом её дело страдает, но когда речь идёт об экспериментальной реальности, рационализм — ложный метод для всех человеческих исследований без исключения (§ 44).

Все науки прошли хотя бы часть своего развития, используя этот неверный метод. Физика древних греков была априорной, как и их метафизика. Отделившись от преждевременно принятой системной концепции мира и опираясь на наблюдение фактов, науки сформировались и достигли прогресса. Это важнейший признак современной мысли, который часто приписывают исключительно влиянию Бэкона. То, что сделали физика, химия, зоология, и что сегодня делает антропология — то, что философия должна сделать, если хочет стать позитивной наукой, отказавшись от построений, которые часто являются лишь мечтами. Философия должна отделить себя от плохого метода и признать, что априори разума, условие всякого знания, не является источником знания о фактах. Её прогресс зависит от этого.

Существует множество предметов знания, но нет двух способов научно познать один и тот же предмет. Когда речь идёт не только о фиксации непосредственно воспринимаемых явлений или первичных данных разума, но и об объяснении фактов, метод всегда один и тот же по своим основным элементам: зафиксировать, предположить, проверить (§ 45). Поскольку философия — наука объяснительная в высшей степени, нужно лишь определить, как именно эти три операции мысли — общие для всех исследований человеческого разума — приобретают для философских исследований особый характер.

§ 102. Результаты частных наук — предмет философского наблюдения.
Философия не наблюдает напрямую частные факты, но она исходит из результатов, достигнутых частными науками, которые сгруппировали эти факты и объяснили их, по крайней мере, частично; именно это делает философию возможной (§ 87). Что для частной науки является фактом, а для определённого направления исследований — истинно доказанной теорией, то же самое для философии. Таким образом, существует реальная солидарность между частными науками и общей наукой (§ 89). Открытие Коперника оказало значительное влияние на представление о материальном мире. В физике доктрина инерции, пришедшая на смену идеям о «аппетитах» и «добродетелях» материи, которые ещё защищал Бэкон, глубоко изменила основы философии.

В биологии, если обсуждения о трансформизме когда-нибудь придут к действительно научному и общепринятому решению, у нас появится новая основа для общего толкования явлений жизни. Можно привести ещё много примеров, например, показать, что результаты исторических исследований не чужды решению проблемы цели или предназначения вселенной. Таким образом, основа наблюдения для философии состоит из всех достоверных теорий, которые дали объяснения различным классам явлений. Перейдём теперь к гипотезе.

§ 103. Основная гипотеза философии — определение первопринципа.
Это прямое следствие цели философии. Поскольку эта наука стремится к нахождению единого принципа, который объясняет всю совокупность опыта (§ 83), ясно, что попытка определить такой принцип есть её основная гипотеза. Все остальные гипотезы, которые обязательно появятся в ходе исследования, будут второстепенными и должны быть связаны с этой первичной гипотезой. Определение первопринципа должно, чтобы не остаться бесплодным, содержать элемент опыта, так как только опыт даёт контакт с реальностью, и

чисто идейная концепция не может объяснить ни одного факта (§ 16). Философские гипотезы, как и любые другие, должны проверяться без влияния их происхождения на оценку (§ 57). Поэтому ошибочно противопоставлять философию и традиционные данные, в общем, и абсолютном смысле, как это часто делают.

Природа философии отвергает любую авторитетность традиции — это истинная сторона позиции Декарта. Но когда Декарт смешивает два принципиально разных понятия — независимость философской мысли и её изоляцию — он ошибается весьма серьёзно. Изоляция, в которую он верит, что помещает себя, опираясь только на «чистый» разум, — иллюзорна. Он мыслит посредством слова, а слово вносит в его мышление, сам того не замечая, элементы традиции. Легко убедиться в этом, заметив, что, как только он употребляет слово «Бог», он соединяет с этим термином представления, которые не вытекают из его посылок, а являются результатом воспитания. Навязанная традиция уничтожает философию в её самой сущности; но отказ принимать традиционные данные к рассмотрению — результат эмпирического или рационалистского понимания науки.

Правильное понимание истинного научного метода показывает, что решения универсальной проблемы, заложенные в традиции, должны быть подвергнуты такому же анализу, как и индивидуальные концепции (§ 100). История частных наук показывает пользу знания традиционных идей. Коперник говорит, что семя своей теории он нашёл в трудах древних авторов; Френель явно признаёт, что, заменяя доктрину эмиссии волновой теорией света, он предлагает не собственное изобретение, а учение, найденное в трудах учёных, ценность которых в его время недооценивали. Что справедливо для частных наук, справедливо и для философии. Решения универсальной проблемы, заложенные в традиции, с научной точки зрения являются гипотезами для исследования; отказаться от этого — значит не взглянуть в определённом направлении, где можно найти свет.

§ 104. Характер философской дедукции зависит от принятой гипотезы об определении принципа вселенной.

Любая дедукция происходит по правилам логики; но философские объяснения в целом существенно различаются в зависимости от того, понимается ли принцип вселенной как допускающий или не допускающий свободу. Если допустить, что все вещи вытекают из принципа с необходимыми проявлениями, то разум будет стремиться построить систему посредством чисто априорной дедукции. Такое понимание науки характерно для Спинозы и Гегеля. Здесь не ставится задача оценить ценность их построений, а лишь указать их характер. Спиноза утверждает, что из принципа вселенной «все вещи необходимо вытекают или непрерывно вытекают с одинаковой необходимостью, так же как из природы треугольника вечным образом следует, что сумма его трёх углов равна двум прямым».

Таким образом, приёмы математических наук становятся приёмами философии. Поэтому Спиноза в подзаголовке своей главной книги сообщает, что его учение изложено «по геометрическому порядку» (ordine geometrico). То же самое относится к систематической конструкции Гегеля и ко всем доктринам, ищущим решение универсальной проблемы в логической необходимости. Если же концепция первопринципа допускает свободу, то в данных науки окажутся факты, которые могут стать понятными при знании их причины и цели (§ 36, 37), но не поддаются априорному определению. Можно сформулировать главнейший вопрос философии так: «Являются ли факты выражением идей или же идеи выражением фактов?» Основа всей науки — логика или история? Если принцип вселенной — необходимость, и его проявления понятны, объяснение мира целиком в логике. Если существует свобода — в самом принципе мира или в мире — установление фактов является основой науки, а логика, делающая факты понятными, объясняет явления, но не может их предопределить. Так объясняется утверждение, что характер философской дедукции в целом зависит от представления о вселенском принципе.

§ 105. Реальности всех порядков служат контролем философской гипотезы.
Это утверждение непосредственно вытекает из общности философской проблемы (§ 77). Данные наблюдений, являющиеся необходимой основой всякой серьёзной теории, составляют элементы проблемы, которую нужно решить, и, следовательно, контроль предложенных решений. Все вещи тесно связаны в универсальной гармонии; но частные науки изолируют свои объекты в той или иной степени, и эта специализация — необходимое условие их прогресса. Законы, установленные физиками и химиками, проверяются на определённом классе фактов. Физик как таковой не обязан учитывать моральные явления; моралист не должен применять геометрию для проверки своих гипотез. Но когда речь идёт об универсальной проблеме, факты всех порядков и частные науки, которые их выражают, естественно становятся частью проверки гипотез, как они были частью наблюдений, при которых гипотезы возникли.

Учёные, занятые частными исследованиями, нередко приходят к мысли, что учения о первопринципе остаются в области индивидуальных догадок, формируемых каждым согласно своим чувствам и воображению, и что они не поддаются настоящей научной проверке. Однако такой взгляд не обоснован. В частных науках, когда речь идёт не о простой фиксации фактов, а об их объяснении, теория не проверяется немедленно, а получает ценность пропорционально степени соответствия её следствий экспериментальным данным. Так обстоит дело, например, с эфиром — физик не воспринимает эфир непосредственно, но принимает его существование, поскольку только предположение о его реальности позволяет объяснить явления света, тепла, электричества. Точно так же и с философскими гипотезами: они могут проверяться лишь путём сопоставления их последствий с экспериментальными данными.

Философию называли королевой наук. Если использовать эту метафору, следует сказать, что эта королева занимает трон конституционной монархии, в противоположность деспотизму, характеризующему претензии априорного метода. Философия служит частным наукам настолько, насколько они служат ей — условие хорошего управления. Её величие в услугах, которые она оказывает, и она оказывает их лишь в той мере, в какой остаётся подчинённой законам научного метода. Можно сказать, применяя одну из высоких истин морального порядка: гордость — её слабость, сила — в смирении. Только опыт даёт подтверждение теориям философов; но важно не забывать, что при проверке этих теорий должны участвовать экспериментальные данные всех порядков.

§ 106. Философия должна принимать во внимание естественные тенденции человеческого сердца.
Довольно часто бывает так, что тенденции сердца отодвигаются за пределы науки, как будто они не представляют собой фактов, важность которых хотя бы равна важности движения химических молекул или проявлений жизни насекомого. Теолог Штраус писал: «Полезность идеи ничего не доказывает, когда речь идёт о том, истинна ли она». Мне вспоминается, что я читал у одного французского писателя, господина де Ремуза, если я не ошибаюсь, утверждение, что наши желания ничего не доказывают, потому что, чтобы законно сделать вывод из наших желаний, надо прежде доказать, что мир устроен так, чтобы нам нравиться. В целом часто естественные тенденции сердца оставляют в стороне философы, относя их к делам чувств, эмоций и т. п. Разумеется, речь здесь не о фантазиях, капризах, индивидуальных желаниях, вызванных частными интересами, а об основополагающих элементах человеческого духа.

Например, желает ли человеческое сердце радости? Несомненно. Все надежды — это стремление к радости, а пессимизм — яркое свидетельство врождённого желания счастья, которое не удовлетворяется. Это факт, надлежащим образом установленный, и это один из важнейших элементов философского анализа, первоочередная данность, объяснение

которой должна искать синтезирующая мысль. Из инстинктивного желания счастья нельзя сразу делать какие-то выводы; но это факт, который общая наука не может оставлять в стороне без ущерба для себя. Если натуралист, внимательно наблюдающий за движениями муравья или лягушки, не учитывает тенденции человеческого сердца, то в этом нет ничего возражаемого, если он остаётся в рамках своей дисциплины. Но стоит ему ступить на территорию философии, как он уже не вправе исключать желания и чувства человека из своего исследования. Тем не менее, так поступают, и создают системы на основе узкого и неполного рассмотрения явлений.

§ 107. Философия должна принимать во внимание данные нравственного сознания.
Известный представитель современного материализма написал: «Истина стоит выше всех божественных и человеческих вещей... Позволим себе абстрагироваться от всяких вопросов морали и пользы... Единственная точка зрения, которой мы руководствуемся, — это истина». Мы уже видели, что чувства отодвинуты в сторону; теперь вот нравственное сознание исключено за границы науки. Важно заметить, что упомянутый автор не отрицает существование тех явлений, которые мы называем моральными, и вопросов, которые эти явления порождают, раз он их обозначает, чтобы исключить. Противопоставление пользы и поиска истины бывает уместным, когда речь идёт о частных интересах; но отделять мораль от поиска истины — значит исключать из основы и одновременно из контроля философских теорий целый класс фактов, которые, однако, приходится признавать.

Я не буду здесь доказывать реальность факта морального долга и специфический характер этого факта; отмечу лишь, что авторы, отрицающие теоретически реальность моральных фактов, чаще всего приходят к тому, что вводят мораль в системы, которые по сути её отвергают, и предоставляют добродетели место, которое логически не могут обосновать. Так, барон д'Ольбах в своей «Системе природы» начинает с утверждения, что во Вселенной существует только материя в движении, а заканчивает книгу гимном природе и добродетели, «одной из её прекраснейших дочерей». Если не выделять место для всех фактов, навязанных мышлению, в основе и в контроле философских теорий, возникают странные противоречия.

Шарль Секретан справедливо говорил: «Серьёзная философия не выбирает факты. Её долг — охватить их все беспристрастно. Она не может считать свою задачу выполненной, пока не примет и не согласует все их в одном и том же мышлении. Жертвовать одними ради других — это произвольный приём». Особая наука всегда остаётся неполной, даже относительно своего предмета, из-за связей между всеми элементами Вселенной; но, как особая наука и в силу необходимости анализа, навязанного слабостью нашего мышления, она выполняет свою задачу, изолируя и рассматривая отдельные ряды фактов. Но пренебрегая некоторыми рядами фактов, философия искажается в самой своей сути, которая есть универсальность. В одной из своих ранних работ господин Тэн объясняет, что для вхождения в сферу философии нужно разделить себя на две части: обычного человека и философа.

Обычный человек живёт в обществе, старается не причинять вреда, быть полезным, имеет понятие о моральных обязанностях. Другой человек, которому только позволено заняться философией, не знает, что общество существует. «На самом деле, это не человек; это инструмент, обладающий способностью видеть, анализировать и рассуждать». В этом весьма занятном и поучительном отрывке ясно видна ошибка, которую я отмечаю. Кто же этот философ, желающий забыть, что он человек, как будто живой и цельный человек не является первоочередной данностью для изучения универсальной проблемы?

Здесь важно различать две принципиально разные установки мышления: философский дух и систематический дух. Философский дух сочетает общность с тягой к единству (§ 78, 83).

Философ, осознающий требования своего поиска, примет в качестве принципа единства только ту концепцию, которая сможет вместить совокупность всех наблюдаемых явлений. Систематический дух — это склонность жертвовать частью данных опыта ради поиска единства, погружаться в созерцание одного из элементов Вселенной, восклицая: «Вот оно всё!». Поиск единства — это принцип всех научных успехов; но, повторяю, слишком поспешный и слишком низкий поиск единства является источником главных заблуждений мышления.

§ 108. Практические последствия философских систем — один из основных элементов их оценки.
Это утверждение вполне очевидно, если признать, что философия не может исключать моральные явления. Нужно отметить, что последствия систем дают не только объяснения установленных фактов, но и, в области, где проявляется свобода человека, — руководящие принципы действий (§ 92). Задавать системе вопрос о том, какую мораль она порождает, чтобы понять, согласуется ли эта систематическая мораль с данными совести, — это законный вопрос. Представлять философию как независимую от её практических последствий и противопоставлять науку и жизнь как два абсолютно разных порядка — значит отрицать реальность жизни или не признавать общность науки. Разумеется, речь идёт всегда о связи систем с элементами человеческой природы, а не о подчинении науки особым чувствам и частным интересам.

ПОСТУЛАТЫ ФИЛОСОФИИ

§ 109. Идея первого принципа — постулат философского поиска.
Любое исследование предполагает наличие объекта в мысли исследователя. Что касается объекта философии, мышление может занимать три позиции: отрицание, сомнение, утверждение (§ 85). Отрицание существования универсального принципа встречается редко; однако вот что читаем в трудах одного современного автора: «Мир таков, каков он есть, и он существует, потому что существует; всякая иная причина его существования — лишь софизм или иллюзия». Итог такого взгляда — мысль остаётся перед миром с его множеством явлений, не поднимаясь до рассмотрения принципа, которому мир обязан своим бытием и который обеспечивал бы его единство. Автор этих строк не только отказывает человеческому разуму в возможности постичь универсальный принцип и определить его, но и утверждает, что мир существует просто потому, что он существует, то есть бесконечное множество существ имеет причину своего бытия в самом себе. Наука должна фиксировать множественность, не стараясь свести её к единству — это прямое отрицание реальности объекта философии.

Абсолютный скептицизм древних исчез (более или менее) и уступил место, как мы видели, позитивизму современных (§ 69). Сомнение, отступая из области физических и естественных наук, с удвоенной силой устремляется к истинам духовного порядка, особенно к теориям, касающимся первого принципа. Правда, позитивизм порождает в себе утверждение материализма, что часто вытекает из него; но если придерживаться его официальной программы, он лишь координирует факты, не утверждая и не отрицая ничего за пределами опыта. Официальный позитивизм не материалист, не идеалист, не теист и не атеист; он просто заявляет, что об универсальном принципе мы ничего не знаем и не можем знать. Существуют и другие способы оспаривания роли разума в философских спекуляциях.

Мистицизм признаёт существование первого принципа, но отказывает разуму в возможности к нему добраться, и ищет сверхрационального единения души с Богом в мистическом экстазе. Критицизм Канта приводит к утверждению существования первого принципа, но опирает это утверждение на моральные основания, которые он объявляет чуждыми науке. Мистицизм и критицизм можно считать формами скептицизма — не в абсолютном смысле, а

в философском, так как философия претендует на рациональное изучение вопроса о первом принципе. Достаточно здесь отметить, что отрицание существования первого принципа и отрицание возможности его рационального определения — тоже философские позиции, поскольку они направлены на этот принцип как на объект, и идея этого принципа остаётся их постулатом.

§ 110. Реальность первого принципа — постулат философских систем.
Если идея первого принципа — постулат философского поиска, то реальность этого принципа — постулат систем (§ 85). Действительно ясно, что всякая попытка определения предполагает реальность объекта. Древние греческие философы исходили из мысли о существовании первого принципа; доказательство этому — их более смелые, чем мудрые, попытки уточнить его природу. Исторически интересно, насколько их вера в первый принцип была прямым проявлением разума, а насколько результатом влияния Египта или Индии, возможно, древнейших религиозных традиций человечества. Этот вопрос интересен, но не важен для текущей темы. В любом случае остаётся фактом, что разум, проявляющий себя в истории, ориентирован на единство.

Нельзя прямо доказать существование первого принципа, можно лишь показать, что работа разума, результатом которой являются философские системы, предполагает это существование. В общем случае можно показать, что разум предполагает, но как доказывать? Демонстрации строятся на рассуждениях; рассуждение предполагает ценность разума. Пытаться доказать ценность разума — значит допустить, что разум хорош, поскольку им пользуются; а ценность разума — это как раз тот вопрос, который ставится, значит, мы заранее предполагаем то, что хотим доказать — явное круговое умозаключение.

Несправедливо обвинять Декарта в круговой логике, когда он доказывает существование Бога через разум и ценность разума через существование Бога. Декарт утверждает, что естественная вера в разум предполагает скрытую веру в доброту принципа вселенной, ведь без этой веры мы могли бы допустить, что обречены на ошибку даже в самых ясных и чётких понятиях. Если бы принцип мира был злым, он мог бы наслаждаться нашим заблуждением. Декарт не доказывает ценность разума, а показывает, что разум предполагает. Это не две демонстрации, замыкающиеся в круг, а анализ, выявляющий постулат, ценность которого трудно оспорить.

§ 111. Трансцендентные понятия разума содержатся в постулате философии.
Трансцендентные понятия — это такие, которые по своей природе выходят за пределы любого настоящего или возможного опыта и не могут быть результатом индукции или аналогии. К таким относятся идеи, выражаемые словами «бесконечный», «абсолютный», «необходимый», «вечный». Изучение этих понятий и связанных с ними суждений относится к метафизике; здесь же нужно лишь показать, что они содержатся в постулате философии, потому что логически следуют из идеи абсолютного единства, то есть уникальности универсального принципа. Речь не идёт о высказывании утверждений о реальности вещей, а только о констатации логической связи между мыслью об абсолютном единстве и другими трансцендентными понятиями. Каково бы ни было мнение о ценности этих понятий, их взаимосвязи, которые разум неизбежно улавливает, остаются в любом случае.
Единство — бесконечно; то есть, предполагая существование единого существа-принципа, следует признать, что бесконечность — один из его признаков. Ведь если бы оно было ограничено, то только другим существом, что разрушило бы его единство. Нельзя считать его ограниченным ничем (небытие), поскольку любое ограничение — это действие, а приписывать действие небытия — явное противоречие. Это основа аргументации Парменида.

Единство — абсолютно, то есть без первичных отношений, вытекающих из природы вещей. Ведь всякое отношение — это связь, а связь предполагает несколько элементов; а идея нескольких элементов несовместима с представлением абсолютного единства.

Единство — необходимо, в метафизическом смысле, где «необходимо» значит существующее само по себе, без внешней причины. Если существует единое существо, оно должно существовать само по себе, ибо если бы оно зависело от другого, то не было бы первичным единством, а существование его означало бы дуализм.

Единство — вечно. Если бы оно начало существовать, то либо без причины (что отрицало бы один из основных законов разума), либо от другого существа, что несовместимо с идеей единства. Здесь, повторяю, речь идёт об изучении логической связи идей и констатации того, как трансцендентные понятия связаны с идеей абсолютного единства, без высказываний о реальности вещей.

Первая из указанных пропозиций — обратима. Утверждение единства ведёт к утверждению бесконечности, и утверждение бесконечности ведёт к утверждению единства, поскольку идея двух бесконечностей противоречива: одна ограничивала бы другую по протяжённости. Остальные пропозиции такой обратимости не имеют. Единство абсолютно, необходимо и вечно; но существование нескольких существ с вечной, абсолютной и необходимой сущностью не ведёт к противоречию. Это предположение означало бы отрицание единства, но нельзя утверждать, что вечное должно быть единым в том же смысле, как можно утверждать, что бесконечное обязательно едино.

ПРОГРАММА ФИЛОСОФИИ

112. Полная философия состоит из трёх частей: анализа, гипотезы и синтеза.
Знание объекта, который не является абсолютно простым, всегда предполагает анализ и синтез. Предположим, что я хочу понять устройство и движение часов: сначала необходимо отделить их части либо физически, либо хотя бы мысленно, и рассмотреть их по отдельности. Затем нужно понять отношения между этими частями, которые были установлены часовщиком с целью достижения определённой функции. Отделение частей — это анализ часов, их соединение — синтез. Эти два метода присутствуют во всех науках. Лавуазье определял химию как науку анализа; М. Бертело справедливо заметил, что это определение неполное. Ведь химик не только разлагает природные тела, но и восстанавливает их, а иногда даже создаёт с помощью определённых комбинаций тела, которых в природе нет. Поэтому один из трудов Бертело получил название «Химический синтез».

Всегда или почти всегда понимали, что философия, как и любая наука, включает аналитическую и синтетическую части. Кондильяк иногда, кажется, думал, что все науки могут возникнуть из простой аналитики ощущений, и абсолютный рационализм основывался бы на мысли, что человеческий разум может сразу приступить к синтезу, пользуясь лишь данными разума. Но, помимо этих крайних взглядов, всегда признавали необходимость анализа фактов для философии; синтез, осуществляемый посредством рассуждения, — цель всех научных попыток. Правда, истинное понимание науки было искажено под влиянием рационализма и эмпиризма (§ 44), и забыли о необходимом вмешательстве гипотезы между данными анализа и построениями синтеза. Признавать три части философии — это лишь непосредственное следствие самой идеи науки (§ 14) и теории метода (§ 45). Анализ отвечает за констатацию, а только синтез позволяет оценить ценность гипотез, на которых он строится.

§ 113. Цель философского анализа — различить элементы, из которых состоит мир.
Логика Порт-Рояля учит, что наука должна стремиться определить простые элементы вещей, что в любом поле знаний и есть анализ. Химик ищет простые тела; физиолог стремится определить элементарные ткани и их свойства; учёный, изучающий социальные явления, пытается выделить, насколько возможно, элементы общества: политику, религию, искусство, промышленность и т.д. Для философа объект анализа — мир в целом (§ 77). Отсюда необходимость обзора всех частных наук. Началом философского исследования становится классификация наук, которая не ограничивается формальным их разграничением, но указывает на их общие результаты — данные, которые каждая из них даёт для изучения универсальной проблемы. Было бы желательно, чтобы этот проект, задуманный Ампером (§ 93), был реализован человеком с необходимыми качествами; таких, к сожалению, мало.

Эта работа требует множества синтезов, так как любая частная наука одновременно аналитична и синтетична; но поскольку общая цель — выяснить истинные элементы вселенной, я называю эту первую часть философии, вытекающую из её всеобщности, «анализом». После разложения должно наступить воссоединение; после анализа — синтез; но принцип синтеза не вытекает из простого рассмотрения фактов и не дан априори, что делает гипотезу необходимой.

§ 114. Выбор философской гипотезы требует краткого обзора истории философии.
Декарт, чтобы построить науку, претендовал на то, чтобы забыть всё, что он знал, отказаться от изучения мыслей предшественников и обратиться лишь к чистому разуму. Эта претензия не оправдана (§ 103). Картезианский индивидуализм мог быть полезен как реакция против злоупотребления теологической авторитетностью и авторитетом текстов Аристотеля; но Декарт, обладая справедливым чувством независимости философии, пришёл к изоляции там, где следовало бы ограничиться изучением. Пренебрежение историей идей, естественно возникавшее в его школе, может иметь неприятные последствия. Разные философские гипотезы — результат значительных трудов гениев. Неблагоразумно игнорировать эти работы, которые могут ярко прояснить ценность долго разрабатываемых доктрин. В этом отношении философов по истории их учений можно разделить на две группы.

В первую входят создатели, или инициаторы, внесшие в науку зерна истины, которые сохраняются. Среди них Пифагор, Сократ, Платон, Аристотель, Декарт, Лейбниц, Кант. Во вторую — чрезмерно логичные мыслители, у которых нельзя сказать, что они открыли элементы истины, но которые с непреклонной строгостью вывели последствия из некоторых слишком узко рассмотренных принципов. Среди них Парменид, Гоббс, Спиноза, Юм, Гегель. Их работы не бесполезны: они ярко освещают принципы, чьи последствия раскрывают, позволяют оценить их ценность и вызывают реакцию против теорий с абсолютным характером, очевидно ошибочных. Однако эти работы не входят в развитие позитивной части науки. При этом речь идёт о систематической концепции философов, а не о всём объёме их трудов. Ум гения обычно шире собственной системы, поэтому в трудах философов, чьи системы признаны ложными, можно найти много правильных, важных и плодотворных идей.

Отказавшись от систем Спинозы, Гоббса или Гегеля, нельзя утверждать, что их труды не содержат полезных истин. Ошибка их фундаментальной концепции не мешает им вносить ценный вклад в построение науки. История философии имеет важное значение для самой философии, так как знакомит с гипотезами, предложенными для решения универсальной проблемы, и даёт средство оценить эти гипотезы по их последствиям. Это не значит, что философию можно построить на истории, как хотел Виктор Кузен в эпоху господства эклектизма. «Брать истину откуда угодно» — полезный метод, но выбор требует правила

оценки, не выходящего за пределы объектов выбора. Очевидно, что чтобы собрать рассеянные лучи истины, нужно иметь более или менее чёткое, но реальное представление о том источнике, откуда эти лучи исходят. Когда разум сталкивается с разными философскими гипотезами, он может сделать предварительный выбор, как и во всех науках, и затем должен проверить его с помощью попытки синтеза (§ 56).

§ 115. Философский синтез — попытка объяснения данных анализа.
Так же, как философский анализ берёт в основу не все детали фактов, а результаты частных наук, так и синтезу достаточно объяснить, насколько это возможно, результаты этих наук (§ 87). Науки, которые в анализе служили для констатации фактов, снова появляются в синтезе с попытками объяснить их общие результаты. Изучение отдельного класса существ, если стремиться к максимальной полноте, состоит из аналитической (экспериментальной) и синтетической (рациональной) частей. Эта вторая часть частной науки и есть её философия. Возьмём зоологию. Всё, что относится к описанию, классификации животных, к выяснению их функций — это экспериментальная часть науки. Рассуждения о природе жизни, месте животного царства в целом мире, о целевых связях, которые могут связывать этот мир с неживой природой и человечеством, — всё это может быть лишь философским представлением. Эти две части исследования различны, но объединяются, если цель — изучить всё, что касается животного мира.

Поскольку результаты синтеза всегда должны подвергаться проверке опытом, синтез служит проверкой гипотез. Последствия систем в разных сферах составляют важную часть их оценки (§ 108). Поэтому историческое влияние различных доктрин на науку, мораль, общество входит в сферу синтеза. Философские выводы не обладают прямой достоверностью, как математические; их ценность всегда условна. Если вывод согласуется с фактами, гипотеза, с которой он начинается, оправдана в той мере, в какой совпадение наблюдается. Если вывод не соответствует данным опыта, гипотеза признаётся ложной — при условии, что вывод сделан правильно, поскольку гипотеза может быть истинной, а вывод ошибочным. Это связано с тем, что философия — наука объяснительная и стоит в ряду таких же наук. Проиллюстрируем примерами.

Предположим, что определение первого принципа влечёт вывод: физический мир устроен ради живых существ. Это тезис телеологии (целесообразности). Если считать, что природа подтверждает его, то возникает благоприятное предположение в пользу принципа, от которого этот тезис исходит. Другой пример: если из определения первого принципа следует, что в мире нет никакого элемента свободы — это классификационный тезис. Если есть достаточные основания утверждать наличие свободы, тезис считается ложным, что создаёт неблагоприятное предположение для принципа, из которого он следует. Разницу между результатами анализа и синтеза можно наглядно представить сравнением.

Представим человека, помещённого в тёмное помещение, которое он исследует на ощупь — данные касаний соответствуют просто аналитическому и экспериментальному знанию. Если в помещение пустить свет — это объяснение, приходящее к разуму в виде синтетических представлений. В освещённом помещении могут оставаться тёмные уголки; одна из функций света — делать тьму видимой. Так же научные объяснения могут быть неполными, развитие разума показывает нерешённые проблемы и сохраняющиеся тайны. Признание этого — признак благоразумия и честности мысли. Вера в объяснение того, что на самом деле не объяснено, — опасность поспешных синтезов, являющихся результатом неполного анализа.

§ 116. Философский синтез должен не только объяснять, что есть, но и определять, что должно быть.
Одна из самых верных и плодотворных идей Бэкона — мысль, что наука должна быть деятельной, и что наша сила соответствует нашему знанию. В этом смысле предсказания лорда Кенселя (канцлера Англии) с триумфом осуществились. Физика дала нам не только объяснение природных явлений, но и средства использовать силы природы; благодаря паровой энергии и электричеству возникли чудеса современной индустрии. Если философский анализ зафиксировал в человеке элемент свободы, то применение этой свободы ставит вопросы о том, что должно быть, и эти вопросы явно связаны с определением первого принципа (§ 92). В философском синтезе, если допустить свободу хоть в какой-то мере, появятся рассуждения как об индивидуальной морали, так и об организации общества.

Определение «что должно быть» в моральном смысле совершенно отличается от притязания систем, которые не признают свободу в мире и считают возможным с точностью предсказать, что будет. Идея «что должно быть», то есть законное правило свободных воль, и идея того, что «что будет» необходимо вследствие развития принципа без свободы, — абсолютно различны. Первая — основа морального порядка, вторая — его прямое отрицание. Будущие прогнозы по философии должны основываться на учёте природы самой исследовательской деятельности, составляющей эту науку.

§ 117. Философское исследование естественно для человеческого духа.
Чтобы понять, что является естественным, недостаточно рассматривать лишь текущее состояние. Всё, что происходит в развитии существа без внешнего воздействия, но через проявление его собственной внутренней потенции, является естественным и врождённым. Некоторые деревья из тёплых стран в наших климатах обычно не дают цветов и плодов. Если наступит исключительно тёплое лето, эти деревья зацветут. Конечно, тепло — не единственная и не полная причина цветения, оно лишь необходимое условие для проявления внутренней природы этих деревьев. Так и в значительной части человечества философия не существует как научное исследование; но там, где развивается цивилизация, она появляется. Пробуждение философии у немногих, при наличии благоприятных условий, доказывает её потенциальное существование у всех.

Кроме того, за пределами интенсивной интеллектуальной культуры встречается, если не сама философия в чистом виде, то хотя бы её зародыш. Дети иногда задают вопросы, которые при изучении приводят к самым глубоким проблемам метафизики. Высокая любознательность мысли почти полностью отсутствует у дикарских племён; однако даже на низших ступенях цивилизации бывают отдельные индивиды — свидетели истинной природы человеческого духа, чьё развитие подавлено заботами о телесной жизни. Так, г-н Казалис приводит пример басуто, который мучительно задавался вопросами о причине явлений мира, так как не мог найти ответов. Он также упоминает другого аборигена, который часто плакал из-за того, что не знал, почему существует мир, откуда он сам пришёл и куда идёт.

Подобные случаи исключительны, как отмечает сэр Джон Лаббок; но именно здесь можно сказать, что исключение подтверждает правило. Идея искать причину мира и его судьбы — это не мысль, которая могла бы прийти извне; её должен производить сам человеческий дух. Вот что я хочу сказать, утверждая, что философское исследование естественно человеческому разуму. Вопрос в том, является ли это исследование, будучи естественным, лишь временной характеристикой, как цветок, который имеет временное значение по отношению к плоду, для производства которого он предназначен. Позитивисты не отрицают естественности философского поиска у человеческого духа, но утверждают, что после проявления он должен исчезнуть в ходе регулярного развития мысли, уступив место

позитивной науке, то есть простой координации фактов. Это утверждение будет справедливо отвергнуто, если удастся обосновать следующую тезу:

§ 118. Вопрос о ценности философии — это вопрос о ценности разума.
Ценность разума — общий постулат всех наук. Философия лишь продолжает линии частных наук; она — дух науки, осознающий себя (§ 89). Если естественная тенденция мысли к единству не доказывает существования этого единства, разум плохо устроен; а если разум плохо устроен, то фундамент всей науки рушится. Если вселенная познаваема, она должна быть таковой из-за понятия первичного единства. Чтобы сохранить эти соображения в должных пределах, нужно не путать два разных понятия: ценность разума в том смысле, что он делает вселенную понятной, и утверждение, что человеческий разум обладает непосредственной интуицией принципов, которые имеют необходимое существование в абсолютном смысле. Идея необходимости для нашего мышления и идея необходимости «само по себе» должны всегда тщательно различаться. Опыт и разум согласуются, когда мы открываем истину; существует гармония между нашей мыслью и фактами — вот что делает науку возможной. Дальше мы ничего не знаем; мы не можем ничего знать; и мы даже не можем искать.

§ 119. Оппозиция философскому поиску всегда сопровождается реакцией в его пользу.
Кризисы сомнения полезны и даже необходимы, поскольку сомнение относится к научным конструкциям мысли, а не к существованию истины. Но если сомнение, условие проверки и прогресса науки, направлено не против той или иной системы, а против самой возможности философии, оно всегда сопровождается реакцией. Можно сказать, что история демонстрирует применение механического закона равенства реакции действию. Чем сильнее противодействие философскому поиску, тем сильнее последующие интеллектуальные усилия. После длительной борьбы школ Фалеса и Пифагора появляются софисты. Работа Сократа — реакция против софистики. Эта реакция, порождённая у самого Сократа здравым смыслом и моральным чувством, быстро развивается в трудах метафизиков, вышедших из его школы, и начинается великолепное развитие древнегреческой философии.

После средневекового периода и более или менее несогласованных попыток научных построений эпохи Возрождения распространяется дух сомнения; скептицизм становится завершающим этапом интеллектуального движения XVI века, и «Что я знаю?» Монтеня становится популярной фразой в мире учёных. И тут появляется Декарт, который закладывает одни из самых прочных основ современной науки. Кант вступает в большую борьбу, связанную с именами Лейбница и Локка, оказывает великое служение человеческому духу; но его доктрина — отказ от философского поиска как попытки рационально определить принцип вселенной. За этим мощным действием следует чрезвычайно интенсивная реакция. После кантовского критицизма наступает период почти беспримерной интеллектуальной смелости, который через Фихте и Шеллинга ведёт к трудам Гегеля.

Позитивизм Огюста Конта был прямым отрицанием ценности философии. Многие поверили, под влиянием духа века и, по словам Конта, что общая наука умерла; натуралисты, историки, специалисты помышляли о разделе её наследия. И снова осуществилась мысль, выраженная в стихе поэта Дестуша: «Изгоняй природу — она возвращается галопом». Огюст Конт не смог удержать свои идеи в рамках официальной программы своей доктрины, и вскоре после его ухода со сцены мирская мысль получила новый мощный импульс. Философия возродилась, и не только в специальных трудах, но и с большой интенсивностью проникла в работы физиков и натуралистов. Достаточно заметить, что теория трансформизма, возникшая в биологии, для многих стала теорией эволюции —

решением универсальной проблемы. Возрождение философского духа часто проявляется сегодня в форме материализма, философии, яркое возвращение которой после временного триумфа позитивизма является одним из примеров этой реакции в пользу спекулятивных поисков, вызванной попытками ограничить мысль.

§ 120. Противники философии почти всегда подталкиваются тенденциями разума к выдвижению тезисов неосознанной философии.

Противников философии можно разделить на два вида: сторонники религиозной традиции, которые осуждают разумные поиски, и позитивисты, отрицающие ценность исследований за пределами опыта. Здесь я занимаюсь только последними. Речь не о споре по доктрине, а о факте: противники философии на самом деле являются философами, хотя не знают и не хотят этого. Поскольку речь о факте, доказательство возможно только через примеры. Для понимания этих примеров нужно усвоить метод, который используют рассматриваемые авторы: Сначала они формулируют свою позицию: философия невозможна — в традиционном смысле слова. Человек может упорядочить факты своего опыта, но дальше ничего не знает. Когда учёный распознаёт цепь движений материи в природе и человеческих действий в истории, он достигает предела реальной науки.

Причина мира и его цель, бесконечное, вечное, необходимое — недоступны нам. По этому вопросу мы ничего не можем ни утверждать, ни отрицать; это царство тьмы. Это — исходная позиция мысли, позиция сомнения, признание невежества, полное смирение духа. Так сформулированная доктрина претерпевает два последовательных превращения: Первое превращение: утверждение, что за пределами мира опыта ничего не существует. Обратите внимание на разницу. Исходная доктрина: за пределами опыта мы ничего не знаем — это сомнение. Превращение: за пределами опыта ничего не существует — это отрицание. Пример: «Я никогда не испытывал интеллекта выше человеческого, значит абсолютно не знаю, существуют ли такие». Это — первоначальная форма доктрины. «Интеллекта выше человеческого не существует» — трансформированная форма; сомнение сменилось отрицанием.

Второе превращение: от объектов опыта перейти к идеям разума, которые навязываются мысли и применяются без признания их истинной ценности и объёма. Тогда начинают говорить: материя вечна, мир бесконечен, законы природы необходимы. Эти тезисы — метафизические: идеи разума применяются к объекту опыта. Эти утверждения замещают отрицания, пришедшие на смену исходному сомнению. Важно понять это двойное превращение — ключ к тому, что иногда называют современной наукой. Исходная доктрина: сомнение по поводу того, что лежит за пределами опыта. Под сомнением скрывается отрицание, которое, раскрывшись, ведёт к первой трансформации доктрины. Отрицание же скрывает утверждение, что объект опыта обладает вечностью и необходимостью, и когда это проявляется — наступает вторая трансформация, и доктрина становится метафизикой, поскольку использует понятия бесконечного, вечного и необходимого.

Так действуют современные противники философии. Они отрицают ценность идей разума и думают, что освободились от них; но человек по сути метафизик, и идеи, от которых они считают себя освобождёнными, остаются в их сознании и ищут, как голубь из Ноевого ковчега, место, где могли бы остановиться. Попытка ограничить мысль лишь данными опыта приводит лишь к утверждению, что объекты опыта существуют вечно и необходимы. Метафизика, изгнанная из законного места, проникает обратно в науку тайной низкой дверью. Я установил этот факт на ряде примеров; здесь приведу два наиболее показательных. В своих «Словах позитивной философии» г-н Литре пишет на стр. 33: «Позитивная философия ничего не отрицает, ничего не утверждает (по вопросу о первопричинах и конечных целях), поскольку “отрицать или утверждать” означало бы заявлять, что мы обладаем каким-либо знанием о происхождении сущего и его цели... Мы

ничего не знаем о причине вселенной и её обитателях... Позитивная философия не занимается началом вселенной, если оно есть, ни тем, что происходит с живыми существами после смерти или в конце веков. Каждый может воображать это, как хочет; никто не мешает тому, кто получает удовольствие от таких размышлений, мечтать о прошлом и будущем».

В той же книге, стр. 30: «Несмотря на видимость, позитивная философия не принимает атеизм. По сути, атеист — не действительно свободный дух; он всё ещё, в своём роде, теолог, у него есть своё объяснение сути вещей». Стр. 16: автор объясняет, что при принятии позитивистской точки зрения остаётся только то, что в науке называется законом — окончательное условие, первичный факт, за которым не выйти дальше. Вся наука сводится к знанию закона последовательности фактов — это общая позиция противников философии. Но важно заметить, что между фактом и законом стоит идея, не вытекающая из опыта — идея неизменности связи явлений, ведь если бы явления не были связаны законом, их нельзя было бы выразить законами, так же как существа без общих признаков не могут быть объединены в классы.

Индукция, основной метод экспериментальных наук, предполагает, что в одинаковых условиях одно и то же событие происходит всегда и везде. Физика исчезла бы, если бы физик допустил, что при одинаковых условиях в следующем году тепло может вести себя иначе, или что преломление света не происходит одинаково на луне и на земле. Г-н Клод Бернар подчёркивал, что неизменность законов, или детерминизм, — аксиома естественных наук и априорная уверенность экспериментатора. Это, безусловно, верно для физики и вообще для всех наук, предполагающих инертность объекта. Если неизменность законов в естественной науке — априорный элемент, то в нашей естествознательной науке есть часть, не относящаяся к наблюдению фактов, а к человеческому духу. Именно дух несёт в себе понятия необходимости и вечности и применяет их, оставаясь под контролем разума. Вот дверь для философии. Г-н Литтре видит эту дверь и торопится её захлопнуть.

Он не допускает, что мы можем когда-либо утверждать необходимость или универсальность, и не принимает константность законов природы как научный факт. «Определённое знание достигается лишь через опыт и не может обрести характер необходимости или универсальности. Необходимость и универсальность — формулы Абсолюта и не принадлежат человеческим понятиям». Автор объясняет примером, что закон тяготения можно утверждать только в пределах нашего опыта. Г-н Стюарт Милль, развивая эту мысль, говорит, что человек, привыкший к абстракции, не найдёт трудностей представить, что в части мира события могут следовать случайно, без фиксированного закона; и добавляет: «Ничто в нашем опыте или ментальном устройстве не даёт достаточной или вообще какой-либо причины полагать, что этого нигде не происходит». Это — высшая точка позитивизма: мы не знаем ничего за пределами законов, и не можем утверждать законы вне наших пределов опыта.

Такое понимание можно принять, лишь игнорируя простое размышление. Все наши опыты предполагают неизменность законов, и если идея неизменности удаляется, теряется смысл самого опыта. Если предположить, что в сфере звёздных сфер действуют иные законы передачи света, вся астрономия рухнет. Если законы можно утверждать только в сфере нашего опыта, то опыт ограничен непосредственным восприятием. Мы даже не знаем ничего, кроме того, что можем ощутить, ведь любое зрительное наблюдение предполагает неизменность законов света. Наши законы, безусловно, подтверждаются опытом, но без принципа неизменности законов, основы индукции, не существует экспериментальной науки. Если оставить нас наедине с фактами без априорных элементов, мир, как хорошо сказал г-н Тэн, превратится в «просто груду фактов». Не углубляясь далее, отметим, что никто не выразил претензию оставаться в чистой области опыта лучше и яснее г-на Литтре, так как

он не только сводит всю науку к законам, но и запрещает утверждать общность этих законов.

Однако ему не удаётся уложить свои мысли в рамки своей доктрины. Его декларация невежества, одна из самых ярких в истории человеческого духа, превращается в отрицание — это легко проверить. «Слова позитивной философии», стр. 34: «Трансцендентность — это теология или метафизика, объясняющие вселенную причинами вне её». «Огюст Конт и позитивная философия», стр. 570: «Теологическое состояние — это когда дух человека считает, что явления — дело воли, или, если достигнута социальная монотеистическая стадия, воли одной». Читаешь эти высказывания и понимаешь: в мысли автора трансцендентность — ошибка, а идея воли, управляющей явлениями — ложная доктрина. Он переходит от сомнения к отрицанию — первая трансформация доктрины. Этот пункт солидно обоснован и доказан, например, в предисловии Чарльза Секретана к его второму изданию «Философии свободы». Секретан указывает в работе Литтре «путаницу между критическим сомнением и догматическим отрицанием», вскрывает приём «приписывать незнанию права знания того, чего оно знать не может», так что человек достаточно знает, чтобы отрицать существование того, что он не знает.

Развития, в которые вовлечён Секретан, вполне оправдывают его утверждения. После публикации его книги произошёл инцидент, добавивший новые доказательства. Литтре писал, говоря о первопричинах и конце вещей: «Каждому позволено воображать это, как хочет». Стюарт Милль, воспользовавшись этим разрешением, заявляет, что позитивистское мышление не обязательно отрицает сверхъестественное. Он замечает, что «если у вселенной было начало, это начало было сверхъестественным, так как законы природы не могут объяснить собственное происхождение». В заключение он говорит, что при признании существования фиксированных законов, без всяких исключений, можно быть позитивистом и верить, что вселенная создана и управляется разумом. В ответ Литтре отозвал своё разрешение: «Позитивного философа нельзя рассматривать так, будто он, занимаясь лишь вторичными причинами, оставляет свободу думать о первичных; нет, он не оставляет свободы, он чётко и категорично заявляет, что первичные причины неизвестны».

Первичные причины непознаваемы и потому должны быть исключены из человеческой мысли. Русский последователь Литтре, Вырюбофф, пишет, что «научный режим не может принять первичные причины ни как доктрину, ни как веру. Ошибка Милля, который “терпит первичные причины”, считается капитальной». Если придерживаться буквального смысла этих заявлений, первичные причины не отрицаются, а лишь запрещается в них верить — официальная доктрина, сомнение. Но то, что запрещается утверждать, почти равно отрицанию. И позитивизм, несмотря на свои заявления, действительно отрицает. Если осталось хоть малейшее сомнение, оно быстро развеется при изучении утверждений, пришедших на смену отрицаниям, которые заменили незнание. Вырюбофф прямо заявляет: позитивная философия утверждает, «она заменяет старый догмат новым догматом».

Какой это догмат? Попробуем определить его не по ученику, что слишком просто, а по учителю. Перечитываю «Слова позитивной философии» на стр. 34: «Вселенная сейчас предстает нам как целое, причины которого внутри неё, которые мы называем законами... Иманентность — это наука, объясняющая вселенную причинами внутри неё... Иманентность — непосредственно бесконечна, ибо, оставляя типы и фигуры, она ставит нас без посредников в связь с вечными двигателями безграничной вселенной, и открывает потрясённому и восхищённому разуму миры, висящие в бездне пространства, и жизнь, несущуюся в бездне времени». Вот новый догмат: имманентность, утверждение, что мир вечен, бесконечен и, исключая представление о Боге, имеет причины внутри себя. На стр. 33 мы прочитали: «Позитивная философия ничего не отрицает, ничего не утверждает», а

вот на стр. 34 Литтре, запретивший под именем трансцендентности объяснение вселенной причинами вне неё, утверждает, что вселенная имеет причины внутри себя.

На стр. 16 мы видели, что наука знает лишь законы, а теперь законы названы причинами. В журнале «Дебаты» говорится, что человеческий разум не может постичь абсолютные понятия, а здесь утверждается, что вселенная бесконечна, а её движущие силы вечны. Мы видели, что знание приходит только из опыта, а теперь автор использует идеи бесконечного и вечного, которые явно не даны опытом. Нельзя яснее показать, что происходит метафизика, хотя она формально отрицается. Странно, что такой сильный человек, как Литтре, применил слово «имманентность», не усмотрев его метафизического значения. Запрещать метафизику и одновременно утверждать имманентность — очевидное противоречие. Литтре думает, что освободился, но не освободился; он создал систему, пусть и тайком, но тем не менее систему устройства мира, остался теологом по-своему, несмотря на себя. Вот что я хотел показать и доказать.

Множество других подобных примеров, подобных примеру господина Литтре, приводят к тому же выводу: противники философии противоречат своим собственным принципам своим же примером. Поскольку они хотят ограничить своё мышление лишь непосредственным опытом, и не могут уничтожить в собственном разуме высшие идеи разума, получается, что, не осознавая этого и нечетко, они применяют идеи разума к объекту опыта. Таким образом, они приписывают относительному признаки абсолютного, случайному — признаки необходимости, временным явлениям — признаки вечности, миру — атрибуты Бога, и покрывают эти путаницы идей плащом эмпирического метода, который постоянно рвут, сами того не замечая. Если бы мы сказали таким авторам: «Раз вы берётесь объяснять вселенную, не следовало бы вам учитывать условия всеобщей проблемы? Раз вы используете понятия необходимости, вечности, бесконечности, не стоило бы изучить их тщательно, то есть признать метафизику достойной места в системе человеческих знаний, которую вы ей отказываете?

Прежде чем отождествлять причины с законами, не хотели бы вы проверить, могут ли эти две идеи — причины и закона — быть отождествлены без серьёзного нарушения самых ясных и законных правил логики? Прежде чем использовать понятия вечного, неизменного и необходимого в экспериментальном объяснении мира, не следовало бы проверить, совместимо ли использование этих понятий с методом, который сводит всё человеческое знание к констатации последовательности явлений? В общем, прежде чем пользоваться идеями, которые открываются разуму и по своей природе превосходят опыт, не стоило бы провести специальное изучение, то есть признать существование и права философии?» Если бы мы так говорили, нам бы ответили: «Нет метафизики! Мы не хотим выходить за рамки наблюдения», и продолжали бы говорить: «Мы не занимаемся причинами; поэтому утверждаем, что мир имеет причины в самом себе». «Мы не можем иметь представления о вечном и бесконечном; поэтому утверждаем, что мир вечен и бесконечен». «Наше знание не выходит за пределы опыта; поэтому мы заявляем, что законы природы необходимы».

Заниматься философией и при этом говорить, что не занимаешься ею; запрещать системы и покрывать плащом опыта зародыши или остатки ярко выраженных систем; выдавать себя за чистого наблюдателя и при этом не желать наблюдать идеи — этот приём может быть удобен, но мало соответствует требованиям серьёзного научного мышления. После того как мы рассмотрели господина Литтре, перейдём к его учителю Огюсту Конту. Этот пример имеет особые черты. Здесь, в отличие от многих других случаев, не найдётся прямого противоречия у авторов, которые в одной и той же книге, иногда на одной странице, отрицают метафизику и в то же время занимаются метафизикой; но похожий феномен предстоит изучить в весьма поучительных условиях.

Огюст Конт — человек, которому, несмотря на многие преуменьшения, нужно признать большую ценность. Он лучше всех сумел реализовать условия того, что иногда называют «современным духом». Он прекрасно понял направление одного из главных течений современного мышления и с полной убеждённостью предался этому течению: отсюда его сила. В первой лекции своего публичного курса в апреле 1826 года он объявил, что сделал великое открытие; он был полон того вдумчивого энтузиазма, который характерен для сильных интеллектуальных натур. Его открытие заключается в том, что человек религиозен и философ только временно. Теология и метафизика — это ступени лестницы, которые нужно пройти, чтобы достичь чистой науки, отказывающейся от всякой идеи причины и цели, бесконечности и вечности, чтобы строго придерживаться законов. Особенно важно очистить человеческий разум от всякой идеи о вмешательстве воли в объяснение вселенной.

Огюст Конт прекрасно понимал, что его позитивизм — это отрицание философии в традиционном смысле этого слова. Поэтому, называя все свои труды «позитивной философией», он пояснял: «Сожалею, что вынужден был принять, за отсутствием иного, такой термин, как „философия“, который был столь злоупотребляем в множестве различных значений. Но прилагательное „позитивная“, которым я изменяю его смысл, кажется мне достаточным, чтобы устранить с первого взгляда всякое существенное недоразумение, по крайней мере, у тех, кто хорошо знает его значение». И уточнял, что предмет науки — «координация наблюдаемых фактов», исключающая всякую идею о волях, задуманных как причина явлений (теология), или абстрактных сущностей, служащих основанием фактов (метафизика). Поскольку религиозные или метафизические идеи всегда лежали в основе философии для всех, кто рассматривал её как настоящую науку, позитивизм является, по признанию своего основателя, прямым отрицанием философии. Таков был Огюст Конт в начале своего учения.

В конце своей карьеры он предстал в ином облике или, по крайней мере, в другой одежде. Он занял в Париже положение верховного жреца человечества; управлял церковью, совершал таинства, благословлял браки, составлял календарь и учреждал церковный фонд для содержания нового культа, отчёты о котором у нас имеются. Это превращение позитивизма в религию вызвало раскол внутри школы. Образовались две партии: одна последовала за учителем до конца, другая же стремилась остаться в науке, не переходя к культу. Во главе научной партии стоял господин Литтре. В другой партии был доктор Робине, один из тринадцати завещательных исполнителей Огюста Конта. Вот как доктор Робине выражается на страницах 380 и 381 своей «Нотицы об Огюсте Конте»: «Позитивная вера учит, что человек и общество становятся всё более религиозными, то есть симпатичными, синтетическими и синергическими. Противоположное мнение, вдохновлённое революционной гордостью и академической сухостью, может оставаться взглядом немногих скептиков, некоторых узких и холодных душ, но не выражает истины».

Борьба остра, как видно. Именно в этом состоит предмет спора: господин Робине и его сторонники говорят: «Всё творчество Огюста Конта ведёт к его религии». Господин Литтре и его сторонники отвечают: «В конце жизни Конт отказался от своей методики; мы отделяемся от него, как только он основывает религию!» Кто прав? Есть ли в творчестве Конта развитие, противоречие? 27 июня 1845 года Огюст Конт пишет господину Стюарту Миллю, что пережил серьёзную нервную болезнь, о которой даст очень интересные подробности. Именно с этого времени он явно вступает на религиозный путь. Господин Литтре даёт три объяснения этому явлению. Первое — что Конт старел, и что с возрастом воспоминания детства получают большую власть. «Обрати дикого идолопоклонника; Близко смерти — он возвращается к своим богам,» говорит Беранже.

Вторая причина — что болезнь Конта вызвала умственный сдвиг, и эффект таких сдвигов обычно не способствует здоровому развитию интеллекта. Третья — что Конт влюбился.

Конт был охвачен благородной страстью к мадам Клотильде де Во, которая сильно повлияла на его мышление, заставив уделять большое внимание фактам чувств. Мадам Клотильда де Во умерла вскоре после зарождения этого пламени, и эта ситуация не улучшила интеллектуальное состояние Конта. В итоге господин Литтре с большой деликатностью намекает, что этот старый учитель немного сошёл с ума, и что его религиозные идеи имеют естественное объяснение. Абсолютно опровергнуть этот взгляд нельзя, но феномены, произошедшие в сознании Огюста Конта, заслуживают внимательного изучения и могут дать очень полезную информацию. Ведь речь идёт о основателе позитивизма, человеке, на которого повлияло почти всё философское противостояние.

Когда господин Литтре и многие другие писатели переходили от утверждения, что мы ничего не знаем за пределами опыта, к отрицанию реальности всего, что превосходит опыт, а затем к применению трансцендентных идей разума к экспериментальным данным, они лишь следовали импульсу, данному автором «Позитивной философии». Поэтому крайне важно отметить, что этот автор вовсе не сумел остаться верным своей программе. Что же произошло в его разуме? Исходной точкой было сведение науки к законам с исключением причин и, следовательно, воль — законы — это только рациональная формула последовательности явлений. Когда вы говорите, что человек каждое утро в определённое время проходит мимо какого-то дома, вы формулируете закон его прохождения, но не подразумеваете, что этот закон объясняет причину. Когда господин Литтре говорит, что законы — это причины, он совершает серьёзную путаницу; её корень — необходимость ума понимать причины. Эта потребность мысли пробудилась и у Огюста Конта и выразилась в возврате к метафизике, которую он хотел исключить.

Он признал, что разум не может обойтись без причин, и, не скатившись к путанице Литтре, стал искать причины вне законов — так он поднялся от позитивизма к философии. Он даже увидел ключевую истину, которая всё яснее проявляется в современных философских трудах: начальные причины явлений, единственные первичные причины — это воли. «В поздних концепциях Конт открыто признаёт, что разум не может обойтись без веры в воли». Господин Литтре честно сообщает, что это признание стало смертельным ударом для позитивной философии, поскольку в нём содержится утверждение, что человек по необходимости метафизик и даже теолог, тогда как фундаментальное утверждение позитивизма — что он теолог и метафизик только временно. Мы даже узнаём от господина де Ломбрея, что Конт выразил эту мысль в александрийском стихе, который считал правилом: «Чтобы дополнить законы, нужны воли».

Чистое рассмотрение закона исключает поиск конечной причины, так же как и причины действенной; но как только мы имеем дело с волей, мы естественно спрашиваем о цели её действий. Поиск конечной причины снова появляется, как только принимается рассмотрение действенной причины. Конт подчинялся этой потребности мысли. Он говорил: «Конечная мудрость учреждает синергию на основе мудрости, основанной на симпатии, представляя всю деятельность, направленную любовью к всеобщей гармонии». Эти слова требуют толкования. Я не стану переводить их сам; вот перевод господина Литтре: «Эта фраза значит, что всё, что происходит, направлено к всеобщей гармонии посредством любви». Таким образом, Конт вернулся к метафизике через рассмотрение причин. Он вступает на определённый метафизический путь, утверждая, что причины — это воли; и поскольку идея цели неотделима от идеи воли, он видит во всеобщей гармонии цель высшей воли и в любви её движущую силу. Это широко открывает дверь для перехода от метафизики к религии.

Конт смело переходит через эту дверь. Учреждается культ, и реализация всеобщей любви выдвигается как основа морали. Эффект истинной религии в том, что «альтруизм стремится

преодолеть эгоизм». Жить для других, говорит господин Равассон, была девизом Огюста Конта в последние годы; идеалом — рыцарство Средневековья. Здесь господин Литтре испытывает боль, которую я понимаю, но не разделяю. Мы очень далеко от позитивизма. Пройдя через метафизическое состояние, мы откатились к теологическому. Эта любовь, осуществляющая всеобщую гармонию, очень похожа на Провидение; а альтруизм — прозрачный покров, скрывающий идею христианской любви. Очевидно, что по форме своей мысли Конт возвращался к христианской традиции, но лишь в форме, в общих идеях причины, любви и гармонии. В применении же этих великих идей он продолжал держаться настолько далеко от христианской мысли, что в религии, которую основывал, не встречается ни утверждения о Боге, ни утверждения о бессмертии души. Он явно (что справедливо замечает господин Литтре) испытывал влияние религиозной традиции, но, по-видимому, никогда не задумывался над природой, происхождением и значением этой традиции.

Почему? Он был верховным жрецом нового порядка, и это положение не позволяло ему непредвзято оценивать прошлое. Кроме того, он разделял все предрассудки XVIII века, где позитивизм — самая развитая их форма; хотя он был усердным читателем «Подражания Иисусу Христу», он, вероятно, никогда не подозревал, что догмат может содержать, в особой форме, истинное решение философских проблем. Наконец, выбранный им способ работы отдалял его от серьёзного изучения философской и религиозной традиции в связи с новым развитием его мысли. После прочтения большого объёма литературы и исследований он установил для себя ментальную гигиену — не читать научных трудов, чтобы жить более интимно со своей собственной мыслью. Многие теряют оригинальность мысли, много читая; они душат свой ум грузом чужого разума. Между этим режимом и режимом Конта существует средний путь. Во всяком случае, основатель позитивизма, вернувшись к метафизике и религии, не вернулся к Богу. Он не понял, что представлять принцип вселенной как «деятельность, направленную любовью к всеобщей гармонии», — значит представлять Бога в христианском традиционном смысле. Объектом его культа стала человечество, которому он предлагал поклоняться. «Человечество», говорил он, «заменяет Бога, не забывая при этом его временные заслуги».

Он писал одному из учеников: «Рекомендую ежедневное чтение „Подражания“ в оригинале и Корнеля. Смотрите в этом замечательное поэтическое произведение о человеческой природе и читайте его, предлагая себе заменить Бога человечеством». Кроме того, не вдаваясь в древнейшие источники, можно легко убедиться, что поклонение человечеству составляет основу позитивистского культа, обратившись к „Aperçus“ господина де Ломбрея, созданным при сотрудничестве с учителем. Господин де Ломбрея сообщает нам, что «человек всегда поклонялся человечеству». Долгое время он поклонялся ему под покровом, но теперь «снимает с божества священный клад, который долгое время был его идеалом, и помещает его под защиту самого человечества, которому поклоняется напрямую, без посредства божественного». Человечество — Великая Сущность, и оно составляет непосредственный и главный объект позитивистского культа. Но поклоняться только человечеству трудно, потому что его существование явно относительное, условное, и чтобы поклоняться только ему, нужно было бы приписать ему абсолютное существование, что практически невозможно. Поэтому Комте приходит к концепции религиозного триумвирата, тройственности, концепции, которая огорчает также г-на Литтре из-за её явной связи с христианской догматикой.

Этот триумвират включает, во-первых человечество или Великую Сущность; во-вторых Землю, или Великий Фетиш, к которому относятся Солнце и Луна как приложения; и в-третьих Пространство или Великое Средоточие — пассивное, но симпатическое существо. Вот сам текст автора: «Неизменная троица управляет нашими представлениями и нашими поклонениями, которые всегда относительны: сначала к Великой Сущности, затем к Великому Фетишу, и наконец к Великому Средоточию. Эта иерархия, основанная на теории

человеческой природы и универсальном законе классификации, демонстрирует непрерывное убывание характера субъективного синтеза. На первом месте там почитается полная полнота человеческого типа, где интеллект помогает чувству в управлении деятельностью. Наши почести там славят затем активное и благосклонное место, без которого не обходится высшее бытие. Это не ограничивается Землей с её двойной жидкой оболочкой, но включает также те астрономические тела, которые действительно связаны с планетой человека, как объективные и субъективные приложения — прежде всего Солнце и Луну, которым мы должны особенно поклоняться. За этим вторым культом следует культ театра — пассивного, столь же слепого, сколь и всегда благосклонного, к которому мы относим все материальные атрибуты, благодаря чьей гибкой симпатии нашим сердцам и умам легче даётся абстрактное восприятие».

Пассивный, но благосклонный театр — это Пространство. Активное и благосклонное место, необходимое для высшего бытия, — это Земля, которая, будучи домом Великой Сущности, восстанавливает для Солнца роль центра, от которого гипотеза Коперника, казалось, его лишила. Август Комте предполагает, что «природа мира когда-то была ближе к природе человека, так что наша планета и другие обитаемые планеты были наделены разумом ещё до того, как там стало возможным социальное развитие». Опираясь на эти гипотезы, которые кажутся ему допустимыми и необходимыми для его культа, он без колебаний пишет: «Когда Земля была разумной, она могла развивать свою физико-химическую активность так, чтобы совершенствовать астрономический порядок, меняя свои основные коэффициенты. Наша планета также могла сделать свою орбиту менее эксцентричной, а значит более пригодной для жизни, координируя длительную череду взрывов, аналогичных тем, которые порождают кометы, согласно лучшей гипотезе. Повторённые разумно, такие же толчки, поддерживаемые вегетативной подвижностью, могли также улучшить наклон оси Земли, лучше соответствующий будущим нуждам Великой Сущности».

По мере улучшения каждой планеты, «её жизнь истощалась из-за избытка иннервации, но с утешением в том, что это делало развитие более эффективным». Г-н Литтре замечает, что иннервация — это нервная функция и не может принадлежать Земле, у которой нет нервов, поэтому Август Комте теряет из виду самые простые биологические понятия. Август Комте мог бы ответить, по моему мнению, что Земля пожертвовала своими нервами, одновременно со своим разумом, в том же акте самоотвержения, который заставил её согласиться на избыток иннервации в пользу Великой Сущности. Но оставим ученикам спорить на эту тему и извлечём серьёзные уроки разума из этих мало разумных текстов.

Август Комте отрицает высшие потребности разума — что происходит? Разве не достойно серьёзного размышления видеть основателя позитивизма, человека, который выразил с наибольшей силой претензию разорвать связи со всеми данными, выходящими за рамки опыта, переходящего от самого крайнего неверия к самому полному суеверию? Разве не предмет для серьёзных размышлений, что писатель, столь решительно отрицавший метафизику, получает своё наказание в форме доктрины, согласно которой пространство становится симпатическим, а земля — ослабленной величиной в результате великой жертвы? Пример Августа Комте особенный, как я уже сказал. Однако по существу он освещает ту же истину, которая вытекает из примера г-на Литтре и других аналогичных случаев: противники философии ведутся, словно подчиняются высшей силе, к тому, чтобы заниматься философией. Если неправильно использовать законное применение метафизических идей, их неправильно применяют к объекту опыта. Мы видели, как мир провозглашается бесконечным, вечным, необходимым под покровом экспериментального метода. Август Комте предлагает поклоняться ему, начиная с культа человечества, затем культа Солнца и Луны, и культа Пространства. Это — законное религиозное следствие метафизики, которая делает мир вечным и необходимым.

Останется ли потребность философствовать, приводящая к явным противоречиям у людей, находящихся под влиянием позитивизма, лишь пережитком прошлого, от которого эти писатели не смогли полностью избавиться? Смогут ли ученики Августа Комте (первой волны) вырастить поколение мыслителей, которые будут удовлетворяться только координацией результатов опыта и серьезно откажутся от всяких утверждений относительно природы вещей, их происхождения и цели? Никогда не стоит безрассудно решать за будущее — но это, по крайней мере, сомнительно.

§ 121. Философская система может быть построена только, проходя через ступени возрастающей вероятности.

Философия, будучи объяснительной наукой, находится в тех же условиях, что и все науки такого рода. Полагать, что философская система может быть абсолютно и немедленно доказана, как теорема геометрии — это ошибка рационализма, претензии которого нанесли серьёзный урон исследованиям спекулятивного мышления. Абсолютная уверенность может быть достигнута немедленно только в чисто рациональных науках, которые не достигают реальностей, и в чисто эмпирической части фактических наук. Для всех объяснительных наук построения мысли проходят через ступени возрастающей вероятности. Вот чего систематически мыслящие люди не понимают. Ошибка естественна для рационалистов; но удивительно, что учёные, исповедующие эмпиризм в вопросах метода, тоже подвержены этому заблуждению. В наши дни мы видим, как наивно смелые умы превращают в абсолютно доказанные истины рискованные гипотезы, принимая их за достоверные экспериментальные индукции.

В частных науках часто требуется много времени, чтобы гипотеза достигла степени подтверждения, которая превращает её в общепринятую истину. Движение Земли, вызывающее смену дня и ночи, было твёрдо утверждено в школе Пифагора. Аристотель отрицал это, и его авторитет в течение веков бросал тень на эту астрономическую истину. Коперник возродил гипотезу пифагорейцев и доказал её в 1543 году. Паскаль, умерший в 1662 году, всё ещё говорил о движении Земли с некоторой долей сомнения. Только в 1687 году, с публикацией открытий Ньютона, для которых теория Коперника была постулатом, эта теория была принята учёным миром как доказанная истина. Обсуждения о фундаменте астрономии длились 144 года. Этот факт заставляет задуматься; он не позволяет удивляться тому, сколько времени может потребоваться на доказательство любой гипотезы, и чем сложнее задача, тем дольше может длиться этот процесс.

Важно различать философскую гипотезу как таковую — определение первичного принципа, и объяснение, выводимое из этого принципа, которое служит проверкой гипотезы. Можно сразу же прояснить некоторые крупные факты, которые исключают те или иные определения первичного принципа, потому что существуют объекты универсального опыта. Гипотезы, которые отрицают некоторые из этих элементов, законно исключаются; гипотезы, позволяющие их учитывать, законно принимаются, по крайней мере, временно. Так можно положить основы системы. Что касается самой конструкции системы, её завершение зависит от развития частных наук, поскольку результаты частных наук служат основой и контролем философских теорий. Поэтому работа может идти только медленно и неизбежно подвергается множеству изменений. Спешка мысли, бросающейся к объяснению фактов до того, как факты должным образом установлены, является причиной многих ошибок и потери времени.

Некоторые философы утверждают, что нет интеллекта выше человеческого, утверждение, лишённое и осторожности, и скромности. Если бы оно было принято до Коперника, то объяснение древней астрономической системы сводилось бы к: «Человек — высший интеллект во вселенной, поэтому Земля, дом человека, — центр мира». Таким образом, ошибочный факт объяснялся бы априори.

§ 122. Общность принятия философской системы зависит от прогресса человеческого разума.

Разум сам по себе не может прогрессировать; прогрессирует сознание этого разума у человека, согласие индивидуальных мыслей с общей мыслью, которая навязывается своей необходимостью. Умы разные, но различаются вкусы, характеры, умственные и нравственные способности людей; законы же разума одинаковы для всех. Следовательно, не сам разум прогрессирует, а человеческий разум, то есть знание основных данных и законов интеллекта. Чем более продвинуто изучение разума, тем больше шансов на согласие в вопросах философии. Образование в этом плане может оказать значительную помощь.

Логика и метафизика в средневековых школах занимали непропорционально большое место. У меня есть книга, изданная в 1494 году, которая была учебником для бакалавриата — то, что молодой человек должен был знать перед началом специальных факультетских занятий. Метафизика там занимает 95 страниц, логика — 139, арифметика — 4, геометрия — 5. Сегодня пропорции сильно изменились, возможно, слишком сильно. Меньше времени, отведённого математическим, физическим и естественным наукам, и немного больше — логике и метафизике могло бы способствовать развитию разума. Это влияние проявилось бы у поколения, непосредственно подвергшегося ему, и могло бы распространиться на будущие поколения через наследственность, которая сегодня занимает современную науку. Было бы желательным, чтобы курсы философии заняли своё истинное место, которого они почти никогда не занимают — то есть в конце специальных учебных программ, которых они должны быть венцом. Если эти меры будут применены, можно надеяться, что некоторые философские споры прекратятся, а развитие разума разрушит системы, отрицающие его фундаментальные законы. Но не стоит питать иллюзий в этом отношении.

Общность философии, её связи со всеми частными науками делают её прогресс очень медленным. Кроме того, системы философии, находясь в необходимой связи с практикой жизни, испытывают влияние вне научных факторов. Поэтому универсальное согласие мыслителей с философской системой не предвидится. Можно даже предположить, что согласие, которое, не будучи всеобщим, будет хотя бы общим, как результат медленной трансформации мысли, долго будет ждать своего времени. Но долго ожидаемое может наступить, в конце концов.

Перевод 2025 г. - Школа Христианской Мудрости
School Christian Wisdom www.scwi.top